

ШАТО Д'ИФ

**И ДРУГИЕ
ПОВЕСТИ**

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Шато д'Иф и другие повести

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Шато д'Иф и другие повести / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933581-4

Рассказы, включенные в этот сборник, были написаны в раннем и среднем периодах карьеры Джека Вэнса, на протяжении двух десятилетий, начиная с 1950-х годов. Впоследствии Вэнс пренебрежительно отзывался о своих ранних произведениях. Тем не менее, это добротные развлекательные истории. В них заметны свойственные Вэнсу воображение и богатый событиями личный опыт, предвещающие появление более существенных работ.

ISBN 978-5-44-933581-4

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

СУДЬБА ФАЛИДА	6
I	6
II	11
III	16
IV	21
V	25
VI	29
ШАТО Д'ИФ	34
I	34
II	39
III	44
IV	51
V	57
VI	63
VII	68
VIII	73
IX	78
X	82
ПОХОД НА МАКСУС	86
I	86
II	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Шато д'Иф и другие повести

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-3581-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУДЬБА ФАЛИДА

I

Райан Рэч провел два месяца без сознания; наконец он открыл глаза. Точнее говоря, сморщились двести миниатюрных складчатых пленок-затворов из грязноватой лилово-коричневой кожицы, что позволило Рэчу взглянуть на мир по-новому.

Примерно двадцать секунд Рэч напряженно смотрел на внезапно ворвавшийся в сознание лихорадочный кошмар, на абсолютно невыразимое безумие. Он слышал пронзительные прерывистые звуки – каким-то образом ему казалось, что он мог их распознать. Его мозг перенапрягся и отказался от дальнейших усилий, напряжение исчезло. Рэч снова потерял сознание.

* * *

Доктор Плогетц, коренастый седой коротышка с гладкой розовой физиономией, опустил бинокулярный платоскоп и выпрямился, продолжая смотреть на то, что лежало на процедурном столе, после чего повернулся к человеку в серо-зеленой униформе с тремя многолучевыми золотистыми звездами командора сектора на предплечье. Лицо командора, тощее, смуглое и жесткое, сохраняло суровое выражение, лишненное всякого чувства юмора.

«В физиологическом отношении все в полном порядке, – заключил врач. – Нервные соединения зажили, адаптеры кровеносной системы функционируют безотказно...»

Он прервался. Черная нечеловеческая фигура, растянувшаяся на столе с мягкой обивкой – с большой головой гигантского насекомого, в облегающем грудь и спину плаще длинного черного панциря, с причудливо сочлененными ногами – пошевелила правой передней конечностью: эластичным щупальцем с крапчатой серой тыльной поверхностью и беспорядочным набором сероватых крыльчатых пальцев.

Доктор Плогетц снова взял платоскоп и внимательно рассмотрел органы внутри заключенного в хитиновый панцирь торса.

«Рефлекс! – пробормотал он. – Как я упомянул, нет никакого сомнения, что перед нами – физиологически здоровое существо. В психологическом плане... – врач поджал губы. – Конечно, еще рано делать какие-либо выводы с уверенностью».

Командор Сандион кивнул: «Когда к нему вернется сознание?»

Доктор Плогетц нажал на штырек наручных часов. Из миниатюрного громкоговорителя послышался голос: «Слушаю вас, доктор?»

«Принесите головной чехол из сонфрана... скажем, примерно двадцать шестого размера». Обращаясь к Сандиону, он пояснил: «Введу ему стимулирующий препарат – он сразу оживится. Но прежде всего...»

Вошла медсестра – темноволосая, голубоглазая, исключительно привлекательная – с чехлом в руке.

«А теперь, мисс Элдер, – сказал врач, – наденьте чехол так, чтобы он полностью окружал оптическую щель. Но проследите за тем, чтобы не заблокировать похожие на жабры маленькие клапаны по обеим сторонам головы».

Прежде, чем продолжать разъяснения, Плогетц глубоко вздохнул: «Я хотел бы свести к минимуму шок, которому подвергнется его мозг. Несомненно, визуальные впечатления приведут его в замешательство – мягко говоря. Следует учитывать, что спектр цветового восприятия фалида в два раза обширнее типичного человеческого, поле его зрения – в три или четыре раза шире. У фалида двести глаз, его мозг должен координировать и объединять сиг-

налы, поступающие от двухсот отдельных оптических органов. Человеческий мозг интегрирует два изображения; неизвестно, способен ли он делать то же самое, обрабатывая двести изображений. Именно поэтому мы не тронули небольшую часть первоначального мозга фалида, а именно нервный узел, координирующий визуальные сигналы». Доктор Плогетц прервался, чтобы бросить оценивающий взгляд на сложно устроенную черную голову существа.

«Даже при содействии центра обработки визуальной информации перед глазами Рэча предстанет новый, фантастический мир, – задумчиво продолжал врач. – Сочетание всех изображений, регистрируемых глазами фалида и объединенных сохранившимся нервным узлом – нечто, чего никогда не испытывал ни один человек».

«Не сомневаюсь, что нагрузка на его нервную систему будет огромной», – заметил Сандион.

Врач кивнул и проверил правильность расположения чехла, закрывшего черную голову.

«Два миллилитра трехпроцентного раствора артродина», – сказал он медсестре, после чего снова повернулся к Сандиону: «Мы оставили без изменений еще один нервный узел первоначального мозга – центр обработки и распознавания речи, так как информация такого рода, скорее всего, играет существенную роль в процессе организации визуальных данных. Остальной мозг фалида пришлось удалить – что достойно сожаления во многих отношениях. Воспоминания и ассоциативные связи оказались бы бесценным подспорьем для вашего молодого человека, причем у фалидов, разумеется, есть особые органы чувств, отчет о функциях которых мне хотелось бы получить, так сказать, из первых рук».

«А, да-да! – спохватился врач, когда медсестра передала ему шприц для подкожных инъекций. «Странное дело! – продолжал он, используя шприц по назначению. – Я могу вживить человеческий мозг в это... в это существо, тогда как, если бы я пересадил этот мозг в тело другого человека, пересаженный мозг не прижился бы». Плогетц вернул порожний шприц медсестре и вытер руки салфеткой: «Мы живем в странном мире – не правда ли, командор?»

Командор Сандион бросил на врача быстрый язвительный взгляд и кивнул: «Вы правы, доктор – мы живем в очень странном мире».

* * *

Личность – ощущение безошибочного отождествления со своим «я» – всплывала, как пузырь из сумрачных глубин. Снова сморщились две сотни маленьких «жалюзи» оптической щели, опоясывавшей более чем половину окружности новой головы Райана Рэча. Он не видел ничего, кроме темноты – что-то препятствовало зрению.

Он неподвижно лежал, припоминая сумасшедшую суматоху света, форм и неизвестных цветов, привидевшуюся раньше – в данный момент его вполне устраивала темнота.

Постепенно он начинал осознавать новые ощущения своего организма. Он больше не дышал. Вместо этого постоянный приток воздуха поступал по пульсирующим каналам и выходил через клапаны-жабры у него на голове. Какой именно момент можно было назвать «вдохом», Рэч не мог определить.

Он осознал также необычную осязательную чувствительность, позволявшую распознавать текстуру поверхностей. Осязательные участки находились с тыльной стороны и на концах его передних конечностей, тогда как остальное тело не отличалось такой восприимчивостью. Почти не двигаясь, он мог с точностью распознавать качество ткани на столе, структуру и взаимное расположение нитей этой ткани, а также сущность отдельных волокон, то есть свойственный только им индивидуальный характер.

Он слышал пронзительные, резкие звуки. И тут же понял, с шокирующей внезапностью, что это были человеческие голоса. Кто-то звал его по имени.

«Рэч! Вы меня понимаете? Пошевелите правой рукой, если понимаете».

Рэч заставил пошевелиться правое щупальце.

«Я прекрасно вас понимаю, – сказал он. – Но почему я ничего не вижу?» Он говорил инстинктивно, бессознательно, не прислушиваясь к своему голосу. Нечто странное заставило его замолчать и задуматься.

Слова беспрепятственно передавались его мозгом к мышцам звуковоспроизводящей диафрагмы в груди. Когда он говорил, голос воспринимался как естественный чувствительными слуховыми волосками под панцирем на спине. Но уже через несколько мгновений недоумевающий мозг Рэча осознал, что этот голос не был человеческим. Он слышал последовательность каких-то гудков и жужжаний, ничем не напоминавших речь человека, задававшего ему вопросы.

Теперь он попробовал имитировать человеческий язык – это оказалось невозможным. Его речевой аппарат был плохо приспособлен к воспроизведению шипящих, гортанных, межзубных, фрикативных и раскатистых звуков, хотя гласным звукам ему удавалось более или менее подражать, изменяя высоту тона. Уже через несколько секунд он понял, что не сможет говорить разборчиво.

«Вы пытаетесь говорить по-английски? – последовал вопрос. – Пошевелите правой рукой, если да, или левой рукой, если нет».

Рэч пошевелил правым щупальцем. Затем, ощущая желание видеть и для того, чтобы понять, что мешало ему видеть, он нащупал край чехла, закрывавшего оптическую щель. Но кто-то помешал ему приподнять чехол: «Пока что лучше оставить на месте повязку, закрывающую вам глаза – пока вы не познакомитесь получше с функциями фалидского организма».

Вспомнив сумятицу форм и цветов, поразившую его с самого начала, Рэч опустил щупальце.

«Каким образом он так быстро научился пользоваться конечностями?» – спросил Сандион.

«Нервная система фалида, по существу, сходна с человеческой, – отозвался доктор Плогетц. – Головной мозг Рэча передает команду через адаптеры, соединенные со спинным мозгом, и движения осуществляются рефлексивно. Поэтому, когда он попытается ходить, если он будет сознательно контролировать перемещение каждой ноги, движения будут неуклюжими, неловкими. Но если он просто прикажет своему телу идти, оно двинется вперед естественно, автоматически».

Плогетц снова сосредоточил внимание на существе, распростертом на процедурном столе: «Вам удобно? Вы отчетливо осознаете происходящее?»

Правое щупальце Рэча подернулось.

«Ощущаете ли вы какое-нибудь влияние волевых побуждений фалида? Другими словами, возникает ли какой-нибудь конфликт между вашим мозгом и вашим телом?»

Рэч задумался. Судя по всему, конфликта не было. Он ощущал себя Райаном Рэчем так же, как всегда – хотя в то же время чувствовал, что его словно заперли в неестественных условиях заключения.

Он снова попытался говорить. «Странно!» – подумал он. Язык фалидов – язык, которого он никогда не знал и не слышал – давался ему легко. Но, как прежде, он не смог воспроизвести человеческую речь даже приблизительно.

«Вот карандаш и блокнот на твердой подкладке, – произнес голос. – Писать с закрытыми глазами может быть трудно, но попробуйте».

Рэч схватил карандаш и, сопротивляясь желанию нарисовать какие-то зазубренные кривые, написал: «Вы можете это прочесть?»

«Да», – ответил голос.

«Кто вы? Доктор Плогетц?»

«Да».

«Операция прошла успешно?»

«Да».

«Мне кажется, что я знаю язык фалидов. Я могу говорить на нем автоматически. То есть, когда я хочу что-то сказать, слова тут же произносятся по-фалидски».

«В этом нет ничего удивительного». Каким пронзительным и резким казался голос врача! Рэч помнил, как звучал голос доктора Плогетца до пересадки мозга – нормальный, приятный, довольно-таки глубокий баритон. «Мы оставили в черепной коробке сегмент фалидского мозга, – продолжал врач, – нервный узел, ответственный за воспроизведение и понимание речи. Незнание фалидского языка создало бы для вас значительные трудности. Кроме того, мы оставили нервный узел, координирующий изображения, регистрируемые двумя сотнями глаз – иначе вы не смогли бы ничего видеть, кроме расплывчатых пятен. Тем не менее, даже при использовании этого нервного узла, скорее всего, будут иметь место существенные искажения».

«Существенные искажения! – подумал Рэч. – Ха! Если бы только доктор Плогетц взглянул на цветную фотографию того, что мне привиделось!»

К Рэчу обратился другой голос, еще более пронзительный, сопровождавшийся тупым скрежетом, раздражавшим новые нервы Рэча: «Привет, Рэч! Это Сандион – командор Сандион».

Рэч хорошо помнил командора – худощавого, смуглого, постоянно напряженного и язвительного; На Сандиона возложили основную ответственность за проведение кампании против таинственных фалидов. Именно Сандион допрашивал Рэча после странной мимолетной стычки в системе Кордекера-343 неподалеку от сектора Стрелка – стычки, в которой погибли два брата Рэча, а он сам остался при смерти.

«Привет, командор! – написал Рэч. – Как долго я был без сознания?»

«Почти два месяца».

Диафрагма Рэча удивленно зажужжала.

«Что произошло за это время?»

«Они атаковали еще пятнадцать наших кораблей – как минимум пятнадцать – в различных секторах. Звездолеты горят, команды и пассажиры погибают или пропадают без вести. Фалиды устроили засады трем боевым крейсерам – не одновременно, конечно – одну в секторе Геркулеса, другую – в секторе Андромеды, и еще одну в трех световых годах за Прочионом».

«Обнаглели!» – написал Рэч.

«Они могут себе это позволить, – мрачно отозвался Сандион. – Фалидам уже удалось сократить наш боевой флот на треть. Их корабли проявляют дьявольскую подвижность. Мы деремся, как слепой, отгоняющий кнутом двадцать карликов, вооруженных длинными ножами. Пока мы не узнаем, где находится их родная планета, мы беспомощны».

«Я разыщу их планету, таков мой долг, – написал Рэч. – Не забывайте, что они тоже у меня в долгу. Фалиды отправили на тот свет двух моих братьев».

Сандион хмыкнул и ворчливо сказал: «Таков твой долг – совершить самоубийство».

Рэч внутренне кивнул, но голова, посаженная на ороговевшем воротнике-навершии черного панциря, не могла кивать.

Сандион снова хмыкнул: «Что ж, мне пора идти. Не торопись, отдыхай». Командор язвительно улыбнулся медсестре: «Счастливчик! За тобой будет ухаживать красавица».

«Мне-то от этого уже ни тепло ни холодно», – подумал Рэч.

Командор сектора Сандион подошел к иллюминатору, слегка затемненное хрустальное стекло которого передавало изображение дюжины блестящих небоскребов посреди парков и озер, грациозных переплетений подвесных пешеходных конвейеров и плотно роящегося воздушного транспорта. За стеной кабинета доктора Плогетца, закрепленный электромагнитами на парковочном рельсе, ждал аэромобиль Сандиона. Командор забрался в машину, и она

понеслась к башне Космического управления, где Сандиона ожидали его кабинет и подлежащие бесконечному изучению астронавигационные карты.

Доктор Плогетц снова повернулся к Рэчу: «Теперь я намерен снять чехол с вашей головы. Не беспокойтесь по поводу замешательства. Просто расслабьтесь и посмотрите вокруг».

II

Через две недели Рэч уже передвигался по нескольким отведенным ему комнатам, не спотыкаясь и не опрокидывая мебель. Это не означало, что он видел вещи такими, какими они представлялись ему прежде. По сути дела, ему приходилось заново учиться видеть, причем в мире, устроенном в четыре раза сложнее. Тем не менее, если бы Рэч надеялся на что-либо, кроме отчаянной схватки с врагами и скорой ужасной смерти, он, может быть, даже получал бы какое-то удовольствие от процесса обучения.

Теперь, вопреки всему, его постоянно изумляли и очаровывали цвета, тона и оттенки – обжигающие, прохладные, угрюмые, пламенные, мистические. Окраска всего, что он видел, придавала миру новый, чудесный вид.

Человеческий глаз различает красные, оранжевые, желтые, зеленые, синие и фиолетовые тона. Рэч различал шесть дополнительных цветов – три инфракрасных и три ультрафиолетовых. Кроме того, существовала особая полоса частот, к которой были чувствительны его двести глаз – она соответствовала величественному туманному цвету, далеко выходящему за рамки человеческого восприятия. Рэч определял частоты видимых им цветов с помощью полученного от доктора Плогетца спектроскопа.

Он подробно разъяснил врачу, весьма интересовавшемуся всеми наблюдениями Рэча, свое восприятие особого высокочастотного цвета. Плогетц предложил называть этот цвет «калихромом» – словом греческого происхождения. Рэч не возражал, так как фалидское наименование этого цвета фонетически выражалось последовательностью звуков, воспринимавшейся приблизительно как «зз-за-ммм», в связи с чем записывать этот термин на классной доске, установленной врачом, было бы неудобно. Другие дополнительные цвета они обозначали как «ИК-1», «ИК-2», «ИК-3», «УФ-1», «УФ-2» и «УФ-3».

Даже вид на город из окна казался Рэчу поразительным; достаточно было наблюдать за изменением оттенков неба – оно больше не было голубым, оно воспринималось как синее с ультрафиолетовыми оттенками 1 и 2. Многоэтажные башни больше не были башнями. Искаженные фалидским зрительным восприятием, они представлялись Рэчу уродливыми веретенообразными сооружениями, а небольшие обтекаемые аэромобили, раньше казавшиеся Рэчу изящными и элегантными, теперь превратились в приплюснутые, бесформенные силуэты. По сути дела, ничто не выглядело, как раньше. Фалидские глаза и фалидский нервный узел придавали всему другую внешность.

Мужчины и женщины потеряли человеческий облик и сатирически преобразились в маленьких спящих, покрытых оспинами тварей с плоскими, влажными, неприятными лицами.

Потерю нормального человеческого восприятия, однако, компенсировали новые возможности, развившиеся вследствие пересадки мозга или на основе унаследованных скрытых талантов.

Будучи неспособен воспринимать людей по-прежнему, истолковывать выражения их лиц, интонации их голосов и сотни заметных только с человеческой точки зрения характеристик поведения и жестикуляции, мало-помалу Рэч обнаружил, что он, тем не менее, ощущал внутреннее эмоциональное состояние окружающих. Может быть, это была способность, присущая всем живым существам – а может быть, она была свойственна только фалидам, и Рэч пользовался ею благодаря оставшимся у него в голове фалидским нервным узлам.

Он так и не сумел найти ответ на этот вопрос; так или иначе, Рэч безошибочно признавал, что красавицу мисс Элдер охватывали приступы отвращения и страха, когда обязанности заставляли ее приближаться к нему, и что доктор Плогетц – олицетворение беспристраст-

ного, скрупулезного исследователя – не испытывал к нему практически никаких чувств, кроме острого любопытства.

Дополнительное замешательство у Рэча вызывало то обстоятельство, что теперь мисс Элдер вовсе не казалась ему красавицей. Он помнил, какой она была прежде – великолепной женщиной с блестящими темными волосами, большими нежными глазами и фигурой, стройной и гибкой, как плакучая ива. Отныне в его двухстах глазах мисс Элдер выглядела как бледное двуногое существо с лицом, напоминавшим глубоководную шар-рыбу, а ее формы представлялись не более приятными, чем кусок сырой печени.

Когда же Рэч смотрел на себя в зеркало – о чудо из чудес! – он созерцал, как утверждали его глаза, бесконечно более возвышенное, прекрасное существо: высокое, статное, изящное! Как изумительно блеснул его панцирь, как грациозно двигались щупальца! А его благородный лик – с пронизательно обозревающими горизонты сотнями глаз, с острым, готовым нанести смертельный удар клювом, с великолепными симметричными губчатыми выростами, покрытыми жесткой щетиной! Его наружность можно было назвать почти царственной.

Райана Рэча начинало беспокоить то, в какой преобладающей степени он был вынужден подчиняться фалидской версии мироощущения, и он постоянно, сознательно заставлял себя сопротивляться подсознательному навязчивому влиянию неземных органов чувств.

Однажды командор Сандион вернулся и серьезно пожал правое щупальце Рэча: «Насколько мне известно, ты неплохо адаптируешься».

Рэч все еще не мог говорить на человеческом языке. Он подошел к доске: «Когда начнем?»

В глазах Рэча командор выглядел как грязно-серая искривленная, покрытая вмятинами тварь, двигавшаяся с нервным проворством ящерицы.

«Если ты готов, мы могли бы начать уже завтра», – ответил Сандион.

Рэч написал на доске:»!!! – Инструкции?»

«На прошлой неделе неподалеку от системы Канопуса уничтожены два патрульных корвета и два пассажирских звездолета, – сказал Сандион. – Команды и пассажиры – все, кто остался в живых – захвачены в плен. По всей видимости, где-то в этом районе фалиды содержат значительную армаду. Их разведочные быстроходные катера рассредоточены по всему сектору. Мы заметили и уничтожили три или четыре двухместных катера – не больше аэромобиля каждый. Что ж, завтра ты отправишься к Канопусу на еще одном корвете. Вы будете неспешно патрулировать сектор, пока на вас не нападут, после чего команда корвета эвакуируется на спасательных шлюпах. Можно надеяться, что им удастся добраться до планеты Лоджук в системе звезды Фитцсиммона, где у нас есть астроскопическая станция. А затем тебе надлежит выполнить последовательность операций, которую мы неоднократно обсуждали».

«Я готов», – написал на доске Райан Рэч.

* * *

«Черт бы их побрал! – выругался капитан Дик Хамбер, бросив шлем на сиденье. – Что еще мы можем сделать? Разослать приглашения на надушенных открытках? Девять проклятых дней – а фалидов нет как нет».

«Может быть, мы так ничего и не увидим, – предположил Каброн, навигатор-пессимист. – То есть увидим вспышку, и от нас больше ничего не останется».

Хамбер покосился на высокую черную фигуру, стоявшую перед иллюминатором. «Тебе, в отличие от Рэча, есть на что надеяться, – тихо сказал капитан. – Рэч начнет там, где мы закончим».

Щупальце черной фигуры подернулось.

«Пока что Рэч успел неплохо нажиться, – ворчал Каброн. – Не знаю, умудряется ли он подсматривать чужие карты всеми своими проклятыми глазами, но он обчистил нас в покер на восемьсот валюнтов».

Рэч внутренне ухмыльнулся. Регистрировать радость, сомнения и уныние в умах других игроков было проще простого – но у него не было ни малейшего намерения взять выигрыши, тем более с обидчивого, несдержанного Каброна; для Рэча покер был всего лишь безобидным времяпровождением.

Взвыла хриплая сирена. На мгновение все замерли.

«В шлюпки! – заорал капитан Хамбер. – Пора смываться!»

Последовало поспешное выполнение хорошо отрепетированного плана: открывались и захлопывались люки, завинчивались задвижки.

«Прощай, Рэч! Удачи!» – капитан Хамбер пожал черное щупальце и взобрался в шлюпку через последний открытый люк; может быть, он и его команда еще успели бы укрыться на Лоджике, недоступном для проворных скрытных фалидов. Рэч сдержал мимолетное побуждение последовать за капитаном – люк захлопнулся, и в тот же момент открылся шлюз наружной оболочки корабля.

Зашипели патроны со сжатым воздухом, звездолет четырежды вздрогнул – четыре спасательные шлюпки, вытолкнутые с лотковых опор, устремились в космос. Наступила тишина.

«Вот и все!» – подумал Рэч. До сих пор ему приходилось ограничиваться предположениями и ожиданиями командования. Нападут ли фалиды? Успеет ли команда спастись?

Следуя разработанному плану, Рэч продел щупальца в тесные наручники и пристегнулся ими к вертикальной стойке. Теперь ему предстояло ждать освобождения «соплеменниками». Или быстрой смерти в пламени взрыва – если бегство спасательных шлюпок недостаточно убедило фалидов.

Но проходили минуты, а испепеляющая беззвучная вспышка смертоносного поля фалидов, нейтрализующего молекулярные связи и распыляющего материю в плазму из отдельных атомов – все еще не поглощала звездолет.

В иллюминаторах появился огромный силуэт – чудовищная масса не меньше крупнейших пассажирских космических лайнеров с Земли.

Через некоторое время что-то ударило по корпусу, послышался скрежет – к земному корвету причалил челнок с фалидского корабля.

Распахнулся люк. Рэч увидел, как в салон хлынул поток темных тел... Так же это было тогда, в секторе Стрельца, в системе звезды Кордекер-343, когда фалиды убили двух его братьев, после чего, спасаясь от земного крейсера, оставили позади одного из своих – того, в чьем теле теперь жил Райан Рэч.

Приблизились три фалида, сжимавших в щупальцах причудливые лучеметы: чужеродные, таинственные существа, которых до сиз пор видел только один человек – Райан Рэч, успевший о них рассказать.

Враги заметили его, их шаги неуверенно замедлились. Какими благородными выглядели их фигуры в новых глазах Рэча, с каким достоинством они двигались! Рэч пытался уловить эмоции фалидов – так, как ему это удавалось в окружении людей – но тщетно. Неужели эмоции, как таковые, были чисто человеческим атрибутом? Или телепатические способности Рэча распознавали только человеческие эмоции?

Неуверенный в способности фалидов регистрировать его эмоциональное состояние, Рэч пытался внушить себе радостные, приветственные ощущения.

Но фалиды, судя по всему, скоро потеряли к нему всякий интерес. Они обыскали звездолет и, не обнаружив больше никого, вернулись в салон – но, к вящему удивлению Рэча, снова игнорировали его и собрались покинуть корабль.

«Подождите! – прожужжал он на языке фалидов. – Освободите собрата от проклятых металлических пут!»

Враги остановились, пристально посмотрели на него – Рэчу показалось, что они слегка отшатнулись.

«Невозможно! – ответил один из них. – Тебе хорошо известны Бза... – термин, который употребил фалид, не поддавался точному переводу, но означал примерно „традиции, приказы, постановления, повседневный распорядок жизни“. – Прежде всего необходимо представить отчет Зау-Амузу». По меньшей мере, так произнесенное имя – или название должности – прозвучало в спинном слуховом органе Рэча.

«Я слабею, теряю сознание!» – пожаловался Рэч.

«Терпение! – резко прожужжал фалид; заметно было, что у него возникли какие-то сомнения. – Где твоя выдержка, где фалидский стоицизм?»

Рэч понял, что его поведение не соответствовало общепринятым стандартам, и поспешил притвориться замученным пленником, погрузившимся в пассивное отупение.

Через десять минут три фалида вернулись, взяли корабельный навигационный журнал и пару приборов, вызвавших у них интерес. Почти невзначай, как если бы это было пустячной лишней обязанностью, они подошли к Рэчу.

«Ключ на полке у меня над головой», – прожужжал Рэч.

Его освободили – Рэч не преминул заставить себя ощутить нечто вроде волны облегчения и благодарности. Он последовал за тремя врагами в их коробчатый челнок, не переставая дивиться тому, что к его присутствию относились как к чему-то само собой разумеющемуся.

Рэч молча стоял в углу небольшого челнока, пока они летели к огромному боевому кораблю, дрейфовавшему километрах в пятнадцати; фалиды тоже молчали. Неужели они были полностью лишены любопытства?

Каким прекрасным казался в фалидских глазах Рэча огромный вражеский звездолет, тускло блестящий в усыпанном звездами черном пространстве, насколько изящнее и мощнее он выглядел по сравнению с приплюснутыми, угловатыми формами кораблей маленьких снующих земных тварей!

Таково было впечатление фалидского нервного узла в голове Рэча. Но его собственный мозг бдительно напрягся. Кроме того, он боялся – но страх давно уже не имел для него существенного значения, он привык подавлять инстинктивный страх. Рэч полностью смирился с неизбежностью смерти. Пытка была бы неприятна. Рэч сдержал человеческое желание пожать плечами. Его настоящее тело превратилось в изуродованный обрубок, и он знал, что никогда больше не увидит родную планету. Но если бы по какой-то фантастической случайности ему удалось выполнить задание, были бы спасены тысячи – возможно, миллионы или даже миллиарды жизней.

Рэч внимательно наблюдал за тем, как фалиды управляли челноком – кто знает? Может быть ему еще могла пригодиться способность разбираться в функциях их приборов. Насколько он мог понять, приборы эти были достаточно просты, а их более или менее знакомое взаимное расположение, скорее всего, объяснялось сходством условий проектирования и эксплуатации космических кораблей, общих для любой цивилизации звездоплавателей. По существу, определяющий курс рычаг управления монтировался на универсальном шарнире, а скорость регулировалась консольной поворотной рукояткой с промежуточными упорами.

Челнок подлетел к кораблю фалидов – темному цилиндру с уплощенными торцами и продольными двигательными раструбами из металла инфракрасного оттенка.

Маленький коробчатый челнок замедлился, приближаясь к огромному звездолету, на мгновение задержался и «вставился» в боковое углубление корпуса гигантского корабля; выходные люки челнока сразу открылись.

Рэч последовал за фалидами в коридор, где, опять же к его изумлению, спутники покинули его и разошлись в разных направлениях. Ошеломленный Рэч остался один в коридоре – его никто не встретил, никто ни о чем не спрашивал. По всей видимости, ожидалось, что он мог действовать самостоятельно.

Как это отличалось от дисциплины на земных кораблях! Спасенного астронавта встретили бы с радостными восклицаниями и препроводили бы в управление коммодора. Там ему стали бы задавать частые и пытливые вопросы, выуживая из памяти любые замеченные им мельчайшие подробности вражеских планов и методов.

Итак, Рэч стоял в замешательстве посреди коридора, а фалиды из команды корабля, занятые своими обязанностями, протискивались мимо. Рэч пытался рационализировать возникшую ситуацию. Может быть, в нем уже распознали шпиона, и теперь ему предоставили временную свободу действий, чтобы узнать его намерения? Почему-то Рэч не мог поверить в такое положение вещей. Фалиды, доставившие его с земного корабля, вели себя слишком беспечно, слишком обыденно, без задних мыслей. Если бы фалиды хотели надуть Рэча, его несомненно подвергли бы хотя бы краткому формальному допросу, после чего, притворившись удовлетворенными результатами, приступили бы к внимательному наблюдению за его дальнейшими действиями.

Вполне вероятно, что никакого надувательства здесь не было. Рэч не забывал о том, что о поведении неземной расы никак нельзя было судить, исходя из человеческих представлений.

Ни на одном из фалидов он не замечал никаких удостоверений или знаков отличия. У каждого из них, однако, очевидно были какие-то особые обязанности. «Фалиды ведут себя, как исключительно высокоразвитые муравьи», – подумал Рэч.

Если звездолет фалидов представлял собой нечто вроде муравейника, никто не стал бы его допрашивать. При этом фалиды допускали бы, что он будет руководствоваться собственными инстинктами и приобретенными навыками, немедленно приступив к машинальному выполнению порученных ему функций. Такая гипотеза позволяла объяснить задержку его освобождения от наручников на борту корвета. Индивидуально мыслящие существа, такие, как земляне, руководствовались бы эмоциями – удивлением, любопытством, сочувствием – и в первую очередь освободили бы узника-соплеменника, а затем уже занялись бы другими делами.

Рэч прошелся по коридору, заглядывая в открытые боковые помещения. Он наблюдал и удивлялся тому, что видел, все еще не вполне доверяя обманчивому фалидскому зрению.

В дальнем конце коридора он обнаружил механизмы, в которых немедленно распознал своего рода двигатели. Повернув в поперечный проход, он снова двинулся вперед.

III

По всей видимости, звездолет фалидов был спланирован следующим образом: два параллельных продольных коридора с двух сторон корабля вели – так же, как на земных кораблях – к приборам управления на переднем конце и к двигателям на корме. «Принципы инженерно-технического проектирования и механики универсальны, – думал Рэч. – Оптимальное решение поставленной задачи практически одинаково, кто бы ни занимался ее решением, земляне или фалиды». В данном случае цель заключалась в максимально эффективном пересечении космического пространства. Конструкция разработанного с этой целью звездолета фалидов не слишком отличалась от конструкции земных кораблей.

Несмотря на кажущуюся свободу передвижения, Рэч постоянно ощущал тревогу и замешательство. Он ожидал подозрительного, настороженного внимания и, возможно, быстрого разоблачения. Тот факт, что его полностью игнорировали, казался в высшей степени неестественным.

Наконец его опасения оправдались. По всему звездолету разнеслось звонкое жужжание, заставлявшее вибрировать все поверхности: «Где тот, кого привезли с корабля бледных ящериц? Он еще не явился к Зау-Амузу». В голосе говорившего фалида ощущалось скорее недоумение, нежели подозрение или угроза.

«Где этот Зау-Амуз, и кто он?» – спрашивал себя Рэч. Куда нужно было пойти, чтобы его найти? Если расположение помещений сколько-нибудь соответствовало планировке земных кораблей, командующий, скорее всего, пребывал в рубке управления, а рубка управления находилась сверху в носовой части корабля. Рэч поспешил в этом направлении, заглядывая в каждый боковой проход в поисках какой-нибудь полезной информации.

Проходя мимо перегороженного засовом и закрытого прозрачной панелью дверного проема, он заметил два или три десятка людей – мужчин или женщин? Фалидское зрение не позволяло сразу определить их пол. Поколебавшись, Рэч задержался на несколько секунд, чтобы разглядеть пленников получше. Но они могли подождать. Теперь ему не терпелось найти Зау-Амуза прежде, чем начнутся поиски и расспросы – прежде, чем его успеют разоблачить.

В помещении под носовой рубкой управления Рэч нашел того, кто несомненно был капитаном корабля. Убранство этого помещения радовало глаза фалида – мягкий ковер двух ультрафиолетовых оттенков, синие стены, покрытые фантастически изощренной ажурной резьбой, приземистая мебель из розового и белого пластика, инкрустированного медальонами того самого высокочастотного спектрального оттенка, который доктор Плогетц называл «калихромом».

Зау-Амуз был огромным фалидом, в два раза выше и шире Рэча, с чудовищной черепной коробкой и раздутым, выступающим из-под панциря брюхом. Панцирь его был покрыт ультрафиолетовой эмалью. Ноги Зау-Амуза, вопреки другим частям тела, казались недоразвитыми, слишком слабыми для того, чтобы долго выдерживать его вес. Капитан возлежал в продолговатом лотке; фалидские глаза Рэча внушали ему, что перед ним – воплощение славы и величия.

Не представляя, как следовало себя вести, Рэч надеялся, что строгий этикет или жесткие церемониальные правила фалидами не практиковались. Он медленно приблизился к капитану.

«Достопочтенный, я – тот, кого привезли с корабля бледных ящериц», – прожужжал Рэч.

«Ты опоздал! – произнес огромный фалид. – Кроме того, где твоя приверженность Бза?» Снова нашло применение непередаваемое слово, означавшее «традиции, постановления, древние обычаи».

«Прошу прощения, о вышестоящий интеллект! Будучи узником бледных ящериц, я видел столько неприятнейших вещей и так обрадовался возможности присоединиться к соплеменникам, что на какое-то время перестал соображать с надлежащей ясностью».

«А, да! – признал фалид-аристократ. – Такое случается время от времени. Но как ты попался в щупальца бледных ящериц?»

Рэч поведал о событиях, которые привели к захвату фалида, в чьем теле он теперь оказался.

«Понятная ситуация», – сказал Зау-Амуз. В его голосе не чувствовались ни ворчливость, ни резкость, каких можно было бы ожидать в условиях земной дисциплины. Судя по всему, капитан-фалид допускал, как нечто не подлежащее сомнению, что его подчиненный будет проявлять безукоризненную преданность ему и своему делу: «Ты можешь сообщить о каких-нибудь существенных наблюдениях?»

«На этот счет не могу ничего сказать, ваше великолепие, кроме того, что бледные ящерицы были настолько испуганы приближением вашего корабля, что сразу спаслись бегством в паническом ужасе».

«Это нам уже известно, – отозвался Зау-Амуз; судя по оттенку его жужжания, капитан соскучился. – Уходи! Выполняй обязанности. А если ты не сможешь мыслить достаточно ясно, тебе следует выброситься в космос».

«Ухожу, ваше великолепие».

Рэч удалился, вполне удовлетворенный тем, как закончился допрос в каюте капитана. Рэч стал аккредитованным членом команды звездолета. Обмануть капитана оказалось проще, чем он надеялся. Теперь, если звездолет взял курс на родную планету фалидов – и если бы ему позволили спуститься на поверхность этой планеты хотя бы на несколько минут – все еще могло кончиться хорошо.

Блуждая по кораблю, в конце концов Рэч заметил полутемное помещение, явно предназначенное для поглощения пищи. Здесь находились два или три десятка фалидов, заполнявших надбрюшные желудочные мешки чем-то вроде коричневой каши, измельчавших жвалами какие-то растительные стебли, напоминавшие сельдерей, срывавших разветвленные пучки с ягодами, похожие на гроздья винограда; разжеванные стебли и ягоды запихивались в те же желудочные мешки. Гроздья с ягодами показались Рэчу самыми аппетитными из всех разновидностей провизии. По сути дела, организм Рэча ощущал отчаянную потребность в этих похожих на виноград ягодах – потребность, немногим отличавшуюся от жажды человека, который давно ничего не пил.

Рэч зашел в полутемную «трапезную»; стараясь держаться как можно незаметнее, он взял одну гроздь из глубокого лотка и позволил фалидскому телу себя накормить. К своему удивлению, он обнаружил, что маленькие «ягоды» оказались живыми существами, пытавшимися ускользнуть и вырваться из его крыльчатых пальцев, а затем лихорадочно пульсировавшими у него в желудочном мешке. Но на вкус они были просто чудесны; они наполнили его жизне-радостным ощущением бодрости. Он очень хотел взять еще одну гроздь, но не осмеливался, так как это могло не соответствовать фалидскому этикету. Только заметив, что другие фалиды не ограничивались одной гроздью, он последовал их примеру.

После еды он направился к каземату, где содержали захваченных людей. Проход в эту большую камеру был закрыт толстой, тяжелой прозрачной пластиной, перегороденной снаружи простой перекладиной. Внутри он увидел двух фалидов, переходивших от одного узника к другому, ощупывавших людей, проверявших состояние их кожи и глаз – примерно так, как это делают ветеринары, инспектирующие скот.

Рэча посетила неожиданная идея. Возможно, ничем особенным не рискуя, он мог бы осуществить такой проект!

Он прошелся обратно по коридору от каземата до входного люка челнока и насчитал примерно тридцать шагов. На взгляд Рэча, сгрудившись потеснее, в челноке могли бы поместиться двадцать или тридцать человек. Находясь внутри челнока, он заметил запасные кани-

стры с водой; скорее всего там были также какие-нибудь запасы провизии. Так или иначе, попытка побега была лучше перспективы рабского труда на родной планете фалидов.

Коридор временно опустел. Рэч быстро убедился в том, что люк челнока можно было открыть, и сразу вернулся к каземату.

Фалиды, находившиеся внутри, уже уходили – при этом они тащили за собой одного из узников; тот вырывался и кричал от ужаса. Но его вывели в коридор. Рэч наблюдал за фалидами-надзирателями, переступавшими на черных членистых ногах; когда они скрылись, он поднял засов-перекладину и зашел в камеру.

Узники апатично следили за ним; заставляя себя подмечать длинноволосых заключенных, Рэч пришел к выводу, что примерно половину из них составляли женщины – очевидно с того пассажирского звездолета, который недавно уничтожили фалиды.

Из нагрудного кармана одного из мужчин торчала авторучка. Рэч подошел к нему, взял ручку, подобрал валявшийся на палубе лист бумаги, отошел в угол и написал:

«Я – не настоящий фалид. Я помогу вам сбежать. Скажите другим. Вы можете говорить со мной по-английски, я вас пойму».

Он передал записку ближайшему узнику.

Тот прочел ее и уставился на Рэча в полном изумлении.

«Эй, Райт, Чапмэн, посмотрите-ка на это!» – воскликнул узник и передал записку двум другим. Записку быстро прочли все заключенные.

Они были слишком взволнованы. Рэч опасался того, что какой-нибудь проходящий мимо каземата фалид мог заинтересоваться необычным поведением людей. Он написал еще одно сообщение:

«Ведите себя тихо, как обычно. Я буду стоять снаружи. Когда я подам знак, быстро выходите, поверните направо и откройте второй люк слева, примерно в тридцати шагах по коридору. Внутри – своего рода спасательная шлюпка с простыми приборами управления. Все это нужно сделать *быстро*, – он подчеркнул слово „быстро“. – В спасательной шлюпке вам придется полагаться на себя. Регулятор двигателей – консольная поворотная рукоятка. Шлюпка закреплена двумя зажимами на стене с внутренней стороны люка».

Заключенные прочли вторую записку.

«Кто знает? Может быть, нас заманивают в ловушку?» – предположил один из них.

«Ловушка это или нет, другого шанса у нас не будет, – ответил другой. «Давай, выходи! – сказал он Рэчу. – Мы будем ждать твоего знака».

Рэч махнул щупальцем, надеясь, что этот жест подбодрит заключенных, и вышел из каземата, не закрывая выход на засов. В коридоре было пусто. Прислушиваясь изо всех сил, Рэч не различал звук приближающихся шагов – характерный для фалидов ритмично шелкающий перестук ступней по полированному композитному материалу палубы: губчатую сердцевину их подошв окружала ороговевшая кайма.

Он распахнул прозрачную дверь и подозвал жестом напрягшихся людей, а сам быстро пошел по коридору, чтобы оказаться как можно дальше от беглецов.

Повернув за первый же угол, однако, он повстречался с двумя фалидами, недавно вышедших из каземата и теперь возвращавшихся с узницей, которую они оттуда вытащили – теперь Рэч понял, что это была женщина. Необходимо было задержать надзирателей. На крайний случай Рэч носил с собой небольшой «аварийный» футляр, закрепленный высоко под панцирем. Это средство, однако, следовало применять только в поистине безвыходной ситуации. Рэч встал поперек коридора и преградил путь фалидам.

«Каковы ваши заключения по поводу интеллектуального уровня этой расы?» – спросил он.

Фалиды остановились, строго и внимательно разглядывая его.

«У них извращенная, непоследовательная система ценностей, – ответил один из надзирателей. – Они руководствуются скорее не Бза, а индивидуальными побуждениями».

«В каком странном, безумном мире они живут, представьте себе!» – воскликнул Рэч.

«Несомненно», – отозвался второй фалид. Надзиратели проявляли признаки нетерпения. Но Рэч, в дополнение к желанию их задержать, на самом деле хотел выудить полезные сведения. Он хотел знать, зачем узников взяли в плен и перевозили на планету фалидов. Он понимал, однако, что прямолинейные вопросы могли возбудить подозрения. Приходилось затронуть желательную тему косвенно.

«Вы уверены в том, что эти ящерицы достаточно соответствуют своему назначению?»

«Вероятно, – ответил фалид. – Свойственное им непредсказуемое притворство делает из них самых успешных похитителей».

Похитителей? Землян захватили в плен и перевозили на расстояние в десятки или сотни световых лет только для того, чтобы их услугами пользовался какой-то преступный космический синдикат? Но два фалида больше не желали заниматься разговорами и протиснулись мимо Рэча. Он беспокожно поспешил вслед, с ужасом думая о том, что земляне все еще могли пробираться по коридору. Если они достаточно поторопились, однако, они должны были уже сгрудиться в челноке и вылететь в космос. Еще через десять или пятнадцать минут их трудно было бы найти.

Фалиды дошли до входа в каземат, открыли прозрачную дверь, затолкнули узницу внутрь – и тут же замерли, с удивлением глядя на опустевшую камеру.

Вернувшись в коридор с пронзительным жужжанием, они стали серьезно обсуждать происходящее. Удовлетворенный, Рэч отошел от них и завернул за угол.

Через некоторое время звездолет фалидов вздрогнул, замедляясь в пространстве; фалиды занялись поиском похищенного беглецами челнока. Но если земляне были достаточно проницательны, они выключили двигатели после первоначального ускорения и теперь дрейфовали по инерции; их можно было бы обнаружить только случайно.

Через несколько секунд корабль фалидов снова стал ускоряться и больше не тормозил; Рэч решил, что пленные успели скрыться бесследно.

Так как ему все равно больше нечего было делать, Рэч бродил по звездолету, наблюдал и прислушивался, чувствуя себя, как праздный турист на корабле сумасшедших – но ему не удалось услышать ничего существенного. Фалиды редко разговаривали – по-видимому потому, что руководствовались одними и теми же инстинктами и в точности знали, что от них требовалось. Индивидуальность личности, судя по всему, оставалась концепцией, недоступной рядовому фалидскому уму.

Во всем звездолете Рэч нашел только один прозрачный иллюминатор – в верхней носовой рубке управления, непосредственно над каютой Зау-Амуза. Рэч зашел в рубку, наполовину ожидая, что его подвергнут допросу или выгонят, но ни один из двух фалидов, сидевших за пультом управления, не обратил на него ни малейшего внимания.

Рэч искал в небе знакомые созвездия – и впервые пожалел о том, что теперь он видел семь дополнительных цветов спектра. В глазах фалида звезды выглядели совсем по-другому – одни были ультрафиолетовыми, другие – инфракрасными.

Рэч чувствовал себя потерянным в пространстве.

Он украдкой смотрел вокруг в поиске астронавигационных карт, но поблизости не было ничего похожего на звездные карты, а спрашивать о них Рэч не решился.

В конце концов он бессознательно стал возвращаться по коридору в направлении каземата – так же, как преступник, согласно древнему поверью, неизбежно возвращается к месту преступления. По правде говоря, Рэча беспокоила судьба несчастной единственной узницы, оставшейся на борту корабля фалидов. Надо полагать, одиночество только усугубляло ее безысходное отчаяние!

Он заглянул внутрь камеры через прозрачную дверь. Там она сидела, подпирая подбородок ладонями. Рэч знал, что перед ним женщина – об этом свидетельствовала длина волос; в других отношениях фалидское зрение не позволяло как-либо судить о ее внешности.

IV

Отбросив опасения, Рэч открыл засов и зашел в камеру – хотя впоследствии проклинал себя за то, что подверг такому риску весь проект. Что, если бы его интерес к узнице вызвал подозрения? Что, если бы его привели к Зау-Амузу и, на сей раз, допросили с пристрастием?

Когда он приблизился, женщина подняла голову – Рэч почувствовал, что ее апатия сменялась притупленными безнадежностью ужасом и ненавистью. Но под покровом этих эмоций все еще скрывалась упрямая готовность к сопротивлению, что не могло не вызывать у него восхищение – несмотря на то, что в его глазах она выглядела как неприятное, бледное, влажное существо с головой, покрытой спутанной волокнистой массой.

Он передал ей записку: «Другие совершили побег. Думаю, что они в безопасности. Очень жаль, что в это время тебя не было в камере. Все не так уж плохо. Теперь у тебя есть союзник на борту».

Эмоциональная аура женщины изменилась – теперь ее наполняло изумление, проникнутое робкими проблесками надежды.

«Я – своего рода человек, – написал Рэч. – В этот уродливый череп вживлен человеческий мозг».

Она взглянула на него, и Рэч почувствовал волну теплоты – он тоже вызвал у нее восхищение.

«Ты – очень храбрый человек», – заметила она.

«Ты тоже храбрая, – написал он. – Не слишком отчаивайся. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь».

«Теперь мне уже не так тяжело, – сказала она. – Хорошо, что рядом есть кто-то еще. Я боялась одиночества».

«Мне нужно спешить, – написал Рэч. – Нельзя допустить, чтобы меня здесь поймали. Я вернусь, как только это можно будет сделать безопасно».

Выходя из каземата, он чувствовал, что она излучала удивленную благодарность с примесью приятного, теплого дружелюбия.

Разговор с женщиной подбодрил Рыча. Отчужденный от человечества, вынужденный руководствоваться восприятием, несовместимым с человеческим, его мозг постепенно превращался в некое холодное, механическое мыслительное устройство. Ощувив приступ горечи, Рэч подумал: «По сути дела, так оно и есть. Я – не более чем механизм, выполняющий программу и обреченный на уничтожение».

Повернув переключатель, завершавший выполнение задания – в том случае, если его удалось бы выполнить – Рэчу суждено было превратиться в не более чем облачко межзвездной пыли.

Каким-то образом свидание с женщиной-заключенной, оказавшейся, в некоторых отношениях, в гораздо худшем положении, чем он сам, но при этом лишенной утешительного сознания выполнения долга, снова вызвало у Рэча желание жить человеческой жизнью. Что, разумеется, было невозможно. Его тело погибло – и, по словам доктора Плодетца, его мозг не мог бы выжить в теле другого человека.

Шло время. Дни? Недели? Рэч не мог сказать с уверенностью. Два или три раза он украдкой навещал узницу в каземате. На основании таких примет, как ровный контур овала лица и упругость походки, он решил, что это, скорее всего, была молодая женщина.

Эти свидания каждый раз поднимали его настроение, хотя, вопреки всему, вызывали безнадежное чувство неудовлетворенности судьбой. С другой стороны, за свою короткую жизнь Райан Рэч успел испытать многое из того, что было недоступно более осторожным людям, никогда не покидавшим Землю: торжественное ощущение одинокого полета в бесконечной

черной пустоте, волнующее приземление на незнакомой планете, непритязательные радости общения с братьями на передовых космических постах, ни с чем не сравнимый интерес, вызванный открытием нового мира на границе известного и неизвестного – возможно, таившего невиданные чудеса и красоты, высокоразвитую цивилизацию, редчайшие драгоценные металлы или самоцветы, руины неизмеримой древности.

Да, исследования космоса и межпланетная торговля позволяли узнать много нового и увидеть множество замечательных вещей – Рэч знал, что, если бы ему каким-то чудом удалось начать новую жизнь, он никогда не смирился бы с мирным существованием на Земле.

И все же, Рэч не забывал о том, в чем жизнь ему отказала. Колоритное, блестящее великолепие космополитических земных городов, выросших в эпоху самого поразительного расцвета и благополучия в истории человечества, музыка, телевидение, спектакли и зрелища, курорты, где туристы почти лихорадочно предавались всевозможным развлечениям и удовольствиям, общество цивилизованных женщин – молодых, красивых, смеющихся...

Райан Рэч гневно отметал такие мысли. Он был – согласно его собственному определению – механизм, обязанным выполнить определенную функцию перед тем, как он позволит себя уничтожить.

Так проходило время, и световые годы оставались за кормой фалидского звездолета. При этом Рэч не имел ни малейшего представления о том, в каком направлении они летели – ближе к Солнцу или все дальше от него? Рэч бродил по коридорам, отдыхал в полутемном помещении с мягким покрытием палубы, отведенном с этой целью фалидам, закончившим смену, подкреплялся в фалидской трапезной. Похожие на гроздья винограда «живые ягоды» он больше не ел, так как они не вызывали у него никакого аппетита, но наполнял желудочный мешок кашей и темно-красными стеблями, напоминавшими сельдерей.

Ни один из других фалидов не беспокоил его, никто не задавал вопросов, никто, по видимому, даже не замечал, что Рэч, в сущности, ничего не делал. У каждого фалида были свои обязанности, и он выполнял их с максимальной эффективностью. Рэч не мог не заметить, что в чрезвычайных ситуациях фалиды могли и умели действовать инициативно и проворно. Тем не менее, их доминирующее врожденное побуждение заключалось в поддержании установленного порядка вещей – «Бза»; вся ответственность за принятие решений возлагалась на черные хитиновые плечи таких руководителей, как Зау-Амуз.

Однажды Рэч, бесцельно прохаживаясь по двигательному отсеку, обратил внимание на необычную бдительность и торопливость окружающих фалидов. Он поспешил в рубку управления, чтобы выглянуть в иллюминатор, и увидел висящую в пространстве под звездолетом громадную серую планету; поодаль сияла тусклая зеленоватая звезда.

Таков был родной мир фалидов, координаты которого хранились в тайне и были все еще неизвестны Теллурийскому военно-космическому флоту. Миссия Рэча заключалась в том, чтобы сообщить людям эти координаты.

Рэч внимательно изучал окружающее звездолет пространство, но никак не мог заметить какие-нибудь знакомые созвездия или космические ориентиры, позволявшие потерпевшим аварию астронавтам прокладывать приблизительный курс «на глаз». Многолетняя зубрежка позволяла любому выпускнику астронавигационной школы сразу распознавать, под любым углом, очертания Плеяд, созвездий Ориона и Короны, Угольного Мешка и двух десятков других характерных галактических объектов.

Поверхность серой планеты приближалась – затянутые туманной дымкой континенты, подернутые чем-то вроде ржавчины моря.

Два пилота слегка повернулись в почти вертикальных лотках, обратив к Рэчу края оптических прорезей – он понял, что его присутствие их удивляло.

«Мы приземляемся, – сказал один из пилотов. – Почему ты не выполняешь обязанности?»

«Моя обязанность – находиться здесь, – без запинки отозвался Рэч, надеясь, что такой ответ был в порядке вещей. – Я наблюдаю за распределением облачного покрова».

«Такова воля Зау-Амуза? – продолжал сомневаться пилот. – Странно, это не предусмотрено Бза. Возникла ошибка. Я спрошу Поименованного». Он взял акустический стержень-передатчик и прижал его к нагрудной диафрагме.

«Поручено ли кому-либо наблюдать за распределением облачного покрова?» – прожужжал пилот.

Вибрирующий язычок над пультом управления прожужжал в ответ: «Таких поручений не было. Это ошибка. Отправьте наблюдателя ко мне».

«По этому проходу, – безразлично указал щупальцем пилот-фалид; теперь, когда вопрос был решен капитаном, он не испытывал ни малейшего интереса или беспокойства. – Зау-Амуз откорректирует полученные тобой указания».

Рэчу оставалось только подчиниться. Уклониться он не мог. Проход вел только в одном направлении – в каюту Зау-Амуза.

Рэч протянул щупальце к «аварийному» футляру, закрепленному на груди под панцирем, и вынул небольшой металлический предмет. «Жаль, что меня разоблачили! – думал он. – Цель была так близко!»

Он зашел в каюту капитана; Зау-Амуз разглядывал его с напряженным любопытством.

«Странные вещи происходят на борту, – прожужжал огромный Поименованный фалид. – Пленники, захваченные на земном звездолете, совершили побег, причем никто не знает, как это им удалось. А один из фалидов ничего не делает и теряет время зря – бродит по коридорам, заглядывает в рубку управления, изучает расположение звезд – тогда как Бза требуют, чтобы он выполнял корабельные обязанности. Другой фалид – впрочем, может быть, тот же самый – заявляет, что ему поручено наблюдать за облачным покровом по мере того, как мы приближаемся к Отчизне, хотя никто не давал ему таких указаний. И все это происходит после того, как наша команда освободила пленника-фалида, найденного на корабле бледных ящериц – на этот раз, вопреки обыкновению, не оказавших яростного сопротивления, но проявивших в высшей степени неожиданную трусость. Все эти обстоятельства, – жужжание Зау-Амуза стало резким, пронзительным, – позволяют сделать только один, неизбежный вывод!»

«Верно, – согласился Рэч, не сознавая театральность своей реплики. – И этот вывод – смерть!»

Он направил оружие на гигантского фалида. С громким треском вырвалась струя пламени – чудовищная голова Поименованного съежилась, превратившись в маленький обугленный сгусток. Помещение наполнилось дымом и смрадом.

Зау-Амуз откинулся на спину, содрогнулся и умер.

По проходу прибежал один из пилотов. При виде распростертого тела капитана этот высокий черный фалид тут же скорчился, испустив настолько отчаянный скрежещущий вопль, что он отозвался в мозгу Рэча многократным звенящим эхом. Никакие из бесчисленных ужасов и надругательств, известных фалидам – убийств, пыток, извращений, даже предательств мирового масштаба – не могли сравниться с потрясающим преступлением Рэча.

Рэч не замедлил прикончить пилота, побежал обратно к рубке управления – и остановился на пороге.

«Смелее, смелее! – говорил он себе. – Отступить некуда!»

Рэч медленно зашел в помещение с бдительностью загнанного в угол хищника наблюдая за пилотом-фалидом, пытаясь прочесть мысли, таившиеся в неподвижной черной голове врага. Рэч придумал фантастическую уловку.

Насколько ему было известно, все фалиды выглядели одинаково. По меньшей мере, человеческий мозг не мог распознать в них никаких внешних отличительных признаков.

Он опустился на опорный лоток, освобожденный погибшим пилотом-фалидом.

Второй пилот, полностью сосредоточенный на приборах управления, успел, однако, обратить внимание на Рэча краем оптической прорези: «Что произошло?»

«Зау-Амуз дал новые указания, – ответил Рэч. – Надлежит приземлиться далеко от космического порта, в дикой местности».

Пилот отозвался резким жужжанием: «Странно! Это противоречит последним указаниям. Он сообщил точные координаты места приземления?»

«Он разрешил нам руководствоваться собственным суждением, – пояснил Рэч, чувствуя, что, с точки зрения фалида, говорил нечто беспрецедентное. – Всего лишь следует выбрать подходящий удаленный от населенных мест участок и приземлиться».

«Странно, странно! – жужжал пилот. – Как много странных вещей произошло за последние несколько периодов! Возможно, следует подтвердить эти указания, обратившись к Зау-Амузу».

«Нет! – повелительно проскрежетал Рэч. – Сейчас он занят и не хочет, чтобы его отвлекали».

Пилот отрегулировал несколько приборов на панели управления. Рэч, не имевший никакого представления о том, в чем заключались его функции, продолжал сидеть, тревожно глядя в иллюминатор.

Пилот внезапно заметил его бездействие. «Внимание! Выполняй обязанности! – гневно прожужжал он. – Компенсируй радиальный момент вращения!»

«Я болен, – пожаловался Рэч, – я плохо вижу. Компенсируй момент вращения сам».

«Что ты придумал? – яростно возмутился пилот. – С каких пор глаза отказываются служить фалиду? Ты забыл о Бза?»

«Тем не менее, таково положение вещей, – возразил Рэч. – Тебе придется посадить корабль в одиночку».

Так как ему не оставалось ничего другого, пилот, приглушенно жужжавший от нервного возбуждения, испуга и замешательства, сосредоточился на решении своей задачи.

Планета увеличивалась, ее поверхность распространилась за пределы иллюминатора. Рэч продолжал неподвижно сидеть – к своему удивлению, он заметил, что его даже забавляли лихорадочные попытки пилота делать работу за двоих.

V

Внизу показался город, прекрасный в фалидских глазах Рэча – многочисленные приземистые купола из темного блестящего материала, несколько пятиугольных площадей, темно-коричневых, украшенных огромными строгими мозаичными орнаментами двух инфракрасных оттенков, одна высокая башня-опора, увенчанная сферой, из которой выступали два противоположных конуса, узких и усеченных – вся эта башня, вместе со сферой и конусами, медленно вращалась на фоне угрюмого оливково-зеленого неба.

Приплюснутые городские купола прижимались к унылой, слегка холмистой равнине. Неподалеку поблескивала сонливая река, за ней начинались болотистые топи – даже теперь, уже привыкнув к оттенкам тринадцати фалидских цветов, Рэч не мог не подивиться причудливому сумрачному ландшафту, озаренному тусклым зеленым солнцем.

Они пролетели над городом, а затем, судя по всему, над промышленным районом. Рэч увидел огромные, пышущие пламенем провалы, высокие и узкие решетчатые фермы и стрелы на фоне неба, отвалы шлака, передвижные подъемные краны, удивительно похожие на земные.

Город скрылся за горизонтом. Внизу простиралась необжитая местность.

«Приземлись у того высокого холма, – указал щупальцем Рэч. – Поближе к краю леса».

«Ты же сказал, что плохо видишь!» – без каких-либо признаков раздражения или подозрительности удивился пилот-фалид; по всей видимости, раздражение и подозрительность просто не относились к числу эмоций, свойственных рядовым фалидам.

«Я хорошо вижу только то, что далеко», – объяснил Рэч.

«Станный, странный рейс!» – прожужжал фалид.

Устойчивое приземление огромного звездолета на неровной поверхности представляло собой сложнейшую задачу, и Рэч вынужден был почувствовать почтительное уважение к навыкам и сообразительности пилота-фалида. «Фалиды умеют прекрасно приспосабливаться к неожиданным условиям, если перед ними поставлена определенная цель. Но в тех случаях, когда порядок действий предусмотрен правилами Бза, они становятся бесхитростными, даже наивными», – подумал Рэч.

Огромный, тяжелый звездолет завис над темной поверхностью мягкого торфа, покачнулся, опустился на торф, слегка осел и замер.

«Зау-Амуз приказал, чтобы ты ожидал его вызова здесь, а я должен идти в другое место», – сообщил пилоту Рэч.

Он поднялся и выпрямился – высокое черное существо, покрытое ороговевшим хитиновым панцирем, с причудливо сочлененными ногами, крапчатыми руками-щупальцами и сложно устроенной головой гигантского насекомого. Но в этой голове пульсировал человеческий мозг, и этот мозг кричал: «Пора! Настало время!»

Подгоняемый возбуждением, он быстро вышел в коридор, пробежал к каземату, открыл засов и позвал женщину настойчивыми жестами щупалец.

Женщина колебалась – она не узнала его, он чувствовал ее страх. Тем не менее, она повернулась к нему. Он стал подзывать ее еще настойчивее. На общение с помощью записок не было времени. Он указал щупальцем на себя, потом на нее. Она вдруг поняла его и подбежала к двери. Рэч приподнял конец щупальца, призывая к осторожности, и вывел ее в коридор.

Послышались отчаянные вопли: фалиды нашли тело Зау-Амуза. Приходилось торопиться, не скрываясь. Рэч подвел женщину к выходному люку. Весть об ужасном убийстве распространялась быстро – и весть эта, казалось, парализовала фалидов, лишала их разума и воли.

Открыть выходной люк оказалось непросто – он был оснащен неизвестными Рэчу устройствами.

Рэч подошел к двум стоявшим неподалеку фалидам: «Откройте люк! Таков был последний приказ Зау-Амуза!»

Потрясенные фалиды автоматически подчинились.

Рэч и молодая пленница прыгнули на странный дерн планеты фалидов. Как только они это сделали, по всему звездолету разнеслось громкое жужжание громкоговорителей: «Невероятное предательство! Немыслимое преступление! Схватите двух, покинувших корабль!»

Рэч побежал, спотыкаясь и застревая в торфе; в то же время он нащупывал под панцирем «аварийный» футляр – наступал критический момент всей его эпопеи. В футляре содержалось устройство из трех компонентов – миниатюрный атомный аккумулятор, модулятор особой, защищенной от повреждений конструкции и раскладная решетчатая антенна передатчика. Рэч успел вынуть эти компоненты на бегу, но времени на то, чтобы задержаться и собрать устройство, не оставалось. Фалиды уже высыпали из корабля и с громким жужжанием бежали неуклюжими скачками по темному топкому торфу.

Женщина не задерживала Рэча. Для нее не составляло труда не отставать от быстро перебиравшего членистыми ногами фалида. Рэчу пришлось в голову, что его спутница, по всей видимости, была молодой и сильной девушкой – она бежала быстро и уверенно.

Невзирая на обстоятельства, заставлявшие думать о других вещах, он захотел увидеть ее такой, какой она выглядела бы в человеческих глазах. В фалидских глазах она казалась бледной, влажной рептилией.

Слева возвышался обнаженный каменистый холм, а впереди и справа начинался лес, хорошо знакомый, невероятно знакомый его фалидскому центру обработки зрительной информации – хотя с точки зрения человека это была самая странная растительность, какую он когда-либо видел в своей жизни.

Деревья походили на огромные грибы с толстыми, расширявшимися снизу стволами и пушистыми кронами из щупалец, формой и текстурой напоминавшими гигантские морские анемоны. Кроны-анемоны сверкали всевозможными оттенками и сочетаниями цветов, известных на Земле, а также шести «запредельных» фалидских цветов, различных степеней насыщенности. Сердцевидное углубление на вершине каждого ствола отливало чудесным калихромом.

Краски не уступали калейдоскопической яркостью и отчетливостью подсвеченному солнцем витражному стеклу – лес был настолько живописен, насколько позволяли бледные лучи зеленой звезды. Его великолепие особенно контрастировало с темными пологими холмами и сырым зеленым торфом болот, покрытых чем-то вроде низкорослого камыша. Несмотря на привлекательно яркую расцветку древесных крон, пухлые мясистые стволы и ветви деревьев – если это были деревья – вызывали тревожное, неприятное ощущение.

На то, чтобы собрать передатчик, Рэчу требовалось не больше трех минут – и лес казался единственным возможным укрытием, позволявшим какое-то время не попадаться на глаза преследователей.

На мгновение Рэч удивился тому, что лес казался ему таким знакомым. Предупреждала ли его о чем-то память, оставшаяся в фалидском организме? Бежавший длинными неуверенными шагами Рэч задержался на секунду. Впереди был лес, сзади догоняли фалиды – так или иначе, лес казался меньшей из двух угроз.

Лихорадочно оглядываясь, Рэч не заметил никакого подходящего укрытия и заставил свое плохо подчиняющееся тело поспешить в лиловую сень между грибообразными стволами. Он неожиданно осознал, что именно его фалидское тело, а не мозг, боялось зайти в этот лес. Всеми фибрами этого большого черного тела он ощущал глубоко затаившийся инстинктивный страх. Пушистые кроны, состоявшие из ярко раскрашенных щупалец, казались карикатурными чудовищами, темные глубины леса отпугивали, излучали смертельную угрозу.

У него над головой просвистел снаряд, выпущенный из фалидского оружия. Рэч больше не колебался. Несмотря на то, что каждый его нерв протестовал, он бросился под защиту леса.

Он бежал и бежал, часто бросаясь то в одну, то в другую сторону, чтобы сбить с толку преследователей. Девушка начинала уставать, она очевидно волочила ноги. Рэч обернулся – и ничего не заметил сзади, кроме пузатых стволов и крон-анемонов, переливавшихся сотнями фантастических оттенков.

Они очутились в лесу смерти. Рэч миновал несколько потускневших панцирей давно погибших фалидов – черных, сухих, похожих на надкрылья, сброшенные гигантскими жуками. Вздвогнув от ужаса, он заметил также человеческий скелет – белый, одинокий, выглядевший невыразимо заброшенным и чуждым в этой неземной чаше.

Вскоре он остановился и прислушался, напрягая каждый чувствительный волосок слухового органа под панцирем.

Тишина. Частое хлюпанье шагов его преследователей прекратилось. Они отказались от погони?

Ужас, испытываемый телом Рэча, начинал проникать в его мозг. Он посмотрел наверх, посмотрел под ноги, но не увидел ничего, кроме толстых стволов и медленно шевелящихся переливающихся крон – красных, зеленых, желтых, оранжевых, синих и семи фалидских цветов, в бесконечных сочетаниях. Тем не менее, Рэч чувствовал, что где-то поблизости скрывался какой-то интеллект – он как будто слышал зловещие голоса, говорящие в голове, угрожающе злорадные, готовые напасть.

Из ствола ближайшего дерева росла гроздь аппетитных «живых ягод», которыми он лакомился на борту звездолета. Рэч устал, ему нужно было подкрепиться. Он почти дотянулся щупальцем до этой грозди, чтобы сорвать ее, но тут же вспомнил, что у него не было времени. Или, может быть, его предостерег какой-то инстинкт? Он отдернул щупальце и отвернулся. Прежде всего нужно было собрать передатчик.

Разложив на сырой земле три компонента, он взялся за работу. Сверху в зелено-коричневом небе просвистели три фалидских воздушных катера. Фалиды искали двух беженцев из звездолета. Взглянув наверх, он заметил губчатую шевелящуюся крону. Показалось ли ему, что она опускалась, становилась ближе, чем раньше? Весь его организм словно кричал, подтверждая справедливость такого опасения.

Решительно подавляя инстинктивный страх, Рэч соединял компоненты устройства, от успешного функционирования которого могла зависеть судьба человечества.

Сборка была почти закончена. Оставалось затянуть соединение и повернуть переключатель – и мощный импульс гиперпространственного излучения, испускаемого решетчатой антенной передатчика, в течение пяти минут зарегистрировали бы сотни реле, установленных на сотнях кораблей земного космического флота.

Но Рэчу пришлось прерваться. Раздался пронзительный вопль – он увидел, что бежавшая вместе с ним девушка отбивалась от трех или четырех блестящих ростков, вытянувшихся из-под земли. Хрупкие ростки эти отличались фантастической подвижностью – они стремились обвиться вокруг его спутницы.

Рэч почувствовал, как что-то прохладное и гладкое ощупало его спину. Как только он ощутил это прикосновение, его блестящее черное тело обмякло, охваченное расслабляющей волной убаюкивающей безмятежности. Он сливался с вечностью, погружался в блаженство прощания с жизнью.

Земной мозг Рэча возмущался и яростно сопротивлялся происходящему, приказывая подчиняться обезволенным нервам. Он пнул хрупкий росток – тот сразу сломался. К телу Рэча вернулась какая-то часть энергии. Рэч подбежал к девушке и стал отрывать туго обвившиеся вокруг нее корни-ростки. Один из ростков схватил ее за колено. Девушка снова закричала – ее боль, ее отчаяние отозвались многократным эхом в его мозгу.

Он топтал вылезавшие из-под земли корни, он давил и крошил их – в то же время оттаскивая девушку в сторону. У нее шла кровь из колена. Содрогаясь, она прижалась к Рэчу, и он почувствовал щемящую волну облегчения, исходившую из ее мозга – она рада была освобождению, возможности быть рядом с ним. Станным образом, Рэч вспомнил при этом, какие отвращение и тошнотворный страх он вызывал у медсестры Элдер – способность спутницы испытывать к нему благодарность и привязанность удивила и даже немного смутила его.

За три секунды Рэч превратил в дымящийся пепел всю растительность, находившуюся в радиусе действия его лучевого оружия. Теперь он понимал, почему фалиды прекратили погоню на краю леса и почему его фалидские инстинкты настойчиво предупреждали об опасности при виде стволов, увенчанных разноцветными шевелящимися кронами. По всей видимости, этот лес был местом, которого фалиды старательно избегали. По всей видимости, фалиды считали, что лес казнит беглецов.

Корни-ростки стали появляться снова, но на этот раз проявляли странную неуверенность, как если бы ими управлял гигантский интеллект, травмированный испепелившим растением лучом. Из разноцветных крон-анемонов послышался жужжащий голос, заставивший Рэча вздрогнуть и взять на изготовку лучемет.

«Собрат наш меньший, ты сошел с ума? – удивленно и нежно спрашивал по-фалидски голос сверху. – Ты обжигаешь объятия вечности? Разве не Бза привели тебя к Отцу?»

Оглядываясь по сторонам, Рэч искал говорившего фалида, но никого не заметил.

«Нет, – ответил Рэч. – Я пришел по другой причине. Покажись, кто бы ты ни был – или я сожгу каждое дерево вокруг!»

Наступила пауза. Рэч почувствовал, что находящийся где-то рядом разум, чудовищный нечеловеческий разум, прикоснулся к его мозгу. И отпрянул!

«А! Неудивительно, что ты обжигаешь объятия Отца! У тебя тело, как у детей, но твой мозг ужасен – полон притворства и капризов, Бза для тебя ничего не значат».

«Верно, – согласился Рэч, продолжая держать лучемет наготове. – Я – человек с Земли, с планеты людей, на которых вы нападаете. Кто ты? И где ты?»

«Я везде вокруг тебя, – ответил голос. – Я – лес. Я – Отец фалидов».

Несколько мгновений мозг Рэча затруднялся справиться с этой идеей. Но умственное равновесие быстро восстановилось. «Все это очень любопытно, – думал он, – но время не ждет». Медленно отступая назад, Рэч вернулся туда, где он оставил передатчик.

Передатчик исчез.

VI

Похолодев от тревоги, Рэч взглянул по сторонам и вверх. Высоко над головой он заметил передатчик, крепко схваченный успевшим вырасти у него за спиной белым корнем-ростком.

«Отпусти это устройство! – настойчиво прожужжал Рэч. – Отпусти его, говорю!»

«Тишина и покой, собрат наш меньший! В лесу Отца всегда тишина и покой. Таковы Бза».

Рэч пнул основание ростка. Он сломался и свалился. В ту же секунду Рэч вырвал из растительной хватки свой передатчик. Другой росток цепко обвился вокруг него сзади и крепко сжал его щупальца – передатчик упал на землю. Из-под земли появился еще один росток; Рэч не мог пошевелить щупальцами. Девушка подбежала и попыталась оторвать схватившее Рэча растение, но оно было покрыто эластичной кожистой корой и оказалось гораздо крепче первого ростка, укравшего передатчик.

Рэч лихорадочно жужжал – девушка не понимала его. Если бы только он мог говорить так, чтобы она его понимала!

Он пнул передатчик, чтобы он оказался на очищенном от растительности участке, после чего пнул девушку – в направлении передатчика.

«Зз – зз – зз-зз!» – повелительно, настойчиво жужжал Рэч. Ну почему, почему она не понимала?

Девушка медленно выпрямилась во весь рост, с сомнением поглядывая на Рэча, обратила внимание на передатчик и подняла его.

«Тебе это нужно?»

«Зз – зз – зз-зз!» – жужжал Рэч.

«Один раз – „нет“, два раза – „да“, – сказала девушка, отскакивая от тянувшегося к ней ползучего белого корня. – Ты хочешь, чтобы я что-то сделала с этим устройством?»

«Зз! Зз!» – Рэч безуспешно пытался кивнуть головой без шеи.

Девушка взялась пальцами за переключатель: «Повернуть вот это?»

«Зз! Зз!»

Девушка включила передатчик. Он загудел, запел, задрожал. Решетка антенны побелела, переливаясь сотнями радужных цветов, и стала испускать мощный гиперпространственный импульс, превратившись в маяк, призывавший боевые корабли людей в лес «Отца фалидов», на родную планету фалидов. Через пять минут каждая сигнальная панель каждого корабля космического флота Земли должна была бешено зазвенеть. Навигаторы должны были тотчас же определить векторы сигнала и, в точке пересечения этих векторов – координаты планеты фалидов, куда тут же должны были устремиться сотни тяжело вооруженных крейсеров.

Райан Рэч успокоился. Теперь фалиды могли его убить – пусть. Задание выполнено. Он не предал память погибших братьев. И лес, «Отец фалидов», намеревался убить его. Рэч это знал, он ощущал неизбежность смерти и почти благожелательное, почти милосердное отношение леса к этой неизбежности. Белые ростки сжимали объятия и начали ветвиться, нащупывая трещины и щели в панцире Рэча.

Рэч взглянул на девушку. Он чувствовал ее страх. Она боялась не за себя! Она боялась за него, она жалела его!

Райан Рэч захотел жить.

«Отпусти меня, – закричал он лесу. – Мне нужно с тобой поговорить!»

«Почему бы ты стремился уклониться от Бза? – нежно спросил голос леса. – У тебя чужеродный мозг. Если я тебя послушаюсь, ты сожжешь еще несколько маленьких белых ростков вечности».

«Не сожгу, если они не схватят меня снова. Отпусти меня! Если ты меня не отпустишь, я прикажу моей спутнице сжечь огромный участок леса».

Корни-ростки внезапно ослабли.

Рэч освободился. Девушка подбежала к нему, но тут же остановилась, не понимая, что ей делать. Рэч погладил ее по плечу щупальцем.

Внимательно посмотрев вокруг, он больше не замечал никаких подкрадывающихся корней. Он ощущал бдительную осторожность леса, но немедленная угроза очевидно миновала.

Когда он снова взглянул на девушку, его охватило странное чувство – как будто он обязан был защищать ее во что бы то ни стало.

Он нацарапал ногой на лесном грунте: «Спасибо! Мы победили!»

«Но разве фалиды не убьют нас? Они за нами гнались!»

«Фалиды боятся леса. Может быть,ждемся земных кораблей», – написал Рэч на темной лесной земле. И почувствовал новый исходивший от девушки прилив надежды и теплоты.

«Мы когда-нибудь вернемся на Землю?»

Что-то оцепенело у него внутри. Быстро сменявшиеся мысли словно окатили его холодной водой, погрузив его мозг в уныние и сумрак. Земля? Что его ждало на Земле? Его тело давно умерло. Его мозг, пересаженный в другое тело, был обречен на смерть. Никто не ожидал, что он переживет выполнение задания – это не было предусмотрено планами командования.

«Не знаю», – начертил он ногой на земле и снова взглянул на передатчик, продолжавший генерировать гиперпространственный импульс; удовлетворение выполнением почти невозможной задачи облегчило охватившую его подавленность.

И снова он посмотрел вокруг. Не было заметно никакого движения – оставалось только ощущение мрачно наблюдавшего за ними леса, раздраженного и готового к любой жестокости.

И тут Рэча осенила догадка – догадка невероятной важности. Внезапно охваченный любопытством, он прожужжал фалидский сигнал, привлекавший внимание собеседника.

«Чего ты хочешь?» – спросил голос, исходивший из разноцветных крон-анемонов.

«Объясни, как ты можешь быть Отцом фалидов».

«В лесу растут Плоды жизни, – ответил голос. – Тот, кто поедает Плод жизни, становится носителем второй жизни, и затем на свет зеленого солнца появляется следующий из моих детей».

Рэч чуть не упал в обморок. Его тошнило. Он содрогнулся. Он вспомнил, что на корабле фалидов он съел такой фрукт.

* * *

Блестящее черное тело Рэча неуклюже растянулось в салоне «Канадского могущества», адмиральского звездолета земного флота. Земная мебель не подходила к его жесткому длинному телу. Даже специальное кресло, изготовленное дня него в мастерской звездолета, казалось ему неудобным.

Рядом сидела девушка – бывшая узница с фалидского корабля. Рэч узнал, что ее звали Констанция Эйверилл. Коммодор Сандион только что ушел в кабинет на мостиковой палубе, и в салоне больше никого не осталось, кроме Констанции, молча сидевшей в мягком кресле.

Интерьер адмиральского салона поражал великолепием. Стены были обшиты кожей с резными и выдавленными черными, красными и дымчатыми узорами. Из широких иллюминаторов, скорее напоминавших окна роскошного отеля, открывался вид на звезды, мерцавшие вверху и внизу на черном фоне пространства.

На других стенах висели броские акварели первого помощника капитана, отличавшегося артистическими наклонностями – вид на Олимпийские горы в пустыне Сонгингк на Коралан-

гане, сцена, изображавшая аборигенов Бао, приготавливавших пульпу из пиявок в давящем чане, марсианский пейзаж, руины Амт-Могота.

Янтарные лампы освещали мебель с мягко-зеленой и кирпично-красной обивкой. Вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, а между стеллажами висел большой телеэкран с проигрывателем для просмотра фильмов.

Рэч внутренне – умственно – вздохнул. Его тело на самом деле не могло вздохнуть. Воздух поступал в него по тысяче каналов под панцирем – автоматически, так же, как бьется человеческое сердце.

Благодаря оптической прорези с двумя глазами Рэч мог обзирать все помещение, не поворачивая головы. Он понимал, что находится в приятной обстановке, понимал, что люди спроектировали этот салон так, чтобы в нем было тепло и уютно – здесь, посреди холодной черной пустоты. Но в глазах Рэча салон выглядел пустынным, безжизненным, непривычным.

До Земли оставалось лететь еще неделю. В двух неделях пути за кормой остались неприглядное зеленоватое светило из созвездия Лиры и сумрачная планета фалидов, теперь уже оккупированные земным гарнизоном и охраняемые двумя неприступными земными орбитальными фортами в полутора тысячах километров над экватором «Отчизны».

Открылась дверь салона. Зашел корабельный антрополог – безобидный шуплый человек с высоким облысевшим лбом, рыжеватыми усами и бегающими карими глазами. Антрополог присел, подтянул брюки и стал говорить – беспокойно, нервно.

Уже две недели он приставал к Рэчу с расспросами, днем и ночью. Рэч, погруженный в собственные мрачные мысли, не хотел ни с кем разговаривать, за исключением Констанции Эйверилл, а она тоже предпочитала молчать.

«На основе всего, что вы мне рассказали, – сказал антрополог, – и тех наблюдений, которые мне удалось сделать самому, я могу предложить гипотезу. Она предусматривает необычные, с человеческой точки зрения, условия – но, скорее всего, с точки зрения фалидов другие аналогичные условия показались бы не менее странными.

Фалиды – раса, подразделенная на специализированные фенотипы. В отличие от людей, у них нет ни мужского, ни женского пола, но они существуют, грубо говоря, как симбиотическое сообщество растений и животных. Растительный фрукт оплодотворяет животное. Животное, побуждаемое подобным голоду стремлением съесть фрукт – или, возможно, инстинктивными правилами «Бза» – приходит в лес, чтобы найти и сорвать фрукт. Растение, таким образом, заманивает животное в ловушку, потребляет животное и таким образом производит дальнейшие фрукты. Животное, поглотившее фрукт, но избежавшее западни, производит потомство».

Антрополог поглядывал на Рэча с торжеством мудреца, разгадавшего великую тайну.

«И фалиды планировали обучать людей искусству воровать фрукты?» – спросила Констанция.

«По всей видимости, плоть человеческого организма стимулирует растения так же, как плоть фалидов, – ответил антрополог. – Правящий клан фалидов, «Поименованные», беспокоился по поводу уменьшения численности фалидов. Правителям удалось создать высокотехнологическую цивилизацию. Они решили исследовать космос, чтобы найти существо, способное служить заменой фалидам в том, что касается опасного занятия сбора фруктов в «отеческом лесу».

В конце концов они встретились в космосе с землянами и захватили, в качестве эксперимента, некоторое количество людей, а те, после надлежащей психологической обработки, оказались почти идеальными «сборщиками фруктов». Фалиды разрабатывали планы массового импорта людей. Ожидалось, что люди будут воровать фрукты из «отеческого леса», а если какая-то их часть должна было при этом погибать – что ж, как говорится, «лес рубят – щепки летят». Зато фалиды получали бы гораздо больше фруктов, оставаясь в безопасности».

Зашел один из помощников антрополога и доверительно сообщил руководителю: «По гиперфону передали подробности заключенного договора».

«Неужели? – антрополог выпрямился в кресле, моргнул. – И каковы условия?»

«Фалиды выплатят контрибуцию – сто миллионов валютонтов в виде ценных руд и товаров. Мы устроим лабораторию, где группа исследователей займется идентификацией вещества, стимулирующего рост фруктов на фалидских деревьях. Мы подрядились ежегодно поставлять предусмотренное договором количество фруктов. Другими словами, люди будут снимать урожай в фалидском лесу».

Антрополог явно заинтересовался – новости обрадовали его: «Хотел бы я знать, какое влияние этот договор окажет на социум фалидов? Что станет с их правилами „Бза“, с однородностью их каст, с их культурными закономерностями? Прошу прощения! – сказал он, обращаясь к Рэчу и Констанции Эйверилл. – Мне нужно срочно оценить ситуацию, применяя теоремы Мак-Дугала».

Ученый поспешил уйти. Рэч и Констанция снова остались одни.

Рэч устало посмотрел вокруг двумястами глазами. Салон казался ему непропорциональным помещением с низким потолком, а Констанция и антропологи – уродливыми, чуждыми существами. Их голоса раздражали его слуховые волоски, их движения оскорбляли его фалидские представления об эстетике.

Он ощутил ход мыслей Констанции Эйверилл. Решительность и упрямое жизнелюбие, подмеченные им поначалу и вызвавшие у него восхищение, теперь почти не поддавались восприятию на общем фоне ее умственной деятельности – в целом и в общем их заменили теплота, нетерпение, хорошее настроение. И странная, задумчивая тоска.

В данный момент ее беспокоили тоскливые, пугливые мысли – чего она боялась?

«Вы несчастны, не так ли?» – спросила она его.

Он написал: «Я сумел выполнить задание. Это меня радует. А во всех других отношениях я – музейный экспонат. Шутка природы».

«Не надо так говорить! – Рэч почувствовал исходящую от нее волну жалости. – Вы – самый храбрый человек на свете!»

«Я не человек. Мое тело погибло. И я не могу поселиться в другом человеческом теле. Я застрял в теле фалида. Оно мне не особенно нравится. В этих фалидских глазах все выглядит неправильно, не по-человечески».

«Как для вас выгляжу я?» – с любопытством спросила Констанция.

«Ужасно. Как помесь ящерицы с ведьмой».

Рэч уловил мимолетную тревогу, характерную для женщин.

«На самом деле я неплохо выгляжу!» – заверила его Констанция.

Они помолчали.

«Вам нужен кто-нибудь, кто будет о вас заботиться, – продолжала Констанция. – Я этим займусь».

Рэч искренне удивился. Его крыльчатые пальцы дрожали, пока он записывал ответ: «Нет! Мне предоставят патрульный космический катер, и я проведу в космосе остаток своих дней. Мне никто не нужен».

«Я полечу с вами».

«Как вы сможете это сделать? Вас нисколько не беспокоит ваша репутация?»

«Ха! Думаю, что в вашем обществе я буду в безопасности, – она рассмеялась. – Так или иначе, мне дела нет до репутации».

«С юридической точки зрения я – женщина, – Рэч попытался придать ироническое выражение письменному ответу. – Я съел „фрукт жизни“. Через некоторое время это фалидское тело станет матерью. Надеюсь, у меня не разовьются материнские инстинкты».

Констанция поднялась на ноги. Она плакала: «Не надо! Не говорите мне такие вещи! Это ужасно – то, что с вами сделали!» Она яростно вытерла слезы тыльной стороной руки. «Ладно! – кричала она. – Я сошла с ума, я последняя дура! В любом случае, нынче високосный год. Вы – самый замечательный человек из всех, кого я знаю. Я вас люблю. Мне все равно, как вы выглядите. Я люблю то, что вы есть на самом деле, внутри. Так что вы от меня не избавитесь – я сделаю все, что смогу, чтобы...»

Рэч опустил на спинку кресла.

В салон зашел второй помощник капитана: «Сообщение для вас, господин Рэч. Только что прибыло по гиперфону».

Рэч открыл конверт и прочел письмо доктора Плогетца:

«Уважаемый г-н Рэч!

У меня есть для Вас хорошая новость – и Вы ее заслуживаете. Нам удалось восстановить Ваше тело, оно Вас ждет. Это было очень сложно. Пришлось вживить новую печень, шесть метров тонкой кишки и новую левую ногу ниже колена.

Я не сообщал Вам об этом раньше, потому что не хотел подавать Вам необоснованные надежды – у нас не было уверенности в том, что все получится. Но с той минуты, как Ваш мозг был удален, над задачей восстановления Вашего тела круглосуточно работали лучшие физиологи и хирурги.

Я знаю, что эта новость Вас обрадует – увидимся уже на этой неделе!»

Рэч передал гиперграмму Констанции Эйверилл.

Она прочла ее и снова заплакала. Ни один из двухсот фалидских глаз Рэча не мог плакать.

* * *

В зале ожидания Атлантического госпиталя Космического флота не меньше полусотни человек готовились встретить выписанных друзей и родственников – пациентов, находившихся в палатах небоскребов медицинского комплекса. Пациенты этой крупнейшей больницы в мире спускались по эскалатору группами по пять, а то и по десять человек.

Среди ожидавших была девушка с блестящими темно-рыжими волосами, с изящным, приветливым лицом, свежим, как цветок, но с прямолинейным взглядом ясных глаз, свидетельствующим о внутренней силе. Она сидела и наблюдала за эскалатором, напряженно всматриваясь в лица мужчин – особенно молодых загорелых мужчин – по мере того, как они приближались, в свою очередь пытаясь найти в зале ожидания знакомые лица. Пару раз она приподнималась, но разочарованно опускалась на сиденье.

Проходили минуты. Двери над эскалатором раздвинулись, появилась новая группа пациентов.

В их числе был худощавый, подтянутый молодой человек с большим улыбочивым ртом и продолговатым подбородком; вдоль его щеки тянулся шрам, а кожа его потемнела настолько, что почти не отличалась оттенком от волос – космический загар не проходил много лет.

Девушка присмотрелась – присмотрелась еще раз, медленно поднялась на ноги и сделала несколько неуверенных шагов вперед. Молодой человек задержался, переводя взгляд с одного лица на другое. Девушка остановилась. Найдет ли он кого-нибудь другого? Неужели она ошиблась? Нет, не может быть! Она подошла ближе. Он заметил ее, тоже присмотрелся – или к чему-то прислушался? Внезапно он улыбнулся, быстро подошел и взял ее за руки: «Констанция!»

Это было утверждение, а не вопрос. Почти целую минуту они стояли и смотрели друг на друга, вспоминая все былое.

Покидая госпиталь, они крепко держались за руки.

ШАТО Д'ИФ

I

Рекламное объявление сначала передавали по телевидению, а через несколько дней оно появилось на врезке в факсимильном выпуске новостей: зеленый текст на черном фоне – скромный прямоугольник среди других объявлений, оранжевых, красных и желтых. Крупным шрифтом выделялись три строки:

*«Все надоело? Соскучились?
Хотите ПРИКЛЮЧЕНИЙ?
Испробуйте „Шато д'Иф“!»*

Оксфордская терраса – приятный тихий уголок в центре города, прямоугольная в плане пешеходная зона, привлекавшая множество праздных отдыхающих, выпивавших за столиками под красочными зонтами. Вереница тенистых магнолий отгораживала проезжую часть, приглушая уличный шум – здесь он становился тихим и неразборчивым, как отдаленный шелест прибоя, и разговорам мешал только неравномерный перестук мячей, доносившийся с кортов за террасой.

Роланд Марио находился в состоянии полного расслабления: развалившись на стуле и откинув голову назад, он водрузил ноги на стол из стекловолокна – в той же позе, что и четверо его приятелей. Наблюдая за другими из-под полуопущенных век, Марио размышлял о древней тайне человеческой личности. Каким образом люди могли быть такими одинаковыми и в то же время совершенно неповторимыми в каждом отдельном случае?

Слева сидел Брео, специалист по ремонту калькуляторов. У него были круглые глаза, длинный нос с горбинкой и мохнатые черные брови; методичный и терпеливый, он умел ловко работать пальцами. Владелец уэльской фамилии, Брео выглядел как типичный валлиец, потомок низкорослого темноволосого племени, населявшего берега Британии еще до высадки Цезаря – еще до пришествия кельтов.

Рядом с Брео сидел Джаннивер. Его мозг и тело сформировались под влиянием разнородных наследственных характеристик обитателей Северной Европы, Африки и Ближнего Востока. Осторожный и вдумчивый бухгалтер с коротко подстриженными желтоватыми волосами, высокий и худощавый, Джаннивер умел быть опасным противником на корте для игры в мяч. Черты его продолговатого лица, казалось, сначала выточили резцом, а затем вмяли и притупили.

Самым подвижным и молодым из всех был Заэр, розовощекий юноша с белоснежной кожей, черными кудрявыми волосами и веселыми шальными глазами. Он говорил больше всех, смеялся больше всех, но иногда вел себя несдержанно.

Рядом с Заэром развалился Дитмар – язвительный субъект с пронзительно прищуренным взглядом, высоким лбом и темно-бронзовой кожей уроженца Полинезии, Судана, Индии или Южной Америки. Дитмар не играл в мяч и не испытывал такого пристрастия к прохладным коктейлям, как другие – у него была больная печень. Он занимал исполнительную должность с солидным окладом в одной из телевизионных компаний.

А сам Марио – каким он выглядел в глазах друзей? Трудно сказать. Скорее всего, он производил различное впечатление на каждого: его внешность не отличалась выдающимися признаками и не свидетельствовала о далеко идущих претензиях. У него было приятное, но не слишком запоминающееся лицо с непримечательными глазами и прической. Среднего роста, с кожей распространенного золотисто-коричневого оттенка, он говорил тихо и носил

скромную одежду приглушенных тонов. Марио знал, что другим – по меньшей мере четверем нынешним приятелям – нравилось проводить время в его компании, хотя их свели вместе скорее игра в мяч и холостяцкая жизнь, нежели какое-нибудь «духовное сродство».

Марио заметил, что все молчали. Покончив с коктейлем, он спросил: «Еще по стаканчику?»

Брео медленно кивнул.

«С меня хватит», – отказался Джаннивер.

Заэр опрокинул бокал и со стуком опустил его на стол: «Еще когда мне было четыре года, я обещал отцу никогда не отказываться от выпивки!»

Дитмар поколебался, но уступил: «Лучше тратиться на спиртное, чем на что-нибудь другое».

«А зачем еще нужны деньги? – заметил Брео. – Нужно же хоть чему-то радоваться в жизни!»

«Чем больше денег, тем больше радости, – с прохладцей отозвался Дитмар. – Но деньги не валяются под ногами».

Заэр обвел широким жестом весь мир: «Надо быть художником, изобретателем – что-то создавать, строить. В том, чтобы жить на зарплату, нет будущего».

«Нет, вы только посмотрите на это новоиспеченное произведение системы образования! – усмехнулся Брео. – Откуда, во имя всего нечестивого, все они берутся? Самозарождаются из грязи под воздействием солнечного света? Вдруг, откуда ни возьмись, кругом одни непризнанные гении! Физики-атомщики – Де-Затц, Коули. Администраторы – Хонн, Версович, Лекки, Брюль, Ричардс. Финансисты – Гэндлип, Нью, Кардоса. Десятки гениев, и каждому нет еще двадцати четырех лет! Вспыхивают и гаснут, как метеоры в ночном небе».

«Не забудь про Пита Заэра! – напомнил Заэр. – Еще один метеор, но он еще не просиял. Дай ему годик-другой».

«Что ж, – пробормотал Дитмар, – может быть, это к лучшему. Кто-то же должен шевелить мозгами за всех остальных. Нас кормят, одевают, обучают, устраивают на непьющую работу, да и выпивка обходится недорого. А это все, что нужно от жизни девяносто девяти процентам обывателей».

«Если бы только кто-нибудь придумал средство от похмелья», – вздохнул Заэр.

«Выпивка позволяет отдохнуть от скуки, – угрюмо отозвался Джаннивер. – Кроме пьянства, не осталось никаких приключений. Пьянство и смерть!»

«Верно! – кивнул Брео. – Ты всегда можешь убедительно продемонстрировать презрение к жизни, покончив с собой».

Заэр рассмеялся: «Виски или цианистый калий! Выбираю виски».

Принесли свежие коктейли. Приятели бросили кости, чтобы выяснить, кому придется платить на этот раз. Марио проиграл и подписал чек.

Помолчав, Брео сказал: «Чистая правда. Пьянство – и смерть. Непредсказуемые вещи. Тебя ожидают только две судьбы – если тебе не по карману билет на космический корабль за двадцать миллионов. И даже тогда: что ты увидишь, когда прилетишь на другую планету? Безжизненные груды камней».

«Есть и третий вариант», – заметил Дитмар.

«Какой?»

«Шато д'Иф».

Все притихли, причем каждый изменил позу: откинулся на спинку стула или, наоборот, выпрямился.

«Что это такое – Шато д'Иф?» – поинтересовался Марио.

«И где его найти? – спросил Заэр. – В объявлении сказано: испробуйте „Шато д'Иф“. Но не сказано ни что это такое, ни где оно находится».

Джаннивер хмыкнул: «Наверное, какой-нибудь ночной клуб».

Марио с сомнением покачал головой: «Возникает другое впечатление».

«Это не ночной клуб, – заявил Дитмар; все глаза обратились к нему. – Нет, я не знаю, что это такое. Но могу узнать, где находится это заведение – последние два месяца ходили всякие слухи».

«Какие слухи?»

«О! Ничего определенного. Одни намеки. В том роде, что, если вы хотите приключений, если у вас есть деньги, чтобы за них заплатить, если вы согласны рискнуть и если у вас нет обязанностей, от которых вы не можете отказаться...»

«Если, если, если! – усмехнулся Брео. – Шато д'Иф!»¹

Дитмар кивнул: «Вот именно».

«Это опасно? – спросил Заэр. – Если там протягивают канат над ямой, кишасей змеями, а потом выпускают голодного тигра, и остается либо пройти по канату, либо драться с тигром, я лучше останусь здесь, буду пить коктейли и размышлять над тем, как обыграть Джаннивера на турнире».

Дитмар пожал плечами: «Ничего не знаю».

Брео нахмурился: «Может быть, это притон наркоманов – или какой-то извращенный бордель».

«Ничего подобного! – возразил Заэр. – Это замок с привидениями – с настоящими привидениями».

«Если уж фантазировать, то они изобрели машину времени», – возразил Дитмар.

«Шато д'Иф! Загадочный замок!»¹ – повторил Брео.

Все задумчиво помолчали.

«Странно все-таки, – встрепенулся Марио. – Дитмар говорит, что слухи ходят уже два месяца. А объявление напечатали только на прошлой неделе».

«Что тут странного? – удивился Джаннивер. – Так и делают хозяева любого нового предприятия – сначала распускают слухи, потом публикуют объявления».

«В том-то и дело, что это предприятие, – сразу откликнулся Брео. – Шато д'Иф – не стихийное явление, а созданный человеком объект или процесс – что бы то ни было. И за этим процессом или объектом скрывается вполне человеческое побуждение – скорее всего, стремление делать деньги».

«Какие еще бывают побуждения?» – пренебрежительно пожал плечами Заэр.

Черные брови Брео высоко взметнулись: «Ну, никогда не знаешь, что люди придумают. Может быть, „Шато д'Иф“ – преступная организация. Иначе почему бы вокруг нее кишмя кишели агенты АПП?»

Дитмар откинулся на спинку стула и почти насмешливо покосился на Брео: «Агентство по предотвращению преступности не может ничего предпринять, пока кто-нибудь не подаст собственноручно подписанную жалобу. Пока нет никаких откровенных нарушений и никаких жалоб, блюстители закона пальцем не пошевелят».

Брео отозвался нетерпеливым взмахом руки: «Совершенно верно. Но это не имеет непосредственного отношения к той гипотезе, которую я развиваю».

Дитмар ухмыльнулся: «Прошу прощения. Продолжай».

«Какими побуждениями руководствуются люди, когда формируют новые предприятия? Прежде всего, конечно, желанием делать деньги – но к этой категории, в общем и в целом, можно отнести любые побуждения. Для ясности будем считать, что жажда наживы сама собой подразумевается в любом случае. Во-вторых, людьми движет жажда власти. Жажду власти

¹ Игра слов: «иф» (if) по-английски означает «если», в связи с чем французское название «Шато д'Иф» приобретает смысловой оттенок выражения «загадочный замок». – *Прим. перев.*

можно подразделить на несколько категорий – например, инстинктивного стремления прикнуться к очередному крестовому походу или получить доступ к неограниченным возможностям удовлетворения похоти. Желание подчинять себе женщин – мощный стимул. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов любопытство, влечение к познанию неизвестного. В-четвертых, предприятие может быть создано просто для развлечения, лишь бы чем-то заняться. В-пятых, основатель может руководствоваться благотворительными целями. Я что-нибудь пропустил?»

«Да нет, примерно так оно и есть», – отозвался Заэр.

«Возможно, следует прибавить еще желание обеспечить свою безопасность – избежать смерти. Зачем, по-вашему, фараоны строили пирамиды?» – предположил Джаннивер.

«Думаю, в конечном счете основное побуждение предпринимателя – жажда наживы – объясняется именно стремлением к обеспечению безопасности».

«А творческий дух, самовыражение?»

«Притянуто за уши, я бы сказал».

«Экsgiбиционизм!» – обронил Дитмар.

«Тоже маловероятно».

«Не могу согласиться. С точки зрения актера, театральные представления устраиваются исключительно с целью удовлетворения его, актера, безудержного экsgiбиционизма».

Брео пожал плечами: «Возможно, ты прав».

«Религиозные движения, миссии?»

«Все религиозные организации можно свалить в одну кучу – власть и деньги, их больше ничего не интересует».

«Из кучи будут торчать углы и края».

«Ну, разве что самую малость... И это все? Хорошо! Что мы имеем в данном случае? Кто-нибудь может что-нибудь предложить?»

«Шато д'Иф! – размышлял вслух Джаннивер. – Звучит, как напыщенная фантазия любителя поживиться за чужой счет».

«О благотворительности тут не может быть речи – по меньшей мере на первый взгляд, – сказал Марио. – Но можно придумать ситуации, подпадающие под любое другое из твоих определений».

Дитмар нетерпеливо махнул рукой: «Рассуждения бесполезны. На что тут рассчитывать? Никто из нас не знает наверняка. Чтб, если „Шато д'Иф“ – заговор террористов, намеренных взорвать город?»

«Назначаю тебя, Дитмар, единственным членом комиссии, обязанной провести расследование и представить отчет», – с прохладцей отозвался Брео.

Дитмар язвительно рассмеялся: «С радостью занялся бы таким расследованием. Но у меня есть идея получше. Давайте бросим кости. Проигравший обратится в „Шато д'Иф“ за счет остальных».

Брео кивнул: «Мне это подходит. Бросим жребий».

Дитмар обвел взглядом других.

«Во сколько это обойдется?» – спросил Заэр.

Дитмар покачал головой: «Нужно заранее ограничить вклады – скажем, не больше двух тысяч долларов с носа».

«Ладно, я не против. Джаннивер?»

Высокий игрок в мяч с ежиком желтоватых волос колебался пару секунд: «Ладно, бросай кости. Мне нечего терять».

«Марио?»

«Я готов рискнуть».

Дитмар взял коробочку для костей, накрыл ее ладонью, встряхнул кости: «Правила такие же, как в покере на костях. Один бросок, высший номинал – единица – считается тузом.

Другими словами, пара единиц бьет пару шестерок. „Стрит“² старше „сета“,³ но младше „полного дома“.⁴ Никто не возражает? Кто бросит первый?»

«Давай, ты и бросай первый», – спокойно отозвался Марио.

Дитмар долго встряхивал кости и наконец выкатил их на стол. Пятеро приятелей – все, как один – пригнулись над столом, следя за кувыркающимися кубиками. Постукивая по стекловоллокну и со звоном ударяясь о высокие бокалы с коктейлями, кости остановились.

«Похоже, у меня три пятерки, – сказал Дитмар. – Что ж, бывает и хуже».

Марио, сидевший слева от Дитмара, взял коробочку, собрал в нее кости, встряхнул их, выбросил на стол – и недовольно хмыкнул: двойка, тройка, четверка, пятерка и снова четверка.

«Пара четверок. Сегодня мне не везет».

Брео молча бросил кости: «Три туза».

Наступила очередь Джаннивера: «Две пары – двойки и тройки».

Слегка побледневший Заэр собрал кости и покосился на Марио: «Значит, нужно побить две четверки». Он долго и энергично встряхивал кости, после чего красивым жестом выбросил их на стол. Кубики катались и прыгали среди бокалов, производя нестройный звон. За ними напряженно следили пять пар глаз: выпали туз, двойка, тройка, шестерка, двойка.

«Пара двоек».

Заэр откинулся на спинку стула с натянутой усмешкой: «Что ж, назвался груздем – полезай в кузов. Я туда пойду. Утверждается, что меня ждет приключение. Ничего не сказано о том, завершится ли оно моей безвременной кончиной».

«Тебе следовало бы радоваться, – заметил Брео, набивая трубку. – В конце концов, мы платим за твой таинственный аттракцион».

Заэр беспомощно развел руками: «А куда мне идти? И что мне там делать?» Он повернулся к Дитмару: «Где находится это заведение?»

«Понятия не имею, – признался Дитмар. – Спрошу в студии. Кто-нибудь должен знать кого-нибудь, кто там уже побывал. Завтра примерно в это же время сообщу подробности – все, что смогу разнюхать, так или иначе».

Наступила тишина. Каждый из приятелей замолчал, но в каком случае это объяснялось тревогой, в каком – страхом, а в каком – злорадным удовлетворением, трудно было сказать.

Брео опустил бокал на стол: «Ну, Заэр, как ты думаешь? Пройдешься по канату или задушишь тигра?»

«Лучше захвати пару кастетов или хотя бы кольцо с шипом», – ухмыльнулся Дитмар.

Заэр обвел глазами кружок приятелей и горько рассмеялся: «Мне льстит ваш интерес к моей судьбе».

«Мы хотим получить подробный отчет. Значит, мы хотим, чтобы ты вернулся живым».

«Я тоже хотел бы вернуться живым, – заверил их Заэр. – Кто меня поддержит инъекциями адреналина и нюхательными солями, если приключение окажется поистине захватывающим?»

«Такому здоровяку, как ты, обморок не грозит, – Брео махнул рукой и поднялся на ноги. – Мне пора кормить кошек. В моей жизни тоже есть приключение – семь кошек. До чего бесцельное прозябание! Но кошкам нравится, – Брео язвительно фыркнул. – Мы живем так, как люди мечтали жить с тех пор, как начали мечтать. У нас все есть – еда, развлечения, свобода. Но мы не понимаем, как нам повезло».

² «Стрит»: пять последовательно расположенных по старшинству номиналов. – Прим. перев.

³ «Сет»: три одинаковых номинала. – Прим. перев.

⁴ «Полный дом»: сочетание трех одинаковых и двух других одинаковых номиналов. – Прим. перев.

II

Заэр был испуган. Он плотно прижимал руки к телу, а его ухмылка – широкая и, как всегда, готовая появиться в любой момент – теперь напоминала нервную гримасу и слегка кривилась. Он не скрывал опасений и напряженно сидел за столом, как готовый выйти на ринг боксер, ожидающий удара в гонг.

Джаннивер серьезно наблюдал за ним, прихлебывая пиво: «Может быть, *идея* „Шато д'Иф“ – достаточное приключение само по себе».

«„Что называется приключением?“ – спросил себя Заэр и ушел, не дождавшись ответа», – пошутил Брео, поблескивая глазами и набивая трубку.

«Приключением называется способ напугать человека до смерти – но так, чтобы он мог рассказать об этом другим», – мрачно отозвался Заэр.

Марио рассмеялся: «Если ты не вернешься, мы будем знать, что с тобой случилось не то, что называется приключением».

Брео вертел головой: «Где Дитмар? Он у нас всегда все знает».

«Вот он идет! – Заэр напрягся пуще прежнего. – Я чувствую себя, как висельник перед казнью».

«А, черт побери! – воскликнул Брео. – Ты не обязан пускаться во все тяжкие, если тебе это не по душе. В конце концов, это глупая шутка, а не вопрос жизни и смерти».

Заэр покачал головой: «Нет уж – взялся за гуж...»

Дитмар пододвинул стул, нажал кнопку вызова официанта, заказал пива – и перешел к делу без лишних слов: «Это обойдется в восемь тысяч. То есть, с Заэра сдерут восемь тысяч. Предлагаются два уровня обслуживания. За услуги высшего уровня, типа А, берут десять миллионов. Услуги типа Б стóят десять тысяч, но они согласны взять восемь. Само собой, никто из нас не может отстегнуть два с половиной миллиона, так что придется ограничиться услугами типа Б».

Заэр поморщился: «Мне все это не нравится. Походит на карнавальные развлечения. Кому-то приходится прыгать и кувыркаться, уворачиваясь от ударов, а остальные стоят вокруг, гогочут и ждут того момента, когда у идиота-добровольца штаны разойдутся по швам. А поодаль нажимает кнопки и поворачивает рычаги мерзавец-оператор. Он-то и забавляется больше всех».

«Я уже заплатил восемь тысяч, – невозмутимо продолжал Дитмар. – Так что потрудитесь выписать чеки. Лучше с этим покончить сразу, пока мы все тут собрались».

Дитмар засунул в кошелек чеки, подписанные Марио, Джаннивером и Брео: «Хорошо». Повернувшись к Заэру, он сказал: «Сегодня в шесть часов вечера тебе нужно явиться по этому адресу». Он продвинул по столу визитную карточку: «Предъяви эту карточку тому, кто откроет дверь».

Брео и Марио, сидевшие справа и слева от Заэра, нагнулись вместе с ним, чтобы рассмотреть карточку. На ней были напечатаны три строки:

«ШАТО ДИФ
5600 Эксмир-авеню
Прибрежные Луга»

В углу кто-то приписал от руки: «Заэр – от Сатлоу».

«Пришлось здорово попотеть, чтобы достать приглашение, – сказал Дитмар. – Судя по всему, в это заведение пускают только избранных. Заэр, я за тебя поручился как за самого себя, во всех отношениях. Надеюсь, ты не работаешь на АПП – иначе Сатлоу выгонит меня в шею, он мой начальник».

«АПП? – Заэр поднял брови. – Мы имеем дело с незаконным бизнесом?»

«Не знаю, – развел руками Дитмар. – Я заплатил две тысячи долларов, чтобы это узнать».

«Надеюсь, Заэр, у тебя крепкая память, – с прохладной усмешкой заметил Брео. – Потому что – в том случае, если ты выживешь – я хотел бы выслушать рассказ о потрясающих приключениях, за который стоило выложить две тысячи».

«Если я не выживу, – отозвался Заэр, – заведи себе планшет для спиритических сеансов. Даже находясь на том свете, я смогу окупить твоё драгоценное капиталовложение».

«Теперь, – сказал Дитмар, – мы будем встречаться здесь по вторникам и пятницам, в три часа дня – правильно? – он обвел взглядом лица приятелей. – Пока ты не появишься».

Заэр поднялся на ноги: «Ладно. По вторникам и пятницам в три. До скорого». Он попрощался взмахом руки и удалился неуверенными, чуть спотыкающимися шагами.

«Бедняга! – посочувствовал Брео. – Он от страха едва ноги переставляет».

* * *

Наступил вторник. Наступила пятница. Прошла вторая неделя – Заэр не появлялся. Вторник наступил в третий раз. Марио, Дитмар, Брео и Джаннивер встретились в три часа дня, угрюмо поздоровались и заняли места за столом.

Прошло пять, десять минут. Разговор не вязался. Джаннивер выпрямился на стуле, вытянув руки на столе справа и слева от кружки с пивом, и время от времени поглаживал то короткие желтоватые волосы на затылке, то короткий тупой нос. Брео сгорбился и смотрел невидящими глазами на толпы прохожих. Дитмар апатично курил, а Марио пытался установить на столе в вертикальном положении бумажку, свернутую в трубочку.

В три часа пятнадцать минут Джаннивер прокашлялся: «Надо полагать, он спятил».

Брео хмыкнул. Дитмар едва заметно усмехнулся. Марио закурил сигарету и нахмурился. «Сегодня я его видел», – сказал Джаннивер.

Остальные тут же повернулись к нему: «Где?»

«Не хотел об этом упоминать, – продолжал Джаннивер, – в том случае, если бы он сегодня пришел. Но он не пришел. Заэр остановился в отеле „Атлантик-Эмпайр“, в апартаментах на двадцатом этаже. Я сунул взятку швейцару – тот говорит, что Заэр живет там уже больше недели».

Брео наморщил лоб и с подозрением прищурил черные глаза: «Как ты его там заметил?»

«Проверял их учетные книги. По расписанию – это входит в мои обязанности. Выходя из отеля, я увидел Заэра в вестибюле – обознаться было невозможно».

«А он тебя заметил?»

Джаннивер неловко пожал плечами: «Может быть. А может быть и нет. По-моему, он был слишком занят разговором с какой-то женщиной – с роскошно одетой женщиной».

«Хмф! – выдохнул Дитмар. – Похоже на то, что Заэр не зря потратил наши денежки».

Брео поднялся на ноги: «Пойдем, навестим его. И узнаем, почему Заэр не соблаговолил отчитаться». Повернувшись к Джанниверу, он спросил: «Он зарегистрировался в отеле под своим именем?»

Джаннивер кивнул большой продолговатой головой: «Не иначе».

Брео повернулся, чтобы уйти, и обернулся, переводя взгляд с одного на другого: «Вы идете?»

«Идем!» – отозвался Марио, поднимаясь из-за стола. Дитмар и Джаннивер последовали его примеру.

* * *

В огромном элегантном отеле «Атлантик-Эмпайр» предлагались все известные средства и услуги, позволявшие способным платить за них мужчинам и женщинам утолять голод, принимать ванны, чувствовать себя удобно, развлекаться, льстить своему самолюбию, расслабляться, стимулировать и успокаиваться.

У входа ждал швейцар в белой ливрее, помогавший снимать плащи и пальто даже случайным посетителям, обмахивая мягкой щеткой их костюмы и предлагая женщинам бутоньерки из застекленного холодильного шкафа. Окруженный зеркалами десятиметровой высоты зал, ведущий к вестибюлю, наполнился приглушенным эхом голосов, как неф торжественного собора. Движущийся ковер перемещал посетителя в вестибюль – еще один величественный зал с интерьером в стиле «глориана» полувековой давности. Вдоль одной из стен тянулась сводчатая галерея небольших лавок. Здесь, если покупателей мало беспокоили цены, они могли выбирать чеканные изделия из меди, золота и тантала, вечерние платья из ярких тканей – алые, пурпурные, иссиня-черные, изделия ремесленников древнего Тибета и кооператива «Новакрафт», неограниченные зеленые юпитерианские опалы (продаются на вес в миллиграммах), голубые балтикины с Марса, пламенные алмазы, добытые под землей на тридцатикилометровой глубине, вишни-цукаты «Маратести» в ликере «Органди», духи, выжатые из арктических мхов, беломраморные цветы, изящные, как призраки красавиц.

За противоположной стеной – цельной стеклянной панелью – находился главный плавательный бассейн отеля. Там, в подсвеченной сине-зеленой толще воды, плескались влажные золотистые тела пловцов. Мебель в вестибюле отличалась теми же сине-зелеными и золотистыми оттенками, а конфиденциальность встреч обеспечивалась живыми ширмами из лоз, усыянных красными, черными и белыми цветами. Воздух, насыщенный ненавязчивым золотистым светом, подчеркивал иллюзию пребывания в зачарованном мире, где люди вращались в элитарной среде роскошных нарядов, сказочных драгоценностей, элегантного остроумия и острого разврата.

Глядя по сторонам, Брео скорчил презрительную гримасу: «Чертовы паразиты! Выпендриваются друг перед другом, треплются и дебоширят, пока весь остальной мир вкалывает!»

«Успокойся! Зачем выходить из себя по этому поводу? – упрекнул его Дитмар. – Кто, кроме них, может развлекаться от души в постылом мире бесконечных забот?»

«Не думаю, что они это делают от души, – парировал Брео. – Они проводят жизнь так же безнадежно и бесцельно, как любой другой. Им так же некуда податься, как нам с тобой».

«Ты слышал об Эмпирейской Башне?»

«Слышал – хотя никогда там не был. Это какое-то чудовищных размеров здание далеко отсюда, на Прибрежных Лугах».

«Верно. Небоскреб почти пять километров высотой. Кто-то от души развлекается. Проектирует этаж за этажом и надстраивает их все выше и выше».

«Мир населяют миллиарды людей, – пожал плечами Брео. – А Эмпирейская Башня одна».

«Но какой бы это был мир, если бы в нем не было крайностей и преувеличений? – упорствовал Дитмар. – Пыльное, затхлое убежище вроде внутренности картотечного шкафа. Вдохни здешний воздух! Он пахнет богатством, цивилизацией, традициями!»

Марио удивленно покосился на Дитмара – язвительного мрачного Дитмара; казалось бы, тот больше других должен был презирать нелепые причуды элиты.

Джаннивер спокойно сказал: «Мне нравится сюда заходить. Это само по себе нечто вроде приключения, возможность мельком взглянуть на другой мир».

Брео фыркнул: «Здесь только миллионер может позволить себе больше мимолетного взгляда».

«Уровень жизни населения, в целом и в общем, постоянно повышается, – задумчиво произнес Марио. – И в то же время число миллионеров уменьшается. Нравится это нам или

нет, крайности и преувеличения, свойственные разным слоям общества, сближаются. По сути дела, они уже почти срослись».

«И с каждым днем жизнь все больше напоминает миску питательной, но безвкусной и недосоленной баланды, – возразил Дитмар. – Давайте, валяйте! Пусть больше не будет бедности, но сохраните богачей как любопытный пережиток прошлого... Кстати, мы сюда пришли, чтобы навестить Заэра, а не спорить о социальных проблемах. Предлагаю завалиться к нему вместе, одновременно».

Они подошли к конторке вестибюля. Регистратор – статный седовласый субъект с суровой физиономией – вежливо поклонился.

«Господин Заэр у себя?» – поинтересовался Дитмар.

«Я позвоню ему в номер, сударь». Через несколько секунд регистратор сказал: «Нет, сударь, он не отвечает. Следует ли мне вызвать его, пользуясь системой оповещения?»

«Нет, – сказал Дитмар. – Мы немного подождем, прогуляемся».

«Насколько я помню, примерно час тому назад господин Заэр прошел через вестибюль, направляясь к залу „Мауна-Хива“. Может быть, он все еще там».

«Благодарю вас».

В центре круглого зала «Мауна-Хива» возвышалась груда выветренной скальной породы, сплошь поросшая пальмами, папоротниками и сплетениями экзотических лиан. Три кокосовые пальмы клонились наружу по краям этого зеленого островка; просторное помещение озарял мягкий водянисто-белый свет. Под «скалой» находился бар, сооруженный из навощенных панелей тропических пород дерева, а дальше, по не столь навязчиво освещенному периметру зала, кольцом выстроились столы.

Прятели сразу заметили Заэра. Он сидел в компании темноволосой женщины, закутанной в изумрудно-зеленый шелк. На столе перед ними перемещались разноцветные светящиеся фигурки – они искрились и вспыхивали, как калейдоскопические узоры, вырезанные из крыльев бабочек – трехмерный миниатюрный балет в голографической проекции. Маленькие балерины прыгали, танцевали и застывали в грациозных позах под чарующую музыку на великолепной сцене с итальянскими кипарисами и обломками мраморных колонн.

Несколько секунд четыре приятеля стояли в стороне, с презрительным осуждением наблюдая за происходящим.

Брео подтолкнул локтем Марио: «Черт побери, он ведет себя так, будто провел здесь всю жизнь!»

Дитмар подошел к столу; молодая женщина подняла к нему непроницаемые миндалевидные глаза. Заэр тоже обратил на Дитмара непонимающий взгляд.

«Привет, Заэр! – сказал Дитмар; его губы кривились язвительной усмешкой. – Забыл старых друзей с Оксфордской террасы?»

Заэр продолжал недоуменно смотреть на него: «Прошу прощения?»

«Надо полагать, ты нас не знаешь?» – спросил Брео, задирая длинный нос и глядя на Заэра свысока.

Заэр пригладил ладонью черные кудри: «Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого, господа».

«Хмф! – Брео пожал плечами. – Объяснимся откровенно. Ты – Пит Заэр, не так ли?»

«Да, так меня зовут».

Джаннивер вмешался: «Возможно, ты предпочитаешь поговорить с нами наедине?»

Заэр моргнул: «Зачем же? Говорите все, что хотите сказать».

«Слышал когда-нибудь о заведении под названием „Шато д'Иф“?» – ядовито поинтересовался Брео.

«И о восьми тысячах долларов? – прибавил Дитмар. – О „совместном капиталовложении“, если это можно так назвать?»

Заэр нахмурился – Марио мог поклясться, что выражение полного замешательства на его лице было вполне искренним.

«Вы считаете, что я задолжал вам восемь тысяч?»

«Вот именно – если не сможешь предоставить информацию, оправдывающую наши затраты».

Заэр пожал плечами: «Восемь тысяч?» Он вынул из-за пазухи пачку банкнот, подсчитал: «Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Вот ваши деньги, господа. Понятия не имею, когда и за что я вам оказался должен. Может быть, я был пьян». Заэр вложил деньги в застывшую руку Дитмара: «Так или иначе, теперь ваши интересы удовлетворены, и я надеюсь, что вы будете так любезны и оставите нас в покое, – он указал на маленькие фигурки, исполнявшие сложные па и пируэты под восхитительную музыку. – Мы уже пропустили „Молитвенный танец“, хотя включили проектор именно для того, чтобы на него полюбоваться».

«Заэр!» – хрипловатым от волнения голосом позвал его Марио. Знакомые шаловливые глаза обратились к нему.

«Да?» – вежливо отозвался Заэр.

«И это весь отчет? В конце концов, мы действовали добросовестно, по взаимному согласию».

Заэр смерил Марио ледяным взглядом: «Вы получили восемь тысяч. Не имею представления, кто вы такие – вы свалились мне на голову без предупреждения. Вы заявили, что я вам задолжал – я выплатил долг. На мой взгляд, этого более чем достаточно».

Брео потянул Марио за локоть: «Пойдем отсюда».

III

Они сидели за столом в простонародной таверне и угрюмо глотали пиво. Некоторое время ни один из них ничего не говорил. Четыре молчаливые фигуры: высокий, сильный Джаннивер с грубоватым лицом, волосами прибалта, африканским характером и восточной сдержанностью; длинноносый Брео с проворными глазами и черными бровями; Дитмар, ироничный, с кожей оттенка осенних листьев и большой печенью; Марио – во всех отношениях нормальный, скромный и приятный.

Марио нарушил тишину раньше других: «Если такое можно купить в „Шато д'Иф“ за восемь тысяч, я не прочь попробовать».

«Если!» – лаконично отозвался Брео.

«Все это не поддается пониманию!» – прорычал Джаннивер. В эмоциональном отношении Джаннивер воспринимал происходящее спокойнее других, но нарушение соответствия и порядка вещей, пожалуй, возмущало его больше всех.

Брео ударил кулаком по столу – не слишком сильно, но яростно: «Да это просто чепуха какая-то! Это противоречит всякой логике!»

«Твоей логике», – поправил его Дитмар.

Брео наклонил голову набок: «А у тебя какая-то другая логика?»

«У меня нет никакой логики».

«Я продолжаю утверждать, что „Шато д'Иф“ – *деловое предприятие*, – сказал Брео. – Учитывая стоимость их услуг, я ожидал, что это жулики, намеренные быстро сорвать куш и смыться. По всей видимости, я ошибся. Всего лишь месяц тому назад у Заэра не было никаких денег. Или почти никаких. Мы вручили ему восемь тысяч долларов. Он явился в „Шато д'Иф“, вернулся оттуда, снял апартаменты в отеле „Атлантик-Эмпайр“, купил роскошную подругу и раскидывается деньгами так, будто у него их куры не клюют! Не вижу, каким образом такое предприятие извлекает прибыль».

«Кое-кто платит им по десять миллионов долларов с носа, – тихо возразил Марио. – Надо полагать, это позволяет снимать какие-то сливки».

Дитмар выпил полкружки пива: «И что теперь? Хотите снова бросить жребий?»

Никто не ответил сразу. В конце концов Брео сказал: «Честно говоря, я боюсь».

Марио поднял брови: «Даже так? Ты своими глазами видел, как чудесно разбогател Заэр!»

«Странно! – размышлял вслух Брео. – Перед тем, как отправиться в это заведение, он называл себя одним из тех выпускников системы образования, кому суждено просиять в небе подобно метеору, но еще не дождавшихся своего часа. Теперь, наверное, окажется, что Заэр – как раз такой непризнанный гений, получивший признание».

«Если „Шато д'Иф“ превращает непризнанных гениев в толстосумов, меня вполне устроил бы такой результат».

«Если!» – усмехнулся Брео.

«Если», – спокойно согласился Марио.

Дитмар отозвался сухим смешком: «У меня в кармане восемь тысяч долларов. Наш совместный капитал. На мой взгляд, эти деньги принадлежат любому, кто решится последовать примеру Заэра».

Брео и Джаннивер пожали плечами – они не возражали, но и не проявляли энтузиазма.

Марио размышлял о такой возможности. Он вел беспечную, бесполезную жизнь. Притворялся, что готовится стать архитектором, играл в мяч, ел и спал. Приятное, но бессмысленное существование. Марио поднялся на ноги: «Я туда пойду, сию минуту. Давай сюда восемь тысяч, пока я не передумал».

«Возьми! – Дитмар протянул ему деньги. – Тем не менее... Вопреки тому, что сделал Заэр, мы хотели бы выслушать отчет. Будем ждать по вторникам и пятницам, в три часа дня, на Оксфордской террасе».

Начинало вечереть. Марио весело махнул рукой на прощание: «По вторникам и пятницам в три. Скоро увидимся!»

Дитмар покачал головой: «Сомневаюсь».

Брео поджал губы: «Я тоже сомневаюсь».

Джаннивер только покачал головой.

* * *

Эксмур-авеню начиналась на четвертом уровне в Ланчестере, напротив «Пауэр-банка», поворачивала на север, быстро поднималась на пятый уровень, затем пересекала Континентальное шоссе, поворачивала снова на запад, полого ныряла под бульвар Гримшо и, продолжая спускаться, выходила на поверхность в районе Прибрежных Лугов.

Марио нашел дом №5600 по Эксмур-авеню – серую бетонную «коробку», не то что бы обветшалую, но очевидно не служившую объектом чьей-то привязанности. Тонкая полоска местами облысевшего газона с живой изгородью отделяла здание от дороги; асфальтированная дорожка вела к небольшому выступу крыльца.

Почти горизонтальные лучи вечернего солнца светили Марио в спину; он взошел на крыльцо и нажал кнопку звонка.

Прошло несколько секунд – дверь сдвинулась в сторону, открылся короткий коридор. «Пожалуйста, заходите!» – тихо произнес механический голос автоответчика.

Марио вступил в коридор, прекрасно понимая, что в этот момент его просвечивали сканирующим излучением в поиске оружия и прочих металлических предметов. Коридор вел в приемную с зеленым и коричневым интерьером. Там стояли кожаный диван и стол; на стене висела картина, изображавшая трех стройных обнаженных красавиц с широко открытыми глазами, на фоне темного леса. Распахнулась внутренняя дверь – вошла молодая женщина.

Марио плотно сжал губы. Уже один взгляд на эту девушку стал своего рода приключением. Она была потрясающе красива, и красота ее тем больше впечатляла, чем дольше он ее разглядывал. Хрупкая, изящная, с холодными ясными глазами и решительными, но не слишком выступающими скулами и подбородком, она была красива сама по себе, без украшений, без косметики, без притворства, красива словно вопреки самой себе – как если бы она сожалела о своей чудесной привлекательности. Марио почувствовал прохладное безразличие ее взгляда, отчужденное недружелюбие. Свойственное любому человеку неприятие неприязни возбудило в нем желание разбить ледяную стену равнодушия, воспламенить какую-нибудь страсть – пусть даже ненависть... Марио подавил в себе этот позыв. Он пришел сюда по делу, только и всего.

«Как вас зовут?» – у нее был тихий, чуть хриловатый голос, напоминавший о драгоценном дереве тонкой текстуры, причем интонации ее произношения казались странными, в чем-то несогласованными.

«Роланд Марио».

Секретарша заполняла бланк: «Возраст?»

«Двадцать девять лет».

«Профессия?»

«Архитектор».

«По какому вопросу вы к нам обратились?»

«Это „Шато д'Иф“, я не ошибся?»

«Вы не ошиблись», – она ждала дальнейших разъяснений.

«Я – ваш клиент».

«Кто вас рекомендовал?»

«Никто. Я – приятель Пита Заэра. Он обращался к вам недели две тому назад».

Регистраторша кивнула, заполнила графу.

«Возникает впечатление, что Заэр не сожалеет о своем визите», – шутливо заметил Марио.

Секретарша ничего не ответила – она заполняла бланк. Закончив, она сказала: «Это коммерческое предприятие, а не бесприбыльная организация. Мы заинтересованы в оплате. Сколько вы можете себе позволить?»

«Хотел бы знать, что именно вы предлагаете в продажу».

«Приключение», – она произнесла это слово без всякого выражения, обыденным тоном.

«А! – кивнул Марио. – Понятно... Любопытства ради, не могли бы вы поделиться своими впечатлениями от работы в этом заведении? Ваша жизнь полна приключений? Или вы скучаете, как любая другая секретарша?»

Регистраторша бросила на него быстрый колющий взгляд: «Мы предлагаем услуги двух категорий. Стоимость услуг первой категории – десять миллионов долларов. Что очень дешево, учитывая характер услуг, но в каком-то смысле это не столь поразительное и не столь волнующее приключение по сравнению с услугами второй категории, хотя клиент высшего уровня может в какой-то мере контролировать ситуацию. Услуги второго уровня предлагаются за десять тысяч долларов. Именно эти услуги приводят к самым волнующим переживаниям, хотя в этом случае клиент практически не может контролировать происходящее – по меньшей мере непосредственно».

Марио задумался над словом «непосредственно». Он спросил: «Надо полагать, вы уже пользовались услугами вашего заведения?»

И снова она бросила на него быстрый холодный взгляд: «Не хотели бы вы указать, какую сумму вы готовы потратить?»

«Я задал вопрос – вы не ответили», – напомнил Марио.

«Дальнейшие сведения вам сообщат впоследствии».

«Вы, случайно, не автомат? – полюбопытствовал Марио. – Вы дышите?»

«Не хотели бы вы указать, какую сумму вы готовы потратить?»

Марио пожал плечами: «У меня с собой восемь тысяч долларов». Он поджал губы: «И я заплачу еще тысячу, если вы покажете язык».

Регистраторша опустила заполненный бланк в прорезь стола и поднялась на ноги: «Будьте добры, следуйте за мной».

* * *

Она провела его через внутреннюю дверь в коридор, а затем в небольшую комнату, почти пустую и лишенную украшений, освещенную единственным торшером с коническим колпаком, обращенным к потолку; стены были выкрашены в белый, серый и зеленый цвета. За столом сидел человек, стучавший по клавиатуре компьютера. У него за спиной стоял картотечный шкаф. В воздухе чувствовался слабый, но отчетливый запах, напоминавший о мяте и жасмине, но с медицинским антисептическим привкусом.

Человек поднял глаза, встал и вежливо кивнул. Молодой блондин с волосами светло-песчаного оттенка, он был так же поразительно красив, как девушка-регистраторша. В голове Марио сформировалось расплывчатое подозрение. В каждом отдельном случае красота работников предприятия «Шато д'Иф» производила более или менее естественное впечатление. Вместе взятые, однако, они скорее не привлекали, а отталкивали – так, словно красота была имуществом, дорогостоящим приобретением. Она казалась напускной и вульгарной. Марио внезапно ощутил затаенную гордость – он гордился обыкновенностью.

Молодой человек был на полголовы выше Марио. В его широкой ровной груди угадывались крепкие жилы и сильные мышцы. Несмотря на почти чрезмерную, показную вежливость, он производил впечатление исключительно уверенной в себе, подавляющей своей волей личности.

«Господин Роланд Марио», – представила клиента девушка. И сухо прибавила: «У него с собой восемь тысяч долларов».

Молодой человек снова серьезно кивнул и протянул руку: «Меня зовут Мервин Аллен». Взглянув на девушку, он спросил: «Это все, Тэйна?»

«На сегодня все». Секретарша ушла.

«Восемь тысяч погоды не делают, – проворчал Мервин Аллен. – Садитесь, господин Марио».

Марио сел. «Надо полагать, продажа приключений связана с большими издержками», – заметил он, натянуто улыбнувшись.

«О нет! – искренние глаза Аллена широко открылись. – Это прибыльный бизнес. Но жадность операторов просто невероятна. Они считают, что мы должны делать, в среднем, двадцать миллионов в день. Иногда нам не удастся собрать такую сумму».

«Прошу прощения за то, что причинил вам беспокойство из-за каких-то жалких грошей, – сказал Марио. – Если вам не нужны мои восемь тысяч, я их потрачу на что-нибудь другое».

Аллен великодушно развел руками: «Как вам угодно».

Марио продолжал: «Секретарша поведала мне, что за десять миллионов я мог бы приобрести наименее интересные услуги, а за десять тысяч – нечто действительно потрясающее. То есть, если я вообще ничего не заплачу, меня подвергнут вивисекции без анестезии?»

Аллен улыбнулся: «Нет. У нас вы в полной безопасности. То есть, никакой физической боли вы не испытаете, и вашей жизни ничто не угрожает».

«Но вы не можете сообщить никаких подробностей? В конце концов, я человек брезгливый. То, что вы считаете забавной шуткой, может вызвать у меня существенное раздражение».

Марвин Аллен безразлично пожал плечами: «Вы еще ничего не потратили и можете уйти, если вас не устраивает наше обслуживание».

Марио провел ладонями по ручкам кресла: «Это не совсем справедливо. Меня интересуют ваши услуги, но я хотел бы знать, хотя бы в общих чертах, в чем они заключаются».

Аллен кивнул: «Понятное желание. Вы не прочь рискнуть, но вы не последний дурак. Не так ли?»

«Совершенно верно».

Аллен привел в вертикальное положение лежавший на столе карандаш: «Прежде всего я хотел бы подвергнуть вас непродолжительному психиатрическому и медицинскому обследованию. Само собой, – он бросил на Марио откровенный взгляд ясных глаз, – мы не желаем, чтобы в „Шато д'Иф“ имели место несчастные случаи».

«Продолжайте», – сказал Марио.

Аллен выдвинул верхний ящик стола и передал Марио шапочку из морщинистого гибкого пластика, на которой блестели тонкие электроды: «Это шлем для регистрации энцефалограммы. Пожалуйста, плотно наденьте его на голову».

Марио усмехнулся: «Другими словами, детектор лжи».

Аллен мимолетно улыбнулся: «Пусть так – детектор лжи».

«Хотел бы я надеть эту штуку на вашу голову», – пробормотал Марио.

Аллен проигнорировал его замечание, вынул пачку распечатанных форм и отрегулировал верньер на панели под экраном компьютера: «Имя, фамилия?»

«Роланд Марио».

«Возраст?»

«Двадцать восемь лет».

Аллен уставился на индикатор, нахмурился, вопросительно поднял глаза.

«Хотел проверить, работает ли ваш детектор, – пояснил Марио. – Мне двадцать девять лет».

«Детектор работает, – обронил Аллен. – Профессия?»

«Архитектор. По меньшей мере, я пытаюсь заниматься архитектурой – сколачиваю собачьи конуры и клетки для кроликов по просьбе друзей и знакомых. Кроме того, в прошлом году я спроектировал завод корпорации „Гераф Флитер“ в Ганновере. Это был существенный заказ».

«Гм. Где вы родились?»

«В Буэнос-Айресе».

«Вы когда-нибудь работали государственным служащим? В полиции? В административной должности? В АПП?»

«Нет».

«Почему нет?»

«Бюрократические препоны. Не выношу бюрократию».

«Ближайшие родственники?»

«У меня есть брат, Артур Марио. Он поставляет кофе из Кальяо».

«Вы не женаты?»

«Не женат».

«Какова примерная стоимость ваших активов? Финансов, движимого и недвижимого имущества?»

«О, что-то вроде шестидесяти или семидесяти тысяч. На жизнь хватает, если не позволять себе ничего лишнего. Другими словами, я могу бездельничать, пока не сдохну от скуки».

«Почему вы решили обратиться в „Шато д'Иф“?»

«По той же причине, по которой к вам приходит любой другой. От скуки. От избытка нерастраченной энергии. От невозможности посвятить себя какому-нибудь делу, бороться с чем-нибудь».

Аллен рассмеялся: «Так что, по-вашему, мы поможем вам избавиться в какой-то мере от нерастраченной энергии?»

Марио бледно улыбнулся: «Хотелось бы надеяться».

«Мы предлагаем доброкачественные, полезные услуги, – доверительно сообщил Мервин Аллен. – Удивительно, что раньше никто этим не занимался».

«Возможно, вы правы».

«Но как вы решили обратиться в „Шато д'Иф“?»

«Нас было пять приятелей. Мы бросили кости. Человек по имени Пит Заэр проиграл. Он к вам приходил. Мы его нашли, но он больше не хочет с нами разговаривать».

Аллен понимающе кивнул: «Нам приходится просить клиентов не раскрывать наш секрет. Если бы не было секрета, у нас не было бы клиентов».

«Надеюсь, ваша тайна оправдает, по меньшей мере, затраты времени на все эти приготовления», – сказал Марио. Произнося эти слова, он заметил в глазах Мервина Аллена искорку юмора.

«То, что наши клиенты приобретают за десять миллионов, на самом деле невозможно купить ни за какие деньги».

«Но при этом десять тысяч – слишком высокая цена?» – спросил Марио.

Аллен откинулся на спинку кресла – его красивое лицо стало холодным, как мраморная маска. Марио невольно вспомнил о девушке в приемной. На ее лице было точно такое же выражение недостижимого отчуждения и высокомерия. Марио предположил: «Скорее всего, вам задает такой вопрос каждый, кто сюда приходит».

«Конечно».

«Что ж, какие еще формальности могут потребоваться?»

«Вы здоровы? У вас есть какие-нибудь врожденные дефекты?»

«Нет у меня никаких дефектов».

«Очень хорошо. Думаю, мы можем пренебречь медицинским обследованием».

Марио снял с головы шлем для регистрации энцефалограммы: «Теперь я снова могу врать».

Аллен постучал пальцами по столу, наклонился, взял у Марио шапочку с электродами и засунул ее обратно в ящик стола, после чего подписал какой-то лист бумаги и небрежно протянул его Марио: «Контракт, освобождающий нас от ответственности».

Марио прочел текст контракта. Соглашаясь пользоваться услугами, Роланд Марио соглашался с тем, что предприятие «Шато д'Иф» и его владельцы не несли ответственности за какие-либо травмы, физические и психические, которые могли быть нанесены ему в ходе его пребывания в помещениях предприятия или в результате такого пребывания. Кроме того, он отказывался от любых и всех прав на преследование предприятия по суду. Любые и все процедуры, операции, эксперименты и действия, которым он мог подвергнуться, осуществлялись с его разрешения и в соответствии с его недвусмысленными указаниями.

Марио положил документ на стол и прикусил губу – он сомневался: «Вы ставите жесткие условия. Получается, что вы можете делать со мной все, что угодно, и при этом обещаете только не убивать меня за мои же деньги».

«Совершенно верно», – отозвался Аллен.

«Зловещий контракт».

«Возможно, само обсуждение возможности пользоваться нашими услугами стало для вас достаточным приключением», – слегка презрительно предположил Аллен.

Марио поджал губы: «Мне нравятся приятные приключения. Кошмар – тоже приключение, но мне не нравятся кошмары».

«Кому они нравятся?»

«Другими словами, вы мне ничего не расскажете?»

«Ничего».

«Если бы я обладал хоть толикой здравого смысла, – сказал Марио, – я сейчас же поднялся бы на ноги и ушел отсюда».

«Вам ничто не мешает это сделать».

«Каким образом вы используете выручку?»

Мервин Аллен расслабился в кресле и заложил руки за голову: «Мы строим Эмпирейскую Башню. Это ни для кого не секрет».

Но Марио удивился. Эмпирейская Башня была самым гигантским, самым массивным, самым высоким и самым великолепным сооружением, созданным или даже спроектированным человеком – она пронзала небо, она тянулась к звездам шпилем высотой в пять километров.

«Могу ли я поинтересоваться, зачем вы строите Эмпирейскую Башню?»

Аллен вздохнул: «По той же причине, по которой вы обратились в „Шато д'Иф“. От скуки. И не советуйте мне пользоваться моими собственными услугами».

«Но вы ими пользовались?»

Аллен внимательно прищурился: «Да. Пользовался. Вы задаете много вопросов. Слишком много. Перед вами контракт. Подпишите его или порвите его. Я больше не могу тратить время зря».

«Прежде всего, – терпеливо отозвался Марио, – вам придется объяснить хотя бы в общих чертах, какого рода „приключение“ мне предстоит пережить».

«Это не преступление, – ответил Аллен. – Скажем так: мы предоставим вам возможность взглянуть на мир с новой точки зрения».

«Искусственная амнезия?» – спросил Марио, вспомнив поведение Заэра.

«Нет. Ваша память останется неповрежденной. Вот контракт, – Аллен снова подвинул документ к Марио. – Подпишите его или порвите его».

Марио подписал контракт: «Прекрасно понимаю, что сваял дурака. Вам действительно нужны мои восемь тысяч долларов?»

«Мы не работаем бесплатно, – сухо ответил Аллен. – Если вы можете расстаться с этими деньгами, они нам пригодятся».

Марио отсчитал ему восемь банкнот достоинством в тысячу долларов каждая: «Вот, возьмите».

Мервин Аллен взял тонкую пачку денег, постучал ею по столу и задумчиво взглянул собеседнику в лицо: «Как правило, наших клиентов можно подразделить на три группы: безрассудных молодых людей, только что вышедших из подросткового возраста, уставших от жизни стариков, ищущих новых порочных наслаждений, и полицейских шпионов. Вы не подходите ни к одному из этих определений».

Марио пожал плечами: «Я – нечто среднее между двумя первыми категориями: достаточно безрассудный человек, уставший от жизни в двадцать девять лет».

Аллен мимолетно улыбнулся – вежливо – и поднялся на ноги: «Будьте добры, следуйте за мной».

За ним в стене раздвинулась панель; новый проход вел в помещение, озаренное прохладным светом соломенного оттенка. Здесь бросалась в глаза буйная растительность, доходившая примерно до пояса – широколистные тропические выюнки, хрупкие папоротники, фантастические игольчатые грибы, чуть дрожащие пучки острой травы оттенка ацтекского нефрита. Марио заметил, что Аллен сделал глубокий вдох перед тем, как заходить в оранжевую, но не обратил на это особого внимания. Он прошел вслед за ним, глядя по сторонам и восхищаясь миниатюрными искусственными джунглями. Воздух был насыщен отчетливым «антисептическим» запахом с примесью ароматов мяты и жасмина – жгучим, опьяняющим. Марио моргнул. Глаза его начали слезиться, зрение помутнело. Он остановился, пошатнулся. Аллен обернулся, наблюдая за ним с холодной полуулыбкой – как если бы перед ним был привычный, но все еще забавлявший его спектакль. Марио больше ничего не видел, в ушах у него звенело – звон стал прерываться хлопками и затих, все поплыло и закружилось, исчезло ощущение времени...

IV

Марио очнулся.

Пробуждение было четким и внезапным – не таким, как постепенное высвобождение из тумана, навязанного наркотиком или снотворным средством.

Он сидел на скамье в Танагра-сквере под раскидистой мимозой и бросал хлебные крошки павлинам с отливающими медью перьями.

Марио взглянул на свою руку. У него была жирная, пухлая ладонь. Предплечье было обтянуто жестким серым рукавом. Марио никогда не носил серых костюмов. Кроме того, рука была короткая. У него были короткие ноги и большой, выпяченный живот. Марио облизал губы – губы оказались мясистыми, толстыми.

В уме оставался Роланд Марио, но ум этот жил в теле другого человека. Марио сидел, не шевелясь.

Павлины клевали хлебные крошки. Марио отшвырнул кусок хлеба. При этом он почувствовал, что рука словно одеревенела, стала неожиданно тяжелой. Дряблые мышцы не хотели слушаться. Крякнув, Марио с трудом поднялся на ноги. Вялое тело сопротивлялось движению. Марио провел ладонью по лицу и нащупал короткий бугристый нос, длинные уши, пухлые щеки, напоминавшие обвисшие мешочки, наполненные холодным клеем. Кроме того, он был лыс, как рыбе брюхо.

Кому принадлежало это тело? Марио моргнул – у него закружилась голова, мозг не справлялся с замешательством. Марио пошатывался то в одну, то в другую сторону, как человек, пытающийся придать устойчивость каноэ, готовому перевернуться и сбросить его в темную воду. Он прислонился к стволу мимозы. Осторожно, спокойно! Нужно сосредоточиться! То, что с ним сделали, несомненно, не было безвозвратно – он мог вернуться в свое тело тем же способом. Или это состояние могло постепенно пройти, выветриться. Может быть, он спал и переживал необычно правдоподобный эпизод наркотической фантазии? Приключение? Ха! Мягко говоря!

Марио пошарил по карманам и нашел сложенный вчетверо листок бумаги. Он раскрыл его и снова присел на скамью, чтобы прочесть напечатанный текст. Первая фраза – предупреждение – была выделена заглавными буквами:

«ЭТА ЗАПИСКА ПРЕВРАТИТСЯ В ПЫЛЬ ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ; ХОРОШО ЗАПОМНИТЕ СЛЕДУЮЩЕЕ.

Вы начинаете ту жизнь, за которую заплатили. Вас зовут Ралстон Эбери. Вам 56 лет. Вы женаты на Флоренс Эбери, ей 50 лет. Вы живете в доме №19 комплекса «Морская Пена». У Вас трое детей: Лютер (25 лет), Ралстон-младший (23 года) и Клайдия (19 лет).

Вы – богатый предприниматель, владелец компании «Аэромобили Эбери». У Вас открыт счет в Африканском Федеральном банке; чековая книжка у Вас в кармане. Подписываясь, старайтесь делать это бессознательно; привычные сокращения мышц позволяют Вам успешно имитировать подпись Ралстона Эбери.

Если Вам не нравится форма, которую Вы приобрели, Вы можете вернуться в «Шато д'Иф». За десять тысяч долларов Вы можете приобрести другое тело по своему выбору; за десять миллионов долларов Вы можете приобрести молодое здоровое тело, соответствующее указанным Вами характеристикам.

Пожалуйста, не обращайтесь в полицию. Прежде всего, Вам не поверят, Вас примут за сумасшедшего. Во-вторых, если полиция успешно воспрепятствует деятельности «Шато д'Иф», Вы навсегда останетесь в теле Ралстона Эбери – независимо от того, привлекает ли Вас такая перспектива. В-третьих, владелец тела Роланда Марио будет настаивать на юридическом подтверждении его личности в качестве Роланда Марио.

Учитывая открывающиеся перед Вами коммерческие перспективы, Вы вполне можете накопить десять миллионов долларов за оставшиеся годы жизни. Когда у Вас будет эта сумма, вернитесь в «Шато д'Иф», и Вы получите молодое, здоровое тело.

Мы выполнили свои обязательства. Вы переживаете настоящее приключение. Изобретательность и навыки позволят Вам присоединиться к избранной группе бессмертных, вечно молодых людей».

Марио прочел этот текст еще раз. Как только он закончил, записка распалась у него в пальцах и развеялась пылью. Откинувшись на спинку скамьи, Марио чувствовал тошноту, подступавшую к горлу подобно лифту, поднимающемуся в шахте. Пребывание в теле другого человека – особенно такого жирного и неопрятного человека – представлялась ему самой отвратительной разновидностью близости из всех доступных воображению. При всем при том ему хотелось есть – но Марио злорадно решил, назло ненавистному новому вместилищу своего ума, что телу Ралстона Эбери придется поголодать.

Ралстон Эбери! Имя казалось знакомым. Приобрел ли Ралстон Эбери прежнее тело Роланда Марио? Вполне возможно. Но не обязательно. Марио не имел никакого представления о принципе фантастического «переселения душ». Судя по всему, оно не осуществлялось хирургическим путем – Марио не обнаружил на новом теле никаких шрамов или швов.

Что теперь делать?

Марио мог подать жалобу в АПП. Но даже если бы ему удалось убедить полицию в достоверности своих показаний, какие-либо юридические средства установления его личности отсутствовали. Насколько ему было известно, никто из работников «Шато д'Иф» не совершил по отношению к нему никаких преступлений. У него не было даже достаточных оснований обвинять кого-либо в оскорблении действием, так как он подписал обязательство не преследовать владельцев «Шато д'Иф» по суду.

Обратиться за помощью в редакции газет, в телевизионные компании? Допустим, опубликование скандальных сведений заставило бы Мервина Аллена закрыть «Шато д'Иф» – и что потом? Аллен мог открыть такое же предприятие под другим наименованием в любом другом месте – и Марио никогда не позволили бы вернуться за своим собственным телом.

Он мог последовать рекомендациям автора превратившейся в прах записки. Несомненно, у Эбери были связи с влиятельными финансистами и политиками, а также большое состояние. Или у него не осталось состояния? Скорее всего, Эбери ликвидировал большинство активов – не только для того, чтобы заплатить десять миллионов владельцам «Шато д'Иф», но и для того, чтобы обеспечить новое тело достаточным запасом денег!

Марио оценил возможность принуждения. Могли существовать какие-то способы заставить тех, кто над ним надругался, вернуть ему прежнее тело. Полезно было бы заручиться чьей-то помощью. Обратиться к Дитмару, Джанниверу, Брею? Так или иначе, он обещал представить им отчет.

Марио снова поднялся на ноги. Трудно было предположить, что Мервин Аллен не позаботился обезопасить себя заранее. Несомненно, он понимал, что насилие и месть сразу придут в голову молодому и здоровому человеку, которого заключили в пожилое больное тело. Несомненно, он принял меры предосторожности, предохранявшие его от очевидных попыток принуждения.

Мысли кипели, пульсировали и вертелись вихрем, как разноцветные краски, смешанные в ведре. У Марио снова закружилась голова, в ушах зазвенело. Если это сон – когда он кончится? Марио опустился на скамью, задыхаясь и пыхтя, беспомощно шевеля непослушными руками. Рядом остановился патрульный полицейский – его вызвал сигнал видеокамеры, автоматически предупреждавшей о необычных инцидентах: «Что случилось, сударь? Вам плохо?»

«Нет, нет! – откликнулся Марио. – Я в полном порядке. Просто задремал, что-то приснилось».

Марио встал, вышел на Полосу Хореопса, миновал центральный фонтан, выложенный прозрачным кварцем с вкраплениями золотистой слюды, повернул за Малабарский павильон и поплелся под развесистыми старыми лаврами вдоль Кесселин-авеню. Он медленно, тяжело прошлепал между лавками оптовых торговцев цветами, уже на берегу Тихого океана поднялся на лифте к третьему уровню и выступил на скоростную движущуюся ленту, соединявшую Большой Пешеходный проспект с Променадом.

Он двигался бессознательно, автоматически, как если бы его тело самостоятельно выбирало путь, поворачивая то направо, то налево. Теперь он сошел с ползущей ленты у основания Эфирийского Комплекса. Ралстон Эбери содержал свое дряблое пухлое тело в непригодном к нагрузкам состоянии. И Марио снова ощутил злорадное торжество при мысли о том, как потная, пыхтящая, задыхающаяся, голодающая туша Ралстона Эбери будет сбрасывать вес под его, Марио, безжалостным руководством.

Внезапно ему преградила путь – почти вплотную – искаженная злобой, оскалившая зубы физиономия с острыми черными зрачками, напоминавшими наконечники ядовитых дротиков обитателей джунглей Мазумбве. Физиономия эта принадлежала моложавому старику – не морщинистому, но седому, и отличалась невинно-мудрым выражением, искаженным извержением давно ожидавшей выхода ненависти. Челюстные мышцы моложавого старика напряглись, как веревки – он рывкнул сквозь сжатые зубы: «Грязный ублюдок, мешок ворованного дерьма! Ты все еще жив? Ты пропитан ядом, ты воняешь! Противно тебя убивать – но придется испачкать руки!»

Марио отступил на пару шагов: он не знал этого человека. «Прошу прощения. Вы приняли меня за кого-то другого», – проговорил он прежде, чем ему пришло в голову, что теперь ему предстояло нести ответственность за проступки Ралстона Эбери.

На плечо моложавого старика легла чья-то ладонь. Прозвучал строгий голос: «Пошел вон, Арнольд! Прочь, уноси ноги, пока не поздно!» Ненавистник отступил.

Избавитель повернулся к Марио – молодой щеголь с подвижным лукавым лицом. Щеголь с уважением кивнул: «Доброе утро, господин Эбери. Сожалею, что этот психопат причинил вам беспокойство».

«Доброе утро, – ответил Марио. – А... кто он такой?»

Молодой человек удивленно поднял брови: «Как же, это Арнольд. Он раньше у нас работал. Но вы его выгнали».

Марио ничего не понимал: «За что?»

Щеголь моргнул: «Откуда мне знать? За недостаточно высокую производительность, надо полагать».

«Ладно, неважно, – поспешил отмахнуться Марио. – Забудем об этом».

«Конечно. Разумеется. Вы идете к себе в управление?»

«Да, я... да, пожалуй». Кто был этот молодой человек? Марио подумал, что ему пора было подготовиться к частым столкновениям с незнакомцами, знакомыми с Ралстоном Эбери.

* * *

Они подходили к лифту. «После вас», – пригласил щеголя Марио. Бесконечное число подробностей, тысячи личных предпочтений и взаимоотношений, сложную структуру бизнеса Ралстона Эбери – все это нужно было узнать и запомнить. Осталось ли что-нибудь от бизнеса Эбери? Несомненно, Эбери постарался обчистить свое предприятие до последнего гроша, чтобы обеспечить деньгами новое тело. «Аэромобили Эбери» – крупный промышленный концерн; тем не менее, даже такой компании изъятие десяти миллионов долларов должно было нанести ощутимый урон. А этот молодой человек с хитрой физиономией – кто он такой? Марио решил получить ответ на этот вопрос косвенным путем.

«Посмотрим, посмотрим... Как давно вы получили последнее повышение?»

Молодой человек покосился на босса и тут же отвел глаза – он явно подозревал, что сегодня Эбери был не в себе: «Вы же знаете – я работаю помощником директора управления уже два года».

Марио кивнул. Они зашли в кабину лифта; молодой человек поспешил нажать кнопку. «Подхалим!» – подумал Марио. Двери закрылись; кабина стала стремительно ускоряться – но желудки всех людей давно привыкли к таким ощущениям. Лифт остановился, двери распахнулись; они вышли и оказались в шумной конторе, заполненной аппаратурой, хлопотливыми служащими и рядами телеэкранов. Суматоха и разговоры внезапно прекратились: в наступившей тишине все глаза сосредоточились на теле Ралстона Эбери. Все исподтишка следили за ним, притворяясь поглощенными работой, изображая преувеличенную старательность.

Марио остановился, оглядываясь по сторонам. Здесь он распоряжался, его окружали подчиненные. Это было очевидно. Никто на свете не посмел бы подвергнуть сомнению полномочия владельца компании – если только Ралстон Эбери не слишком поспешил, если алчность не заставила его оступиться, выжимая из предприятия десять миллионов с лишним. Что, если Эбери совершил подлог или какое-нибудь другое крупное мошенничество? В таком случае наказанию подвергли бы Роланда Марио в теле Эбери. Марио стал узником прошлого Ралстона Эбери. В недостатках Эбери будут упрекать его, Марио; ненависть, которую Эбери вызывал в людях, обрушится на голову Марио. Кроме того, он унаследовал супругу Эбери, его семью – и даже любовницу, если у него была таковая.

К нему приблизился приземистый человек среднего возраста, с выпуклыми разочарованными глазами и скорбно поджатыми губами, свидетельствовавшими о множестве несбывшихся или забытых надежд.

«Доброе утро, господин Эбери. Хорошо, что вы пришли. Несколько вопросов ожидают вашего решения, причем решить их могли бы только вы сами».

Марио внимательно присмотрелся к лицу этого субъекта. Послышалась ли ему саркастическая нотка в голосе коротышки? «Поговорим у меня в кабинете», – сказал Марио. Коротышка повернулся и направился в коридор. Марио последовал за ним, но по пути подозвал молодого помощника директора управления: «Пойдемте со мной».

На двери кабинета красовались чеканные серебряные буквы: «Ралстон Эбери». Марио приложил к пластинке замка большой палец правой руки – замок открылся, дверь отодвинулась. Марио медленно зашел в кабинет и нахмурился: вычурный интерьер вызвал у него отвращение. Эбери обожал украшения в стиле рококо. Усевшись за стол из полированного черного металла, владелец компании сказал помощнику директора: «Принесите мне личные дела персонала управления – записи, фотографии».

«Сию минуту».

Приземистый субъект пододвинул стул к черному столу: «К сожалению, должен заметить, господин Эбери, что, насколько я могу судить, вы поставили свой бизнес в сомнительное положение».

«Что вы имеете в виду?» – холодно спросил Марио – так, как сделал бы на его месте сам Эбери.

Коротышка фыркнул: «Что я имею в виду? Я имею в виду, что контракты, которые вы продали „Атласским воздушным судам“, были самыми выгодными сделками, когда-либо заключенными „Аэромобилями Эбери“. И вам это хорошо известно. В результате этой продажи мы понесли огромный ущерб». Коротышка вскочил на ноги и принялся расхаживать взад и вперед: «Откровенно говоря, господин Эбери, я не понимаю, почему вы приняли такое решение».

«Одну минуту, – прервал его Марио. – Дайте мне просмотреть почту». Просматривая письма, он таким образом тянул время, пока помощник директора не вернулся с картотечным ящиком.

«Благодарю вас, – кивнул ему Марио. – Пока что мне больше ничего не нужно».

Он стал просматривать карточки с фотографиями. Коротышка явно занимал в структуре компании влиятельное положение, одну из высших должностей. Его карточка скоро нашлась: Луис Корреанос, исполнительный консультант. Записи содержали большое количество информации – размер оклада, перечень членов семьи, возраст, краткую биографию – больше, чем можно было запомнить с первого взгляда. Марио отодвинул ящик. Кипящий возмущением Корреанос продолжал расхаживать по кабинету.

Задержавшись, консультант повернулся к Марио и бросил на него ядовитый взгляд: «Ваши действия невозможно объяснить недостатком информации. Вы просто сошли с ума! – Корреанос пожал плечами. – Я вам это говорю потому, что моя работа уже ничего для меня не значит. Компания не выдержит того удара, который вы ей нанесли. По меньшей мере, если она будет функционировать так, как вы хотите. Сначала вы настаивали на рекламе украшенных разноцветными гирляндами летающих тележек для развозки закусок, а потом продали наши единственные прибыльные контракты – и теперь нам больше ничего не поможет держаться на плаву».

Марио поразмышлял минуту-другую, после чего сказал: «На то были особые причины».

Корреанос снова приостановил непрерывное движение и раздраженно уставился на владельца предприятия.

«Как, по-вашему, мог бы я извлекать прибыль в нынешних обстоятельствах?» – спросил Марио.

Выпуклые глаза Корреаноса неподвижно округлились, губы плотно свернулись трубочкой: консультант думал. Через несколько минут он сказал: «Вы продали наш сталепрокатный завод фирме Джонса и Кахилла, а наш патент на стабилизатор полета – компании „Синяя птица“». Прищурившись, Корреанос вопросительно взглянул Марио в глаза: «Возникает впечатление, что вы делаете именно то, что поклялись никогда не делать. Вы хотите выпускать аэромобиль нового типа».

«Как вам нравится такая идея?» – спросил Марио с таким выражением, словно он знал нечто такое, о чем консультант не догадывался.

Луис Корреанос взволновался настолько, что стал слегка заикаться: «Что вы, господин Эбери, это же... это же просто невероятно! Вы спрашиваете *меня*, что я об этом думаю? Я – ваш холуй, лизоблюд! Вы мне платите за то, чтобы я во всем с вами соглашался. Я это знаю, вы это знаете, это всем известно!»

«Нельзя сказать, что сегодня вы хорошо исполняете роль соглашателя – заметил Марио. – Вы заявили, что я сошел с ума».

«Как вам сказать... – Корреанос замялся. – Я не угадал ваши намерения. А это именно то, что я хотел сделать давным-давно. Установить в машине новый мощный трансформатор, выбросить к чертовой матери все золоченые завитушки и финтифлюшки, использовать металлопласт вместо стали и, прежде всего и превыше всего – упростить, радикально упростить конструкцию...»

«Луис! – прервал его Марио. – Объявите, что начинается выпуск новой модели. Назначаю вас руководителем проекта. И поддерживаю вас во всем, что вы намерены сделать».

Лицо Луиса Корреанос осунулось, превратившись в подобие посмертной маски.

«Назначьте себе любой оклад, по вашему усмотрению, – продолжал Марио. – Я буду занят несколькими новыми проектами. Руководить компанией придется вам. С этой минуты вы – босс. Справитесь, как вы думаете?»

«Кончено, справлюсь».

«Делайте все по-своему. Предложите новую модель с такими высокими характеристиками, что с ней не смогут сравниться никакие летательные аппараты конкурентов. Я проверю происходящее на заключительном этапе, но до тех пор вы – босс. А теперь разберитесь с корреспонденцией, – Марио указал на почту, загромождавшую стол. – Отнесите все это в свой кабинет».

Охваченный внезапным порывом, Корреанос подскочил к Марио и пожал ему руку: «Сделаю все, что могу!» Он собрал бумаги со стола и удалился.

Марио наклонился к микрофону: «Свяжите меня с Африканским Федеральным банком... Алло? – на телеэкране появилось лицо банковской служащей. – С вами говорит Ралстон Эбери. Пожалуйста, проверьте баланс на моем личном счету».

Через несколько секунд служащая сообщила: «У вас на счету тысяча двести долларов, господин Эбери. На протяжении нескольких последних дней вы изъяли практически все свои финансовые средства».

«Благодарю вас!» – Марио выключил экран и откинул тяжеловесное тело Ралстона Эбери на спинку кресла; при этом раздалось громкое бурчание – пустота в желудке голодного Эбери давала о себе знать.

Марио ухмыльнулся – мрачно, неприязненно – и вызвал кафе, находившееся в том же здании: «Принесите мне сэндвич с рублеными маслинами, салат из сельдерея и стакан обезжиренного молока».

V

Во второй половине дня Марио осознал, что больше не может игнорировать неизбежную неприятность: ему предстояло познакомиться с семьей Ралстона Эбери. Домашняя жизнь Эбери не могла быть счастливой. Счастливый супруг и отец не бросил бы жену и детей, оставив их в распоряжении незнакомца. Так мог поступить человек ненавидящий, но не любящий.

На столе Эбери стояла фотография в рамке, но Ралстон отодвинул ее в дальний угол – так, чтобы она как можно реже попадалась на глаза, как если бы он ее терпеть не мог. Таким образом, Марио мог заранее оценить внешность жены и детей прежнего владельца своего тела. Флоренс Эбери – хрупкая женщина с узкой талией и тонкими руками и ногами, пышно и безвкусно одетая, выглядывала из-под полей исключительно нелепой шляпки; у нее на лице застыло недоуменное выражение, как у собачки, наряженной в кукольный костюм – она производила довольно-таки жалкое впечатление.

Лютер и Ралстон-младший оказались коренастыми молодыми людьми с туповато-упрямыми лицами, а Клайдия – пухлощеким созданием с капризным, раздражительно кривящимся ртом.

В три часа дня Марио собрался, наконец, с духом, позвонил по домашнему номеру Эбери и попросил консьержа соединить его с Флоренс Эбери. Та ответила слабым, отстраненным голосом: «Да, Ралстон».

«Сегодня вечером я вернусь домой, дорогая», – Марио пришлось сделать немалое усилие, чтобы прибавить последнее слово.

Флоренс наморщила нос и поджала губы; глаза ее заблестели так, словно она собиралась расплакаться: «И даже не скажешь, где ты пропал».

Марио спросил: «Флоренс, признайся откровенно: был я для тебя хорошим мужем?»

Флоренс вызывающе приподняла подбородок и моргнула: «Я не жалею. Никогда не жаловалась». Судя по тону, которым она произнесла эти слова, скорее всего, их не следовало принимать за чистую монету. И, скорее всего, для того были основательные причины.

«Нет, я хочу услышать правду, Флоренс».

«Ты давал мне столько денег, сколько я просила. Ты унизил меня тысячу раз – полностью пренебрегал мной, сделал меня посмешищем в глазах детей».

«Что ж, я очень сожалею об этом», – сказал Марио. Заявлять о какой-либо привязанности он не мог. Он действительно жалел эту женщину – но она была женой Ралстона Эбери, а не Роланда Марио. Точнее, она была одной из жертв Ралстона Эбери. «Увидимся вечером», – нерешительно промямлил Марио и выключил экран.

Откинувшись на спинку кресла, он заставил себя думать. Думать, думать! Должен был существовать какой-то выход. Или ему суждено прожить таким образом до конца своих дней – в жирном, нездоровом теле? Марио неожиданно рассмеялся. Если Ралстон Эбери мог купить новое тело – надо полагать, тело Роланда Марио – за десять миллионов, значит, еще десять миллионов долларов того же Ралстона Эбери могли бы выкупить это тело. Ибо Мервин Аллен чутко прислушивался к аргументам, выраженным цифрами с семью нулями. Унизительная, тошнотворная перспектива – подчиниться, смириться, поцеловать пнувший тебя сапог! Но что еще оставалось делать? Носить на себе тела Ралстона Эбери?

Марио встал, подошел к окну, вышел на балкон-стоянку и вызвал аэротакси.

Через десять минут он стоял перед входом в дом №5600 по Эксмур-авеню в районе Прибрежных Лугов – перед входом в «Шато д'Иф». Садовник, подстригавший кусты неподалеку, поглядывал на него с явным неодобрением. Марио решительно подошел ко входу и нажал кнопку звонка.

Как прежде, пришлось немного подождать – его изучали невидимые детекторы. Солнце грело спину, до ушей доносились ритмичные щелчки садовых ножниц.

«Пожалуйста, заходите!» – тихо произнес автоответчик.

Марио прошел по коридору в приемную с зеленым и коричневым интерьером, с картиной, изображавшей трех голых девиц на фоне дремучего леса.

Появилась сказочной красоты секретарша; Марио снова заглянул в ее широко открытые, ясные глаза, ведущие в глубины странного, незнакомого мозга. *Чей* мозг скрывался за этими глазами? Мужской или женский?

Марио больше не испытывал ни малейшего желания заслужить ее благосклонность или возбудить в ней вообще какие-либо эмоции. Перед ним было неестественное существо, *вещь*.

«Чем я могла бы вам помочь?»

«Я хотел бы видеть господина Аллена».

«По какому делу?»

«Разве вы меня не узнаете?»

«По какому делу?»

«Вы делаете деньги – в этом назначение вашего предприятия, не так ли?»

«Так».

«Я пришел по делу, которое позволит вам сделать деньги».

«Пожалуйста, присаживайтесь». Секретарша повернулась – Марио провожал глазами ее стройное тело. Она носила открытые туфли из эластичного материала, у нее была легкая, изящная походка. Марио ощутил побуждения тела Эбери. Железы старого козла функционировали достаточно активно. Марио поморщился и заставил себя подавить отвращение.

Секретарша вернулась: «Будьте добры, следуйте за мной».

Мервин Аллен принял его дружелюбно, но до рукопожатия не снизошел: «Привет, господин Марио. Должен признаться, я ожидал вас увидеть. Вам доставляет удовольствие новая жизнь?»

«Не сказал бы. Не могу не признать, что вы сдержали обещание, и я переживаю захватывающее приключение. Причем, принимая во внимание все обстоятельства, вы действительно не предоставили мне никаких ложных заверений или обещаний».

Аллен холодно, мимолетно улыбнулся. И Марио спросил себя: чей мозг содержало красивое молодое тело Мервина Аллена?

«Вы применяете необычно философский подход, – сказал Аллен. – В большинстве случаев наши клиенты не желают признавать, что получили именно то, за что заплатили. В приключении самое важное – неожиданность, опасность. А результат уже зависит от вас самих».

«Несомненно, – отозвался Марио, – это именно то, что вы предлагали. Но не заблуждайтесь на мой счет. С моей стороны было бы неискренне притворяться, что я не возмущен. Несмотря на все рациональные соображения, я испытываю к вам сильнейшее отвращение и убил бы вас без малейших сожалений – даже несмотря на то, что, как вы справедливо заметили, я сам сунулся в воду, не зная броду».

«Совершенно верно».

«Вопреки нашей эмоциональной несовместимости, у нас есть кое-какие общие интересы, и я намерен использовать этот факт. Вы хотите денег, а я хочу, чтобы мне вернули мое тело. Я пришел сюда, чтобы узнать, на каких условиях и ваши, и мои пожелания могут быть удовлетворены».

Аллен радостно рассмеялся – он откровенно веселился: «Марио, вы меня приятно удивляете. Я выслушивал всевозможные предложения, но никто еще не выражался так сдержанно и элегантно. Да, я хочу денег. Вы хотите, чтобы вам вернули привычное тело. К сожалению, ваше бывшее тело уже принадлежит другому человеку, и я сомневаюсь, что он согласился бы

расстаться с ним на каких бы то ни было условиях. Но я могу продать вам другое тело – здоровое, красивое, молодое – если вы заплатите установленную цену. Десять миллионов долларов. За тридцать миллионов я согласен удовлетворить самые далеко идущие пожелания – например, предоставить вам такое тело, как мое. Строительство Эмпирейской Башни – исключительно дорогостоящий проект».

«Просто из любопытства, могу ли я поинтересоваться, каким образом осуществляется замена личности? – спросил Марио. – Я не заметил никаких шрамов, никаких признаков хирургической пересадки мозга – которая, вероятно, невозможна в любом случае».

Мервин Аллен кивнул: «Было бы очень трудно соединить и приживить миллионы нервных окончаний. Вы разбираетесь в физиологии мозга?»

«Нет, – признался Марио. – Мозг сложно устроен – это примерно все, что я об этом знаю – и, признаться, не испытываю особенного желания подробно изучать этот вопрос».

Аллен откинулся на спинку кресла, расслабился и стал быстро говорить – так, словно повторял текст, заученный наизусть: «Грубо говоря, мозг состоит из трех разделов. Первые два раздела – продолговатый мозг и мозжечок – управляют бессознательными движениями и рефлексам. Третий раздел, собственно головной мозг, содержит память и мыслительные процессы – другими словами, личность человека. Органический мозг мыслит так же, как мыслит мозг механический, посредством выбора маршрутов или цепей, соединяющих реле или нейроны.

В ничего не помнящем, ни о чем не мыслящем мозгу относительное сопротивление любой цепи одинаково, и электрический потенциал любых и всех клеток находится на одном и том же уровне.

Применяемый нами процесс подразделяется на ряд последовательных этапов – выявленных, должен заметить, совершенно случайно в ходе программы исследований, никак не связанной с анализом церебральных функций. Прежде всего кожный покров черепа пациента окружается оболочкой, состоящей из материала, который первоначальные исследователи называли «голазмой» – это органический кристалл с большим количеством периферийных волокон. Между оболочкой из голазмы и мозгом находятся слои различных тканей – волосяной покров, кожный покров, кость, три отдельных мембраны, а также очень сложно устроенная сеть кровеносных сосудов. Нервные клетки, однако, уникальны в том, что они обладают большим электрическим потенциалом, в связи с чем, во всех практических отношениях, промежуточные ткани не препятствуют нашему процессу.

Далее, посредством прецизионного трехмерного сканирования, мы формируем дубликат системы синапсов пациента в голазме и соотносим эту копию со структурой сенсорной стимуляции, общей для всех людей.

На третьем этапе производится перекрестный обмен заряженными оболочками из голазмы, и процесс повторяется, но в обратном направлении: мозг пациента А снабжается синаптическими связями пациента Б, а мозг пациента Б – синаптическими соединениями пациента А. В целом, отрегулированный процесс занимает всего лишь несколько минут. Никакого хирургического вмешательства, никаких болевых ощущений, никакого ущерба. Пациенту А передаются личность и память пациента Б, а пациенту Б – личность и память пациента А».

Марио медленно поглаживал подбородок: «Вы имеете в виду, что в конечном счете я – как таковой – на самом деле не являюсь Роландом Марио? И тот факт, что у меня в голове появляются мысли, свойственные Роланду Марио – не более чем иллюзия? И ни одна клетка этого тела не принадлежит Роланду Марио?»

«Не принадлежит – ни в коем случае и ни в малейшей степени. Вы, целиком и полностью... кому мы вас внушили? Я запомнил... Ах да. Вас зовут Ралстон Эбери. Все клетки вашего тела, с первой до последней, принадлежат Ралстону Эбери. Вы – на самом деле Ралстон Эбери, всего лишь снабженный памятью Роланда Марио».

«Но как насчет моих желез и связанных с ними инстинктов? Разве они не влияют на личность Роланда Марио? В конце концов, поступки человека объясняются не только мыслительной деятельностью мозга, но сочетанием этой деятельности с инстинктами и прочими физиологическими процессами».

«Вы совершенно правы, – кивнул Аллен. – Такое влияние постепенно распространяется. Вы будете мало-помалу изменяться, становясь тем Ралстоном Эбери, каким он был до обмена личностями. То же самое будет происходить с телом Роланда Марио. Степень окончательного изменения определяется соотношением условий окружающей среды и наследственных характеристик».

Марио улыбнулся: «Я хотел бы избавиться от этого тела как можно скорее. Характеристики организма господина Эбери мне не нравятся».

«Принесите мне десять миллионов долларов, – сказал Мервин Аллен. – „Шато д'Иф“ существует с одной единственной целью: делать деньги».

Марио внимательно изучал внешность Аллена: упругую здоровую плоть, идеальные черты лица, форму черепа, манеры: «Зачем вам такие деньги? Зачем строить Эмпирейскую Башню, в конце концов?»

«Для развлечения. Меня это забавляет. Я скучаю. Я побывал во многих телах, накопил опыт многих жизней. Это мое четырнадцатое тело. Я испытал ощущение власти над другими людьми. Мне не понравилось это ощущение. Меня раздражает принуждение. При этом я вовсе не психопат. Я даже не безжалостен. В моих руках то, что теряет один человек, другой приобретает. Равновесие сохраняется».

«Но это грабеж! – горько возразил Марио. – Вы крадете годы жизни одного человека, чтобы наградить ими другого».

Аллен пожал плечами: «Суммарный жизненный потенциал организмов двух пациентов остается неизменным. В конечном счете достигается нейтральный результат. Ничто не меняется – два человека обмениваются памятью, вот и все. Как бы то ни было – может быть, выражаясь в метафизических терминах, я – солипсист. Настолько, насколько мне известно, с точки зрения моих глаз и в представлении моего мозга, я – единственный индивидуум, единственный обладающий сознанием интеллект». Мервин Аллен прикрыл глаза: «Какой еще можно сделать вывод из того, что мне – именно мне, и никому другому из бесчисленного множества людей – выпало жить такой чудесной жизнью?»

«Ха!» – Марио презрительно фыркнул.

«Каждый забавляется, как умеет. В настоящее время меня интересует возведение Эмпирейской Башни, – голос Аллена приобретал торжественно-звонящее звучание. – Она вознесется на пять километров в небо! В ней банкетный зал шириной четыреста метров и высотой полтора километра, в зале пол выложен перемежающимися полосами серебра и меди, его окружают восемь стеклянных балконов. Там будут висячие сады, подобных которым нет нигде на Земле, с фонтанами, водопадами, журчащими ручьями. На одном из этажей будет сказочная страна древних легенд, населенная прекрасными нимфами.

На других уровнях будут отображены эпохи истории человечества. Там будут музеи, консерватории для музыкантов с самыми различными представлениями о музыке, студии художников, мастерские и лаборатории, ведущие исследования во всех известных направлениях науки и технологии, магазины, торгующие всеми известными видами продукции. Там будут прекрасные хоромы и террасы, спроектированные исключительно для того, чтобы по ним бродили, любуясь красотами; там будут храмы всевозможных религий – вплоть до поклонения, скажем, Астарте. Там будут залы, полные игрушек, сотни ресторанов, обслуживаемых специалистами-гурманами, тысячи таверн, подающих любые напитки, доступные воображению; там будут помещения, созданные для того, чтобы видеть и слышать все, что можно видеть и слышать, а также помещения для наслаждения покоем».

Марио прервал этот монолог: «А после того, как вы устанете от Эмпирейской Башни, что потом?»

Марвин Аллен, восторгавшийся было, чтобы произнести вдохновенную речь, снова опустился на спинку кресла: «А, Марио! Вы наступаете на любимую мозоль! Не сомневаюсь, что меня заинтересует какая-нибудь новая идея. Если бы только мы могли на самом деле оторваться от Земли, от окружающих Солнце безжизненных каменных глыб и газовых пузырей – чтобы лететь к звездам, навстречу другой жизни! Тогда „Шато д'Иф“ никому больше не понадобится».

Потирая обвисшую жирную щеку Ралстона Эбери, Марио разглядывал Аллена с пристальным любопытством: «Вы сами изобрели процесс обмена личностями?»

«Я и четверо других – наша исследовательская группа. Все остальные умерли. Процесс известен только мне».

«А ваша секретарша? В нее тоже переселилась личность какого-нибудь престарелого миллионера?»

«Нет, – ответил Мервин Аллен. – Она такова, какова она есть. Ее заставляет жить ненависть. Вы думаете, я – ее любовник? О нет! Ничего подобного! – Аллен блаженно улыбнулся, как старинная статуя святого. – Она хочет только разрушения и смерти. На первый взгляд Тэйна – приятное и сообразительное, хотя и безразличное существо. Внутри – демон насилия, темный и пламенный, как озеро горящей нефти».

Марио впитал слишком много информации, слишком много фактов. Осмыслить все это за несколько минут он был не в состоянии: «Ладно, не буду больше отнимать у вас время. Я всего лишь хотел узнать, каковы мои возможности».

«Теперь вы знаете. Мне нужны деньги. И пересадка личностей – простейший известный мне способ приобретать деньги в требуемых количествах. Помимо обычной пересадки личности, однако, я предлагаю особую премию – призовой выигрыш, высшую награду – называйте это, как хотите».

«И в чем заключается этот приз?»

«Мне нужны клиенты. Чем больше клиентов, тем больше денег. Разумеется, я не могу публиковать подробные сведения о своем предприятии. Поэтому я предлагаю бесплатный обмен личности – бесплатное молодое, здоровое тело – тому, кто направит ко мне шестерых новых клиентов».

Марио прищурился: «Таким образом, Сатлоу получит кредит за Заэра и за меня?»

Аллен ответил непонимающим взглядом: «Кто такой Сатлоу?»

«Вы не знаете, кто такой Сатлоу?»

«Никогда о нем не слышал».

«Как насчет Дитмара?»

«А! Он добьется успеха, этот Дитмар. За десять тысяч он приобрел тело, страдающее циррозом печени в неизлечимой стадии. Но еще пара клиентов – и Дитмар вырвется из западни. Пожалуй, однако, я слишком много болтаю. Не могу уделить вам больше времени. Спокойной ночи».

На пути к выходу Марио остановился в приемной и, наклонившись, заглянул в лицо секретарши по имени Тэйна. Она выдержала его взгляд с каменной неподвижностью; ее глаза блестели, как сапфиры. Роланда Марио вдруг охватило ощущение восторженного мистического полета – как если бы он шел по натянутому канату живой мысли, уверенно сохраняя равновесие, как будто он познал секрет проникновения в потемки чужой души.

«Вы прекрасны, но холодны, как дно океанской впадины».

«Выходная дверь – дальше, сударь».

«Ваша красота – нежная, эфемерная оболочка не толще миллиметра. Два удара ножом могут изуродовать вас так, что прохожие станут отводить глаза, чтобы не смотреть на вас дважды».

Она открыла рот, закрыла его, поднялась на ноги и протянула руку: «Выходная дверь находится там, сударь».

Марио тоже протянул руку – к ней – но тут же опустил ее, заметив толстые дряблые пальцы Ралстона Эбери: «Не могу к вам прикоснуться этими руками».

«И не сможете никакими другими», – спокойно произнес холодный, далекий, отстраненный голос.

Марио повернулся, чтобы уйти, но снова задержался: «Я вижу самое обворожительное существо из всех возможных, но у нее каменная душа из горного хрусталя – она бросает мне вызов, я хочу воспламенить ее и овладеть ею, но связан по рукам и ногам, затерянный в жирном уродливом теле, словно набитом холодной овсяной кашей...»

Выражение ее лица слегка изменилось – что это означало, Марио не мог сказать. «Действительность заключается в том, что здесь – „Шато д'Иф“, – произнесла она, – а также в том, что вы на самом деле – жирный урод, набитый холодной овсяной кашей».

Марио удалился, больше не говоря ни слова. Дверь у него за спиной плотно задвинулась, послышался щелчок закрывшегося замка. Марио внутренне пожал плечами, но лицо Ралстона Эбери пылало жаром унижения. Любви во всем этом не было, никакого намека на любовь. Но Марио испытывал непреодолимый зов к преодолению – примерно такой, какой ощущает альпинист, глядя на неприступный горный пик – он жаждет изведать тайны обрывистых склонов и выпрямиться на вершине, чувствуя себя хозяином поднебесного мира. Тэйна, холодная, как обратная сторона Луны!

«Уходи! – резко приказал мозг Марио. – Избавься от навязчивой мысли! Забудь о нежной женской плоти! Разве ты недостаточно запутался в паутине кошмарных проблем?»

VI

Аэротакси перенесло Роланда Марио от входа в «Шато д'Иф» к дому №19 элитного комплекса «Морская Пена» – безобразному сооружению из розового мрамора, покрытому сверкающими завитушками и вычурными узорами в соответствии с представлениями Ралстона Эбери о роскоши и вкусе. Марио приложил большой палец к пластинке замка. Отсканированный отпечаток пальца совпал с идентификационным шаблоном – дверь распахнулась. Марио зашел внутрь.

Фотография подготовила его к первому свиданию с семьей. Флоренс Эбери встретила его с опасливым подозрением; сыновья вели себя безучастно, с пассивной враждебностью. Дочь, по-видимому, вообще не испытывала никаких эмоций по поводу его появления, постоянно находясь в состоянии удивленного замешательства.

За ужином Марио вызвал возмущение тела Эбери, позволив себе попробовать только салат из капусты и моркови с уксусом. У его «близких» это вызвало недоумение.

«Тебе нехорошо, Ралстон?» – поинтересовалась его супруга.

«Чувствую себя прекрасно».

«Но ты ничего не ешь».

«Я решил сесть на диету. Полезно избавиться это кошмарное тело от лишнего жира».

Восемь глаз выпучились, четыре ножа и четыре вилки застыли в воздухе.

Марио безмятежно продолжал: «В ближайшее время потребуются кое-какие изменения. Слишком легкая жизнь вредит здоровью и психике». Он обратился к двум молодым людям – у обоих были бледные лица, пухлые щеки и толстые губы: «Вас, уважаемые отпрыски, я не хотел бы подвергать слишком суровым испытаниям. В конце концов, вы не виноваты в том, что родились сыновьями Ралстона Эбери. Но известно ли вам, что означает зарабатывать себе на жизнь своими руками?»

Лютер, старший из сыновей, с достоинством ответил: «Мы работаем мозгами, а не руками».

«Расскажи-ка мне, как ты это делаешь», – предложил Марио.

Глаза Лютера загорелись гневом: «За неделю я делаю больше, чем ты за весь год!»

«Где?»

«Как то есть где? На стекольном заводе, где еще?»

Марио не ожидал столкнуться со столь яростным сопротивлением.

Ралстон-младший ворчливо прибавил: «Мы тебе платим за кров и пищу. И не должны тебе ни гроша. Если тебе не нравится такое положение вещей, мы переедем».

Марио поморщился. Он составил неправильное представление о сыновьях Эбери. Бледные лица и пухлые щеки не обязательно означали, что их обладатели отличались блеклым и вялым характером. Лучше было держать свои мнения при себе и делать выводы на основании подтвержденных фактов. Марио мягко произнес: «Прошу прощения, я не хотел вас обидеть. Забудьте про оплату крова и пищи. Можете тратить эти деньги на что-нибудь полезное».

Марио бросил скептический взгляд на дочь Эбери, Клайдию. Та уже кипела, готовая взорваться в любой момент. Предусмотрительнее всего было держать язык за зубами. Кто знает? Может быть, Клайдия работала двенадцать часов в сутки в какой-нибудь больнице.

Тем не менее, в доме Эбери Марио чувствовал себя подавленно. Он способен был волея-неволей уживаться в теле Эбери и носить его одежду, но личные вещи Эбери вызывали у него острую неприязнь. Он не мог заставить себя пользоваться бритвой или зубной щеткой Эбери. Отправление естественных гигиенических функций при посредстве тела Эбери казалось ему изощренной, омерзительной пыткой. К своему огромному облегчению он обнаружил, что он и Флоренс Эбери пользовались отдельными ванными и туалетами.

На следующее утро он поднялся очень рано, как только начало светать, поспешно покинул дом и позавтракал в небольшом ресторане ломтиком жареного хлеба с апельсиновым соком. Желудок Эбери громко протестовал против скупого рациона. Ноги Эбери тоже возмутились, когда Марио решил прогуляться по пешеходной ленте вместо того, чтобы вызвать аэротакси.

Поднявшись в еще пустующее управление компании «Аэромобили Эбери», он стал рассеянно бродить по помещениям и коридорам, размышляя на ходу. Все еще погруженный в мрачные думы, он зашел в свой персональный кабинет. Никчемные безделушки и хлам в стиле рококо раздражали его. Он вызвал уборщика и обвел помещение широким взмахом руки: «Унесите отсюда всю эту расфуфыренную дрянь! Оставьте мне стол и пару кресел. Все остальное – к чертовой матери!»

Опустившись в кресло, он продолжал думать. Думать о способах и средствах.

Каким оружием он мог бы воспользоваться?

Марио делал заметки на листе бумаги.

Как можно было бы напасть на противника?

Возможно, ему могли оказать содействие блюстители закона – тем или иным образом. Может быть, агенты АПП. Но какие законы нарушал Мервин Аллен? Подходящих прецедентов не было. В «Шато д'Иф» предлагали в продажу приключение. Если клиент получал, в этом смысле, гораздо больше того, на что надеялся, когда платил, он мог винить в этом только самого себя.

Деньги, деньги, деньги! Марио не мог выкупить свое настоящее тело. Необходимо было заручиться каким-то средством давления, принуждения, запугивания.

Он позвонил в общественную справочную службу и попросил предоставить ему имеющиеся сведения о «голазме». Никто никогда не слышал о таком материале или веществе.

Марио сделал еще несколько заметок и стал рисовать бессмысленные закорючки и рожицы. Где Мервину Аллену можно было нанести удар? В конторе «Шато д'Иф» и в Эмпирейской Башне. Снова обратившись в справочную службу, Марио запросил сводку информации об Эмпирейской Башне. По телеэкрану поползли строчки:

«Ожидается, что Эмпирейская Башня станет многофункциональным сооружением в районе Прибрежных Лугов. Верхний уровень этого комплекса должен находиться на высоте пяти километров над поверхностью земли. Архитекторы проекта: корпорация „Кубал и партнеры“, зарегистрированная в Ланчестере. Подрядные договоры о закладке фундаментов заключены с фирмой „Лури и Лайбл“...»

Марио нажал клавишу, чтобы перейти к следующей странице. На экране появился цветной архитектурный эскиз стройной башни, пронзающей слои облаков и возносящейся над ними на фоне ясного голубого неба. Марио снова нажал на клавишу.

Теперь на экране появилась более подробная информация, относившаяся к массе и объему сооружения в сравнении с теми же характеристиками египетских пирамид, гигантской плотины в ущелье Чилунг, комплекса Скаттергольм под Ронном, Мачты Хоука и Всемирного универмага в Дар-эс-Саламе.

Марио нажал кнопку внутренней связи. Никто не ответил. Рабочий день еще не начался. Мучимый нетерпением, Марио заказал кофе и выпил две чашки, нервно расхаживая по кабинету.

Наконец кто-то ответил на его вызов.

«Когда придет господин Корреанос, я хотел бы с ним поговорить».

Через пять минут Луис Корреанос постучался в дверь.

«Доброе утро, Луис!» – приветствовал его Марио.

«Доброе утро, господин Эбери!» – осторожно отозвался Корреанос – так, будто опасался самого худшего.

«Луис, посоветуйте мне кое-что... – сказал Марио. – Вы когда-нибудь слышали об архитектурной фирме „Кубал и партнеры“?»

«Нет, не слышал».

«Я не хотел бы отрывать вас от работы, – продолжал Марио, – но думаю, что мне следует приобрести контрольный пакет акций этой корпорации. Не поднимая никакого шума. Даже втайне. Был бы очень признателен, если бы вы могли навести справки по этому поводу – опять же, настолько скрытно, насколько возможно. Никому не сообщайте мое имя. Скупите столько голосующих акций, сколько предлагают в продажу. По любой цене – главное, покупайте акции. И при этом не ссылайтесь на меня».

Физиономия Корреаноса стала напоминать сатирическую маску, его рот скорбно pokrивился: «Откуда я возьму деньги?»

Марио погладил дряблые жировые складки вокруг подбородка: «Гм! У нас не осталось никакого резервного фонда? Никакого баланса на счетах?»

Корреанос покосился на босса с подозрением: «Вам лучше знать».

Марио прищурился, глядя в сторону. Да, ему было лучше знать. С точки зрения Луиса Корреаноса, за черным столом в кабинете сидел Ралстон Эбери – не терпевший никаких пререканий и принимавший решения исключительно по своему усмотрению Ралстон Эбери.

«Будьте добры, Луис, проверьте, сколько мы могли бы собрать», – сказал Марио.

«Одну минуту», – Корреанос вышел и скоро вернулся с листком бумаги в руке: «Я прикидывал, во сколько нам обойдется переоборудование цехов. Придется занимать капитал. Резервный фонд испарился – не стану спрашивать, что вы с ним сделали, это не мое дело».

Марио мрачно усмехнулся: «Вам этого не понять, Луис, поверьте мне. А если бы я вам рассказал, вы мне не поверили бы в любом случае. Забудьте о резервном фонде. Его нет и не будет».

«Южноафриканское агентство вчера прислало чек на миллион. Но этого не хватит даже на то, чтобы начать переоборудование».

Марио нетерпеливо махнул рукой: «Мы получим заем. В данный момент у нас есть миллион. Узнайте, сколько акций корпорации „Кубал и партнеры“ вы можете приобрести на эту сумму».

Корреанос молча удалился. Марио пробормотал себе под нос: «Он думает, что я свихнулся. Но при этом считает, что со мной лучше не спорить...»

Все утро Марио просматривал архивные файлы на экране компьютера, пытаясь разобраться в структуре предприятия Эбери. Он обнаружил немало свидетельств поспешного разграбления компании – Эбери обналичивал облигации, ликвидировал активы, которые можно было сбыть без рассрочки, переводил средства из амортизационных фондов на личный счет. Несмотря на опустошение резервов, однако, финансовое положение компании «Аэромобили Эбери» оставалось достаточно надежным. Ей принадлежали ипотеки, франшизы и контракты, стоимость которых во много раз превышала сумму изъятой Ралстоном Эбери наличности.

Марио устал просматривать файлы; он заказал еще кофе и снова принялся расхаживать по кабинету. Его мысли вернулись к дому №19 комплекса «Морская Пена». Он вспомнил обвиняющий взгляд Флоренс Эбери, враждебность Лютера и Ралстона-младшего. И пожелал Ралстону Эбери гореть в аду. Эбери плевать хотел на свою семью. Марио связался по телефону с Флоренс Эбери.

«Флоренс, на какое-то время мне придется отлучиться, я не смогу возвращаться домой», – Марио старался говорить мягко, успокоительным тоном.

«Я так и думала», – отозвалась Флоренс.

Марио поспешно прибавил: «Принимая во внимание все обстоятельства, лучше всего было бы, если бы ты подала на развод. Я не буду возражать. Можешь оставить себе столько денег, сколько захочешь».

Она ответила долгим, молчаливым, не поддающимся истолкованию взглядом. «Я так и думала», – повторила она. Экран потемнел.

Корреанос вернулся вскоре после обеденного перерыва. На улице было жарко, Корреанос пришел по пешеходной ленте – лицо его блестело от пота.

Он бросил на стол папку с обложкой из рельефного черного пластика и расплылся в торжествующей улыбке: «Вот, пожалуйста! Не знаю, зачем это вам нужно, но я выполнил поручение – приобрел пятьдесят два процента их акций. Купил их у племянника старика Кубала и у двух его партнеров. Причем как раз вовремя – они рады были с ними расстаться. Кубал с головой погрузился в проектирование Эмпирейской Башни, причем не берет никакой платы за работу. Говорит, что сама возможность проектировать этот монумент служит для него достаточным почетным вознаграждением. Племянник не хочет ссориться с Кубалом по этому поводу, но поспешил избавиться от акций. Примерно так же обстоит дело с двумя партнерами Кубала, Коном и Чивером. Проектирование Эмпирейской Башни не покрывает даже их накладные расходы».

«Гм. Сколько лет Кубалу?»

«Восемьдесят или около того. Живчик, в нем еще не разрядились все аккумуляторы».

«Почетное вознаграждение! Конечно! – подумал Марио. – Старик Кубал работает, чтобы получить молодое тело». Вслух Марио сказал: «Луис, вы видели Кубала?»

«Нет, он не высовывает нос из управления. Распределяет задания, все проектирование осуществляется под его присмотром».

«Луис! – продолжал Марио. – Будьте добры, сделайте вот что. Зарегистрируйте акции под своим именем и оформите документ, передающий мне право собственности на эти акции, но не датировать его. Не заносите этот документ в учетные книги компании. Таким образом, пока что вы будете законным владельцем контрольного пакета акций Кубала. Позвоните в их управление и свяжитесь с генеральным директором. Сообщите ему, что вы посылаете меня к ним. Скажите, что я ваш приятель, и что вы мне чем-то обязаны и поэтому оказываете мне услугу. Скажите ему, что мне следует предоставить неограниченный и безоговорочный контроль над разработкой любых проектов, какие мне заблагорассудится им поручить. Вас это не затруднит?»

Корреанос смотрел на Марио так, будто ожидал, что сидящее перед ним жирное тело вот-вот взорвется, объятые пламенем: «Как вам будет угодно. Надо полагать, вы знаете, что вы делаете».

Марио печально усмехнулся: «Не смог придумать ничего лучшего. Тем временем, продолжайте работать над выпуском новой модели. Целиком и полностью оставляю это на ваше усмотрение».

Марио облачил тело Ралстона Эбери в скромный синий костюм и явился в управление фирмы «Кубал и партнеры», занимавшее целый этаж небоскреба Ротенбурга. Марио сообщил секретарю в приемной, что хотел бы видеть директора, и его провели в кабинет, где сидел высокий человек лет сорока с болезненно пожелтевшим лицом, веснушчатый лбом и редкими волосами песчаного оттенка. Он отвечал на вопросы Марио резко и враждебно.

«Меня зовут Тауссиг... Нет, я всего лишь администратор. Чертежниками руководит Кон, а проектировщиками – Чивер. Сегодня их обоих нет. Управление в полном беспорядке. Я здесь работаю уже двенадцать лет».

Марио заверил администратора в том, что никоим образом не намеревался ограничивать его полномочия: «Нет, господин Тауссиг, здесь распоряжаетесь вы. Я говорю от имени владельца контрольного пакета акций. Вы руководите управлением – повседневными функциями, трудоустройством нового персонала – как обычно. Вы – главный администратор. Я намерен заниматься исключительно Эмпирейской Башней – без какого-либо вмешательства. Я не буду

вам мешать, а вы не будете мешать мне. Договорились? Когда я закончу рассмотрение проекта Эмпирейской Башни, я покину управление и оставлю его под вашу ответственность».

Омраченное подозрениями лицо Тауссига заметно прояснилось: «Здесь практически больше ничем не занимаются, кроме Эмпирейской Башни. Само собой, это гигантский проект. Никому не под силу справиться с ним в одиночку».

Марио заметил, что и не собирался взвалить на себя детальное проектирование всей башни; лицо Тауссига снова нахмурилось – сарказм такого рода представлялся администратору легкомысленным. Марио успокоил его, говоря, что намерен всего лишь выполнять функции координатора проекта – с учетом рекомендаций головного строительного подрядчика, разумеется.

«Хотел бы напомнить о еще одном обстоятельстве, – прибавил Марио, заговорщически подмигнув Тауссигу. – Сами понимаете, наш разговор должен оставаться в тайне. Представьте меня другим, как нового служащего, и больше ничего не объясняйте. Не говорите ни слова о новом владельце контрольного пакета акций. Не говорите ни слова о том, что этот владелец – мой друг. Забудьте об этом. Вы меня понимаете?»

Тауссиг с достоинством кивнул, хотя все это ему явно не нравилось.

«Я хочу, чтобы здесь было тихо, – задумчиво продолжал Марио. – Чтобы никто не связывался с кем-либо из спонсоров строительства. Если репортеры будут задавать вопросы – занимайтесь ими сами. Участвуйте в совещаниях с подрядчиками, обсуждайте с ними изменения, поправки. Я предпочитаю оставаться на заднем плане».

«Как вам будет угодно», – отозвался Тауссиг.

VII

Эмпирейская Башня вошла в плоть и кровь Роланда Марио, мысли о ней сопровождали каждый его вдох и выдох. Двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки жирное тело Эбери сидело, развалившись, за длинным столом; глаза Эбери горели и слезились, просматривая сметы, детали чертежей, планы этажей. На большом экране, установленном чуть поодаль, его глаза прослеживали работу двух тысяч четырехсот чертежников, восьмисот проектировщиков и бесчисленных художников, декораторов и мастеров-отделочников – и все это нуждалось в его утверждении. Но он оказывал ограниченное, чисто номинальное, незаметное влияние. Марио вмешивался лишь в отношении некоторых деталей – и даже в таких случаях настолько осторожно, настолько неуловимо, что об изменениях никто не подозревал.

Самые современные методы строительства, контроля качества материалов, прецизионной отливки металлопласта и сплавов, заводского изготовления сборных компонентов и беспрепятственного перемещения массивных цельных элементов конструкции делали возведение Эмпирейской башни чудесно простым и быстрым процессом. Уровень за уровнем она поднималась в небо, росла подобно гипертрофированному побегу фасоли. Подвозили сталь, бетон, металлопластовые полы и стены, магниевые фермы, консоли и опоры, окна из новейшего органического стекла – грузовые вертолеты поднимали и устанавливали в предусмотренных местах тщательно собранные на поверхности земли готовые блоки.

Весь день и всю ночь голубые вспышки автоматических сварочных аппаратов мигали в небе, искры разлетались на фоне звезд, и каждый день вдохновляющий гигантский силуэт устремлялся все ближе к низким облакам. Затем, проникнув через тучи, он рос еще выше, уровень за уровнем. Верхние этажи уже озаряло солнце, тогда как на нижних уровнях шел дождь. Километр за километром башня проникала в те воздушные слои, где ее непрерывно обтекал плотным потоком прохладный ветер – безмятежный, неоскверненный теплыми миазмами города.

Марио потерялся в просторах и лабиринтах Эмпирейской Башни. Ему были известны диапазоны изменения характеристик материалов, отражательная способность сотни блестящих металлических сплавов и шелковисто-глянцевого металлопласта, оттенки полудрагоценных минералов – нефрита, киновари, малахита, агата, черного янтаря, редких разновидностей порфира, добытого в горах Антарктики. Марио забывал о себе, забывал о «Шато д'Иф», о Мервине Аллене, о красавице Тэйне, о Луисе Корреаносе и о компании «Аэромобили Эбери» – память о постигшей его катастрофе просыпалась лишь отдельными судорожными спазмами, когда он покидал на несколько часов небоскреб Ротенбурга.

Время от времени, однако, даже будучи полностью погружен в изучение чертежей и цифр, он с ужасом осознавал, что его голос, его самочувствие, его привычные жесты были чужими, не имели никакого отношения к нему, Роланду Марио. Врожденные и приобретенные рефлексy и привычки Ралстона Эбери давали о себе знать. И это только подстегивало Марио: строить, строить и строить!

Ни над чем Марио не работал с таким напряженным вниманием, как над проектом 900-го, верхнего этажа башни, отмеченного в указателе как уровень административных и жилых помещений, предназначенных лично для Мервина Аллена. В данном случае Марио планировал мельчайшие детали строительства, предписывая использование изготовленных по особому заказу ферм, переключателей и вентиляционного оборудования в соответствии с его собственными техническими условиями.

Так многие месяцы жизни Марио перетекли из будущего в прошлое – месяцы, на протяжении которых он почти привык к телу Ралстона Эбери.

* * *

Во вторник вечером личность Марио была перенесена в тело Ралстона Эбери. В среду утром он пришел в себя. Пятницу он провел в сосредоточенных размышлениях в управлении компании «Аэромобили Эбери» в Эфирийском Комплексе и в три часа дня даже не подумал об Оксфордской террасе. Но вечером того же дня он вспомнил о назначенной встрече с Джаннивером, Брео и безымянным духом, населявшим больное тело Дитмара. И на следующей неделе, во вторник, в три часа дня, Марио сидел за столом на Оксфордской террасе.

Метрах в шести от него ждали Джаннивер, Брео и Дитмар. В памяти Марио хорошо сохранился тот солнечный день, наступивший несколько недель тому назад, когда они впятером сидели, лениво развалившись вокруг того же стола. Четыре ни в чем не повинных человека и один мерзавец, смотревший на других голодными глазами, оценивая пригодность их тел к продаже.

Дитмару удалось сбыть тела двоих приятелей. А теперь Марио смотрел на оставшихся трех: они тихо сидели все в тех же теплых солнечных лучах и лишь время от времени обменивались фразами. Двое, по меньшей мере, чувствовали себя в безопасности и не особенно беспокоились. Брео говорил с обычной для него самоуверенностью, слегка наклонив набок темноволосую голову. Джаннивер – странное сплетение противоречивых расовых энергий – высказывался неторопливо и серьезно. На них сардонически поглядывал Дитмар: предательская душа в худощавом теле с темно-бронзовой кожей. Дитмар приобрел больное тело за десять тысяч долларов – не слишком удачная авантюра, полная боли и страха. На какое-то мгновение очерствевшее сердце Марио смягчилось достаточно, чтобы признать бесспорный факт: человек, жаждущий вернуться в свое собственное тело, мог легко забыть о порядочности, о справедливости. Тонуший нередко душит того, кто пытается его спасти.

Марио нерешительно прихлебывал пиво. Следовало ли присоединиться к трем знакомым? Никакого вреда это не нанесло бы. Но его сдерживало странное внутреннее сопротивление – настойчивое, почти напомилавшее стыд. Говорить с этими людьми, рассказывать о том, что он получил за их деньги... Марио почувствовал легкую тошноту, у него перехватило дыхание что-то ползучее и теплое, вызванное сильнейшим смущением. Ему пришла в голову неожиданная мысль: Марио стал оглядываться по сторонам, изучая других посетителей террасы. Заэр! Он почти забыл о Пите Заэре. В теле Заэра жил ум какого-то миллионера. Не приходил ли сюда Заэр в теле этого миллионера?

Марио заметил старика с пустыми глазами, одиноко сидевшего за соседним столом. Марио замер, наблюдая за каждым движением этого человека. Старик закурил сигарету, выпустил струю дыма и отбросил щелчком догоревшую спичку – характерным для Заэра жестом. Удерживая сигарету двумя пальцами, он поднял высокий бокал, выпил два глотка и снова затынулся дымом прежде, чем поставил бокал на стол. Опять же, именно так обычно поступал Пит Заэр.

Марио поднялся, прошел к соседнему столу, сел за него. Старик взглянул на него сухими покрасневшими глазами – сначала тревожно, затем раздраженно. У него были серые бескровные губы и кожа, пожелтевшая подобно обожженной глине. Заэр получил за деньги приятелей даже меньше, чем Марио.

«Тебя зовут Пит Заэр, – произнес Марио. – Ты – Пит Заэр под маской другого человека».

«Как вы... почему вы так думаете?»

«Взгляни на троих за тем столом. Кого не хватает?»

«Роланда Марио, – слабым, хриплым голосом ответил старик; он пристально всмотрелся в лицо собеседника. – Ты?»

«Вот именно, – мрачно усмехнулся Марио. – Через пару недель нас будет трое, может быть, четверо. Смотри! – он протянул руку. – Они бросают кости. Зачем, как ты думаешь?»

«Их нужно остановить, – прохрипел Заэр. – Они *не знают*». Но он даже не пошевелился. Не пошевелился и Марио. Вмешаться значило бы для него примерно то же, что раздеться догола и прогуляться по многолюдному бульвару.

Что-то жесткое, неумолимое схватило и не отпускало мозг Роланда Марио. Он встал и пробормотал: «Подожди здесь. Попробую их остановить».

Он прошелся вперевалку по залитой солнечным светом террасе туда, где Джаннивер уже вытряхивал кости из коробочки. Опустив обе ладони на стол, Марио схватил судьбоносные кубики.

Джаннивер удивленно поднял глаза. Брео сдвинул мохнатые кельтские брови – в нем назревала вспышка гнева. Дитмар нахмурился и откинулся на спинку стула.

«Прошу прощения! – сказал Марио. – Могу ли я поинтересоваться, зачем вы бросаете кости?»

«Это наше дело. Вас это не касается», – резко произнес Брео.

«Касается ли это предприятия под названием „Шато д'Иф“?»

Три пары глаз неподвижно уставились на незнакомца.

Поколебавшись секунду-другую, Брео ответил: «Да».

«Я – знакомый известного вам Роланда Марио. Он просил передать вам сообщение».

«Какое?»

«Он советует держаться подальше от „Шато д'Иф“ и не выбрасывать деньги на ветер. Советует не доверять никому, кто предложит вам обратиться в „Шато д'Иф“».

Брео хрюкнул: «Никто никому ничего не предлагал».

«Кроме того, он сказал, что скоро с вами свяжется».

Марио ушел, не попрощавшись, и вернулся туда, где оставил Заэра. Но старик с сухими покрасневшими глазами уже ушел.

* * *

Марио пришлось обнаружить, что у Ралстона Эбери было много врагов. Знакомых у него накопилась целая толпа, но друзей не было. Кроме того, возникало впечатление, что один бледнолицый субъект продолжал существовать лишь для того, чтобы преграждать Эбери путь и, брызжа слюной от ненависти, выкрикивать оскорбления и угрозы – Арнольд, бывший работник одной из исследовательских лабораторий компании «Аэромобили Эбери».

Пару раз Марио игнорировал Арнольда. В третий раз он предупредил, чтобы тот больше к нему не приставал: «Смотрите, я позову полицию!»

«Мешок дерьма! – наслаждался ситуацией Арнольд. – Не посмеешь! Гласность тебя погубит – и ты это знаешь!»

Марио с любопытством присмотрелся к этому субъекту. Он явно был болен. От его дыхания разлило внутренним разложением. Под мешковатой серо-коричневой курткой можно было заметить впалую тощую грудь, кости его плеч торчали вперед, как дверные ручки. У него были странные, блестящие черные глаза – настолько темные, что зрачки почти сливались с радужной оболочкой, и глаза выглядели, как большие черные маслины, вдавленные в блюдечки со скисшим молоком.

«Вот идет патрульный, – протянул руку Арнольд. – Зови его, ничтожный подлец, зови!»

Марио быстро отвернулся и ушел; Арнольд расхохотался ему в спину.

Марио решил расспросить об Арнольде Луиса Корреаноса: «Почему бы я не посмел жаловаться на него в полицию?»

Корреанос бросил на него один из уже привычных долгих вопросительных взглядов: «Разве вы не знаете?»

Марио напомнил себе: Корреанос был уверен, что перед ним – Ралстон Эбери. Устало растирая лоб ладонью, он объяснил: «Я становлюсь забывчив, Луис. Расскажите мне об Арнольде».

«Он работал в радиологической лаборатории и разработал какой-то процесс, позволяющий экономить горючее и энергию аккумуляторов. Разумеется, патентное право принадлежало нам, – Корреанос иронически усмехнулся. – И, конечно же, мы не стали применять этот процесс, потому что вам принадлежали акции корпорации „Воздушный гегемон“, владеющей всемирной сетью заправок станций, а также существенная часть акционерного капитала компании „Ламарр атомикс“. Арнольд решил применять свой процесс без нашего разрешения. Мы подали на него в суд, выиграли тяжбу и заставили его возместить ущерб. В связи с чем Арнольд залез в долги и с тех пор так и сидит в долгах по уши».

Марио ощутил внезапный прилив энергии: «Дайте-ка мне взглянуть на этот патент, Луис!»

Корреанос произнес несколько слов в микрофон, и уже через минуту из прорези системы корпоративной почты выпал запечатанный конверт.

Корреанос безразлично заметил: «На мой взгляд, Арнольд – либо сумасшедший, либо мошенник. Его идея практически неприменима. Нечто в роде вечного двигателя».

Арнольд снабдил свою документацию – пачку схем, испещренных непонятными для Марио символами – кратким предисловием.

В предисловии говорилось, в частности:

«Эффективность реактивного двигателя обеспечивается выбросом минимальной возможной массы с максимальной возможной скоростью. Теоретически, минимальной возможной массой обладает электрон. Если электрон испускается со скоростью, приближающейся к скорости света, его масса возрастает благодаря общеизвестному релятивистскому эффекту. Это обстоятельство позволяет применить идеальный вариант реактивной тяги, позволяющий освободить летательный аппарат от обременительной бесполезной нагрузки горючего, выбрасываемого с относительно низкой скоростью. Один электрон, ускоренный электромагнитами до субсветовой скорости, создает такую же реактивную тягу, как десятки килограммов традиционного топлива...»

Марио знал, где найти Арнольда. День за днем тот сидел, угрюмо ссутулившись, на скамье в Танагра-сквере, неподалеку от Павильона Столетия. Марио спустился в сквер и остановился прямо перед ним – молодежавым стариком с истерически искаженным лицом.

Арнольд поднял глаза и вскочил, как на пружинах – так, словно готов был наброситься на Марио с кулаками.

Марио спокойно произнес: «Арнольд, слушайте меня внимательно. Вы были правы, я поступил с вами несправедливо».

Лицо Арнольда обвисло, как лопнувший пузырь. Атакующий нуждается в сопротивлении, сопротивление придает ему заряд энергии. Но мало-помалу Арнольд снова налился яростью и разразился обычной тирадой, полной угроз и ругательств.

Марио слушал его – не меньше минуты: «Арнольд, вы когда-нибудь проверяли на практике изобретенный вами процесс?»

«Конечно, грязная свинья! Разумеется! Как еще? За кого ты меня принимаешь? За одного из своих лизоблюдов?»

«Вы утверждаете, что процесс работает. Теперь послушайте, что я вам скажу: в компании „Аэромобили Эбери“ разрабатывают новую модель, основанную на новых принципах. Мы планируем начать массовое производство этой модели и предлагать ее по низким ценам. Я

хотел бы применить ваш процесс в этой новой модели. Если он действительно работает так, как вы утверждаете. И я хотел бы пригласить вас снова поступить на работу в мою компанию».

Летя Арнольд громко фыркнул, все его лицо растянулось в одной огромной ухмылке: «Установить мой двигатель на аэромобиле? Ха! Это все равно, что давить блох штамповочным падающим молотом! Где твоя голова? Что у тебя в голове? Я изобрел космический двигатель! Я открыл человечеству путь к звездам!»

Марио так удивился, что слегка отшатнулся. «В космос? Ваш двигатель будет работать в космосе?» – запинаясь, спросил он.

«Будет ли он работать? Только там он и будет работать! Но ты отнял у меня все деньги – ты! – Арнольд бросался словами, как раскаленными вертелами, брызжащими жгучим ядом. – Если бы у меня были деньги – черт с ним, с патентом! – я уже странствовал бы в космосе. Я давно уже оставил бы за кормой Альфу Центавра, Сириус, Вега, Капеллу!»

«Этот человек действительно помешался», – подумал Марио. Вслух он сказал: «Невозможно двигаться быстрее света».

Голос Арнольда стал спокойным и хитрым: «Невозможно? Это ты так думаешь! Продажная свинья, ты не знаешь того, что знаю я!»

Марио согласился: «Нет, не знаю. Несмотря на это, однако, я стал другим человеком, Арнольд. Я хотел бы, чтобы вы забыли о несправедливости, которую потерпели по моей вине. Хотел бы, чтобы вы снова работали в моей компании. Хотел бы, чтобы вы приспособили свой двигатель так, чтобы им мог пользоваться любой владелец летательного аппарата».

И снова Арнольд презрительно усмехнулся: «Выхлоп моего двигателя убьет каждого, кто будет находиться за кормой! Каждый электрон, ускоренный реактором, станет метеором, воспламеняющим воздух, сокрушающим все на своем пути, как пушечное ядро! Нет, нет! Космос! Только в космосе может работать мой двигатель...»

«Если вы хотите у нас работать, считайте, что вас наняли, – спокойно прервал его Марио. – Вас ожидает лаборатория. Я хотел бы, чтобы вы попробовали приспособить свой двигатель к аэромобилю. Уверен, что вы сможете придумать какой-то экран...» Заметив, как напряглись мышцы вокруг рта Арнольда, Марио поспешно прибавил: «Если вы думаете, что сможете летать быстрее света – тем лучше! Постройте космический корабль, и я сам на нем полечу, чтобы его испытать. Но приложите все возможные усилия к тому, чтобы приспособить ваш двигатель таким образом, чтобы им мог пользоваться каждый – это все, о чем я прошу».

Арнольд мало-помалу остывал; теперь он проявлял к собеседнику такое же саркастическое недоверие, какое Марио часто замечал, разговаривая с Корреаносом: «Провалиться мне на этом месте, но вы действительно радикально изменились, Эбери. Раньше вас интересовали только деньги. Деньги, деньги, больше ничего! Что с вами случилось?»

«Что со мной случилось? „Шато д'Иф“, – ответил Марио. – Если вы хотите не сойти с ума окончательно, не обращайтесь в „Шато д'Иф“. Хотя, кто знает? – взглянув на истощенное тело Арнольда, Марио пожал плечами. – Принимая во внимание ваше состояние, скорее всего, вам уже ничто не повредит».

«Если в „Шато д'Иф“ меня преобразят так, как преобразили вас, я постараюсь держаться от них подальше. Черт побери, можно подумать, что из вас почти сделали человека!»

«Я изменился, – кивнул Марио. – А теперь зайдите к Корреаносу, получите аванс и обратитесь к врачу».

Возвращаясь в управление фирмы «Кубал и партнеры» в небоскребе Ротенбурга, Марио решил выяснить, как Эбери пользовался своим новым здоровым телом. Усевшись за стол в кабинете, он просмотрел объявления частных детективов, выбрал «Сыскное агентство Бреннана» и поручил им расследование.

VIII

Детектив Меррис Слэйд, коренастый субъект с продолговатой физиономией, постучался в дверь рабочего кабинета Марио в фирме «Кубал и партнеры» через два дня после того, как Марио позвонил в агентство Бреннана.

Взглянув в глазок закрытой на замок двери, Марио впустил детектива. Тот сразу сообщил, без лишних слов: «Я нашел того, кого вы искали».

«Хорошо! – Марио вернулся к креслу и сел. – Как он поживает?»

Слэйд продолжал, тихо и монотонно: «Нет никакой тайны – все, как на ладони. Судя по всему, несколько месяцев тому назад он изменил образ жизни. Насколько я понимаю, раньше он был неплохим парнем, никто против него ничего не имел, ничем особенным он не выделялся. Бездельник, прожигатель жизни. Теперь он – буян и скандалист, гоняется за каждой юбкой. Его выкидывали на улицу из каждого бара в округе».

«Бедное мое тело!» – подумал Марио и спросил: «Где он живет?»

«У него апартаменты в отеле „Атлантик-Эмпайр“, роскошное гнездышко. Непонятно, откуда он взял такие деньги».

По всей видимости, отель «Атлантик-Эмпайр» стал излюбленным местопребыванием богатых клиентов «Шато д'Иф». «Я хотел бы получать еженедельный отчет об этом человеке, – сказал Марио. – Не слишком подробный – достаточно краткого сообщения о том, как он проводит время. Кроме того, у меня есть для вас еще одно поручение...»

О результатах второго расследования детектив доложил через неделю.

«Мервин Аллен – псевдоним. Его настоящее имя – Ллойд Парэн, он родился в Вене. Сначала он работал манекенщиком в фотоателье и слыл порядочным бабником – но несколько лет тому назад для него все изменилось. Откуда-то он получил кучу денег. Теперь, как вам, наверное, известно, он руководит заведением под названием „Шато д'Иф“. По поводу этого заведения мне не удалось узнать ничего существенного. Ходят слухи, но никто из тех, кто действительно что-то знает, не желает открывать рот. Слухи, однако, никак не соответствуют прежнему образу жизни Парэна, о котором известно практически все. У Парэна нет ни медицинского, ни психосоматического образования. Работающая у него женщина раньше училась в консерватории и специализировалась в области анализа музыки примитивных народов. Когда Парэн покинул Вену, она уехала вместе с ним. Парэн живет в доме №5600 по Эксмур-авеню – то есть там, где находится контора „Шато д'Иф“. Тэйна Парэн живет в небольшой квартире в одном квартале от него, вместе с не приходящимся ей родственником стариком. Ни у Парэна, ни у его супруги, судя по всему, нет никаких близких друзей, они ничем не развлекаются и не устраивают приемы или вечеринки. О них трудно узнать что-либо еще».

Марио поразмыслил несколько секунд, угрюмо глядя в окно; Меррис Слэйд безразлично ждал дальнейших инструкций. Наконец Марио сказал: «Продолжайте расследование. Разыщите какие-нибудь сведения о старике, с которым живет Тэйна Парэн».

Однажды Корреанос вызвал Марио по телефону. «Мы подготовили новую модель», – произнес он наполовину просительным, наполовину вызывающим тоном, словно ожидая, что Марио тут же начнет критиковать его работу. «По-моему, мы неплохо справились, – продолжал Корреанос. – Вы хотели сами провести окончательные испытания».

«Сейчас приду», – откликнулся Марио.

Новую модель собрали вручную на заводе в городке Донник-Ривер и привезли в Ланчестер по воздуху под маскировочным чехлом. Луис Корреанос вел себя так, будто Марио был возможным покупателем, и демонстрировал аппарат с преувеличенным энтузиазмом.

«В основе прототипа – мы пока что называем его „Воздушным странником“ – лежит применение общедоступных дешевых материалов и пренебрежение лишними украшениями, которые, на мой взгляд, уродовали аэромобили Эбери и повышали их себестоимость. Сэкономленные средства мы использовали в целях совершенствования конструкции, увеличения объема свободного пространства в кабине и повышения уровня безопасности. Извольте заметить подъемные лопастные роторы, почти полностью погруженные в углубления корпуса. Никакой пьяница не наткнется случайно на эти пропеллеры. Реактивные двигатели – пульсоры – расположены высоко, и направляемые заслонками выхлопные струи также безопасны для окружающих. Рама и фюзеляж – цельная литая конструкция из металлопласта, в нашей отрасли никто раньше такие не делал».

Марио слушал и время от времени понимающе кивал. По-видимому, Корреанос хорошо справлялся с обязанностями. Марио спросил: «Как насчет... как его? Арнольда. Он придумал что-нибудь полезное?»

Корреанос ухмыльнулся, обнажив зубы, прищелкнул языком: «У него шарики зашли за ролики. Причем он – бродячий труп. Думает только о своих треклятых электронах и говорит только о том, что называет „воздействием взрывной волны“. Я наблюдал за демонстрацией его процесса и думаю, что он прав. Мы не можем использовать его двигатель в семейном аэромобиле».

«Как выглядит его реактивный двигатель?»

Корреанос пожал плечами: «Невзрачно. Генератор работает на кентаврии – миниатюрный синхротрон. Очень простой конструкции. Одинарный электрон подается в спиральный ускоритель и разгоняется до субсветовой скорости, после чего с ревом вырывается плазменная струя толщиной с руку».

Марио нахмурился: «Попробуйте сосредоточить его мысли на полезном применении этого изобретения. Мозги у него есть. Он прошел медицинское обследование?»

«Только у Стаппа, врача из страховой компании. Стапп говорит, что Арнольд, в принципе, должен был давно отдать концы. У него быстро прогрессирующий нефрит или некроз – что-то в этом роде», – Корреанос очевидно не испытывал никакого интереса к состоянию изобретателя. Его глаза были прикованы к новому «Воздушному страннику». Он продолжал гораздо более оживленным тоном: «Взгляните на интерьер – обратите внимание на исключительно широкий обзор; кроме того, ветровое стекло служит одновременно антибликовым фильтром. Можно смотреть прямо на солнце, сколько угодно. Альтиметр снабжен индикатором безопасной высоты полета, ее можно задавать для координат любого района. А вот и компенсатор давления – видите? – он установлен под задним сиденьем. На двадцать долларов дешевле прежней системы. Вместо мягкой внутренней обшивки я решил наносить на гладкую поверхность фюзеляжа пружинистое пластиковое покрытие».

«Замечательно, Луис! – похвалил Марио. – Продолжайте в том же духе».

Корреанос глубоко вздохнул, выдохнул, покачал головой: «Чтоб меня черти съели!»

«Что такое? Что случилось?»

«Никак не могу вас понять, – сказал Корреанос, глядя на Марио так, будто увидел его впервые. – Если бы я вас не знал от пяток до макушки, я сказал бы, что вы – другой человек. Три месяца тому назад, если бы я попытался показать вам такую высокоэффективную, экономично спроектированную машину, вы взорвались бы, как один из взбудораженных электронов Арнольда! Вы назвали бы эту модель летучим мусорным ящиком. Вы заставили бы меня нацепить на нее со всех сторон ангельские крылышки, превратить приборную панель в подобие рождественской елки и установить в салоне пару шкафчиков в стиле табакерок эпохи Людовика Пятнадцатого. Представить себе не могу, что еще вы придумали бы. Если бы вы не выглядели значительно здоровее прежнего, я подумал бы, что вы больны».

Марио напустил на себя мудрый вид человека, принявшего трудное, но бесповоротное решение: «Компания „Аэромобили Эбери“ долго надувала покупателей. Мне удавалось держать ее на плаву, но производство наших машин было непозволительно дорогостоящим, причем они выглядели, как крылатые пагоды. Теперь мы предложим заказчикам настоящее качество. Не уверен, будут ли они довольны».

Корреанос восторженно расхохотался: «Если мы не сможем продать десять миллионов машин, я взлечу на одной из них в стратосферу и выпрыгну!»

«Значит, начинайте продавать».

«Надеюсь, к вам не вернется прежнее настроение, – заметил Корреанос, – и вы не начнете настаивать на завитушках и финтифлюшках?»

«Нет, – мягко отозвался Марио. – Предлагайте модель такой, какова она есть – мне больше ничего не остается сказать по этому поводу».

Корреанос одобрительно хлопнул ладонью по корпусу «Воздушного странника» и с недоумением взглянул Марио в лицо: «Ваша жена пыталась с вами связаться. Я сказал ей, что не знаю, где вас найти. Наверное, вам следовало бы ей позвонить – если вы не хотите развода. Она упомянула о разводе».

Марио смотрел куда-то вдаль – пристальное внимание Корреаноса ставило его в неловкое положение: «Я посоветовал ей подать на развод. Так будет лучше для всех заинтересованных сторон. С ее точки зрения, по меньшей мере».

Корреанос покачал головой: «Странный вы человек, Эбери. Год тому назад вы уже уволили бы меня десять раз подряд».

«Может быть, я откармливаю вас на убой», – предположил Марио.

«Вполне возможно, – согласился Корреанос. – В таком случае Арнольд и я заведем собственное предприятие и будем продавать электронные баулы для охоты на слонов».

* * *

Эмпирейскую Башню облепили, как масса муравьев, двести тысяч ремесленников; они красили, штукатурили, наносили покрытия, соединяли трубы и проводку, заливали террасы, бетон и металлопласт, устанавливали шкафы, стеллажи и тысячи разновидностей оборудования. Стены обшивали панелями из навощенного и полированного дерева, бесконечное множество плавательных бассейнов выкладывали плиткой. Специалисты по озеленению высотных зданий устраивали висячие сады – гигантские увитые растениями беседки в облаках.

Еженедельно Мервин Аллен совещался с Тауссигом и стариком Кубалом, утверждая одно, изменяя другое, отменяя третье, дополняя четвертое. Марио просматривал видеозаписи этих совещаний и вносил поправки в соответствии с пожеланиями Аллена, тщательно сочетая их со своими собственными нововведениями.

Прошло несколько месяцев. Теперь Мервин Аллен мог бы не узнать в Марио бывшего Ралстона Эбери. В управлении компании «Аэромобили Эбери» изумленные служащие относились к владельцу предприятия с небывалым почтением. Это был новый Эбери – хотя, конечно, его привычные жесты и выражения, его походка, манера одеваться и машинальные реакции мало изменились. Новый Эбери сбросил килограммов двадцать пять жира и дряблой плоти. Благодаря привычке ходить пешком под открытым небом кожа его приобрела младенческий розовый оттенок. Глаза, раньше полузакрытые складками, сияли над плотными мясистыми щеками, мышцы ног стали крепкими и упругими, грудь дышала легче и глубже – ежедневное получасовое плавание в бассейне после обеда укрепило его легкие.

Наконец двести тысяч ремесленников сложили инструменты и получили чеки. Эмпирейскую Башню заполнили техники, готовившие оборудование к запуску, а также разнорабочие, очищавшие, полировавшие и промывавшие полы и стены. Завершилось строительство

Эмпирейской Башни – кристаллизованной мечты, нового дерзновенного чуда архитектуры. Здание возвышалось подобно невероятных размеров древесному стволу, стройному и массивному, несравнимому по масштабу с микроскопическими улицами и площадями у его основания. Архитекторы не стремились к изяществу, но монументальному сооружению придавали изящество надежность фундамента, бесчисленные плавные вогнутости и выпуклости фасада, тысяча террас, тысяча площадок для аэротакси, миллион окон.

Эмпирейская Башня была готова. Мервин Аллен незаметно вселился в нее посреди ночи, а на следующий день помещения «Шато д'Иф» в доме №5600 по Эксмур-авеню опустели – их предлагали в продажу или в аренду.

Теперь контора «Шато д'Иф» находилась на уровне 900 Эмпирейской Башни. И Роланд Марио горел нетерпением, радостно предвкушая ближайшее будущее, как изнемогающий от страсти юнец перед свиданием. Когда Тауссиг заглянул к нему в кабинет, Марио постепенно убирал все, что накопилось у него на столе.

«Что вы собираетесь делать дальше?»

Марио внимательно взглянул на любопытствующую физиономию администратора: «У вас есть еще какие-нибудь крупные проекты?»

«Нет. И, скорее всего, никаких больше не будет. По меньшей мере, старик Кубал больше ничем не желает заниматься».

«Как же так? Он решил отойти от дел?»

«Если бы! Гораздо хуже. У него поехала крыша. Он спятил».

Марио постучал пальцами по столу: «Когда это случилось?»

«Вчера. Похоже на то, что старик надорвался, проектируя Эмпирейскую Башню. Полицейский нашел его в Танагра-сквере – он бродил и разговаривал сам с собой. Его отвезли домой. Он не узнаёт племянника, не узнаёт домохозяйку. Продолжает утверждать, что его зовут Брэй – или что-то в этом роде».

«Брэй?» – Марио поднялся на ноги, наморщил лоб. Брео! «Да, старость – не радость, – рассеянно заметил он. – Кубал потерял рассудок».

«Так-то оно так, – отозвался Тауссиг, вся еще разглядывая Марио горящими от любопытства глазами. – Так что же вы собираетесь теперь делать?»

«С меня хватит, – сказал Марио и обвел кабинет усталым взмахом руки. – Я надорвался – так же, как старик Кубал. Эмпирейская Башня меня доконала. Я тоже старею и впадаю в детство. Запомните меня, Тауссиг – потому что вы больше никогда меня не увидите». Марио закрыл дверь перед лицом оторопевшего администратора, зашел в лифт, опустился на второй уровень, вскочил на скоростную движущуюся ленту и прибыл к себе, в небольшую квартиру жилого комплекса «Мельбурн». Приложив к сканирующей пластинке замка большой палец, он отодвинул дверь в сторону, зашел внутрь и закрыл дверь. Марио разделся, обнажив грузное тело Эбери, завернулся в халат и с тяжелым вздохом опустился в кресло у большого низкого стола.

На столе красовалась сложная модель из дерева, металла, пластмассы и разноцветной проволоки – модель уровня 900 Эмпирейской Башни, где теперь находилось управление фирмы «Шато д'Иф».

Марио помнил наизусть планировку этого уровня площадью более четырехсот тысяч квадратных метров; он мог бы там найти вслепую любую деталь обстановки.

Через некоторое время Марио снова оделся – в рабочий комбинезон из плотной серой саржи, рассовал по карманам различные инструменты и приборы, упаковал чемоданчик и взглянул на себя в зеркало: в лицо Ралстона Эбери, уже заметно изменившееся по сравнению с прежним. Тупой взор заплывших глаз прояснился. Губы стали не такими пухлыми, щеки подтянулись – его физиономия напоминала скорее кусок мяса, нежели мешок жира. Марио задумчиво натянул на голову кепку и проверил, какой эффект она производила. В нем невоз-

можно было узнать прежнего Эбери. На всякий случай Марио наклеил аккуратные усики. Ралстон Эбери перестал существовать.

Марио вышел из квартиры, вызвал такси и полетел в направлении Прибрежных Лугов. Эмпирейская Башня торчала над городом, как столб над капустным полем. На ее вершине вертелся красный проблесковый маяк, предупреждавший летательные аппараты – чтобы его увидеть, приходилось задирать голову. На девятистах уровнях горели миллионы огней, издали казавшиеся сплошным, ярко мерцающим молочно-белым покровом. Монументальное порождение скуки одного человека, уставшего от жизни, было «городом в себе» – где, если бы они того захотели, могли бы жить до конца своих дней два или три миллиона людей, пользуясь всем необходимым и никогда не покидая башню. Самое величественное здание из всех когда-либо построенных, оно было создано из побуждений, которые вряд ли заставили бы кого-нибудь поставить один камень на другой. Эмпирейская Башня, конгломерат ресурсов, приобретенных на деньги богатейших людей планеты, была гигантской игрушкой, мимолетной причудой.

Но кто бы мог такое подумать? Уровень 221 занимала лучшая больница в мире. Перечень ее персонала практически повторял список специалистов, получивших награды Всемирной медицинской ассоциации. На уровне 460 находились болота и леса мелового периода. Динозавры в натуральную величину жевали листву доисторических древовидных папоротников, птеродактили скользили по воздуху на невидимых направляющих, воздух был насыщен дикими, раздражающими запахами гниющих болот, черного слизистого ила, моллюсков, падали.

На уровне 461 археологи воссоздали первый человеческий город, Эриду шумеров, с десятиметровыми кирпичными стенами, с храмом-зиккуратом бога плодородия Энлиля, с царским дворцом и мазанками крестьян. На уровне 462 красовался остров эпохи владычества Микен, омываемый синими волнами морской воды. На вершине холма высился минойский храм, окруженный оливковой рощей, у берегов дрейфовала галера с крутым высоким носом, бронзовые щиты блестели в солнечных лучах под пурпурным парусом.

На уровне 463 демонстрировался фантастический мир, порожденный воображением художника-мистика, Дайера Лотера. А уровень 509 был частной сказочной страной, закрытой для публики – волшебным садом, населенным пугливыми нимфами.

Проектировщики предусмотрели уровни для коммерческих представительств, жилых апартаментов и лабораторий. На четвертом уровне помещался самый большой в мире стадион. Уровни от 320 до 323 включительно занимал Всемирный университет, предварительно зарегистрировавший сорок две тысячи студентов; на 255-ом уровне размещалась крупнейшая в мире библиотека, а на 328-ом – огромная выставка произведений искусства.

Там были выставочные залы, магазины, рестораны, укромные таверны, театры, телевизионные студии – коллекция всего, что могло предложить мировое сообщество, вознесенное в небо по капризу Мервина Аллена. И за все это заплатила свойственная человеку жажда вечной молодости. Мервин Аллен продавал товар, по сравнению с которым все крупницы добытого золота, все драгоценности и сокровища, любые амбиции и устремления ничего не значили. Бессмертие, вечная юность! Ни любовь, ни верность, ни добропорядочность, ни честь – ничто не могло конкурировать с неотразимой, чарующей призывной песней этой сирены.

IX

Марио деловито вышел из кабины аэротакси на площадку для общественного транспорта на уровне 52 координационного центра башни и мгновенно потерялся в толпе посетителей, жильцов и служащих. Вступив на пешеходную ленту, ползущую к центральной шахте, он сошел с нее у дверей скоростных лифтов, поднимавшихся до шестисотого уровня, и воспользовался одной из небольших кабинок. Дверь захлопнулась. Марио почувствовал ускорение, за которым последовало ощущение почти полной невесомости. Дверь быстро открылась – Марио вышел на поверхность уровня 600, более чем в трех километрах над поверхностью земли.

Он оказался в вестибюле «Райского приюта», по сравнению с которым вестибюль отеля «Атлантик-Эмпайр» казался тесным и невзрачным. Вокруг величаво прохаживались изысканно одетые мужчины и женщины – те, кому принадлежали богатство, слава и власть. Никто не замечал Марио в его спецовке с оттопыренными карманами, с чемоданчиком в руках. Его принимали если не за уборщика, то за электрика из числа обслуживающего персонала. Марио неспешно прошел по коридору, остановился у двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», приложил большой палец к пластинке замка – открылась дверь в подсобное помещение. Все уборщики, работавшие на уровне 600, пользовались другими помещениями. Замок этой двери не мог бы открыть никто другой. Даже в том случае, однако, если бы особо придирчивый заведующий потребовал открыть эту дверь, он не увидел бы внутри ничего, кроме еще одной каморки с принадлежностями для уборщиков, забытой в суматохе открытия колоссального сооружения.

Но это была необычная каморка. Марио одновременно нажал на пару выступов, устроенных на противоположной входу стене на существенном расстоянии один от другого. Стена отодвинулась в сторону. Марио протиснулся в темный проход и задвинул за собой стену каморки. Теперь он остался в полном одиночестве – найти его здесь было труднее, чем если бы он стоял среди песчаных дюн Сахары. Никто не мог его заметить в небольшом замкнутом пространстве между главными опорами башни и шахтами грузовых подъемников. Если бы он здесь умер, никто не нашел бы его. Когда-нибудь, в далеком, невообразимо далеком будущем, после падения или сноса Эмпирейской Башни, кто-нибудь мог бы найти обломки его скелета. Но до тех пор он исчез из мира живущих.

Марио посветил фонариком вперед, повернул в другой тесный проход и приблизился к центральному «позвоночному столбу» трубчатых грузовых шахт, напоминавших волокна некоего гигантского овоща. Здесь он нашел свой особый лифт, затерянный среди других так же, как он потерялся в толпе служащих. Установившие этот лифт механики не могли догадываться о его тайном предназначении. Лифт был указан на чертеже, его соорудили на протяжении одного рабочего дня, после чего о нем сразу забыли. Но для Марио этот лифт был связующим звеном, ведущим к уровню 900, к «Шато д'Иф».

Он вступил на маленькую площадку. Дверь кабинки захлопнулась. Лифт вознес его еще на полтора километра. Кабинка остановилась – он вышел. Теперь Марио – призрак-невидимка – прибыл в святая святых «Шато д'Иф». Передвигаясь незаметно и бесшумно, он обладал огромной властью. Он мог напасть ниоткуда – неожиданно, непредсказуемо – владыка хозяина «Шато д'Иф»!

Марио глубоко вздохнул, радостно взволнованный своей властью. Наступала кульминация всей его жизни. Он не выключал фонарь, хотя на самом деле теперь в нем не было необходимости, потому что Марио знал наизусть проходы высшего уровня башни – так, как если бы блуждал по ним с раннего детства. Но свет символизировал его абсолютную власть. Ему не нужно было прятаться. Он был в своем собственном убежище – безопасном, изолированном, недоступном.

Марио остановился и взглянул на стену. В лучах фонаря ярко светились круги, нанесенные флуоресцентной краской и разделенные трехметровыми промежутками. Эти круги он разметил сам, чтобы обозначить местонахождение смотровых глазков – маленьких тусклых пятнышек, не больше булавочной головки каждое, незаметных на расстоянии двух шагов. Переодевшись электриком, Марио самостоятельно приготовил такие бинокулярные глазки на каждом отмеченном участке.

Из поясной сумки он вынул пару дисплейных очков, подсоединил зажимами их провода к контактам смотровых глазков и надел очки. Теперь он видел внутренность вестибюля 900-го уровня так же ясно, как если бы стоял в проеме открытой двери.

Вечерний прием был в самом разгаре – праздновалось открытие нового управления «Шато д'Иф». Мимо проходили мужчины – пожилые, молодые, выдающейся наружности, красавцы и другие, кому успех придавал неповторимую ауру; женщины – одновременно безмятежные и высокомерные, образцы мод и предметы зависти всей планеты. Марио видел драгоценности, золото, глянecь и волнообразное движение тканей всевозможных оттенков, а на уровне глаз – странную смесь белых, бронзовых, коричневых и черных лиц и причесок, калейдоскоп толпы.

Марио узнавал некоторых – их лица, их имена были известны во всем мире. Художники и артисты, инженеры и администраторы, бонвиваны и куртизанки, ученые и философы – все они толпились в вестибюле «Шато д'Иф», привлеченные невыразимым стремлением к неизвестному, волнующему, знаменитому.

Среди них прохаживался Мервин Аллен в строгом черном костюме – прекрасный, как солнцеликий герой древних сказаний, высокий, самоуверенный, с непринужденными манерами, но скромный, внимательно-изящный, сочетающий в себе качества властного, но гостеприимного хозяина.

Тэйна Парэн не показывалась.

Марио перешел к следующему помещению. Так же, как в доме №5600 по Эксмур-авеню, здесь была устроена оранжерея, залитая янтарно-белым светом – золотистым, словно хрустящим в воздухе благодаря своей четкости. Помещение наполнилось буйной широколистной тропической растительностью, явно чувствовавшей себя не хуже, чем в родной почве. В данный момент оранжерея пустовала – только сами растения вдыхали свой опьяняющий, усыпляющий аромат.

Марио двинулся дальше. Теперь он заглянул в лабораторию с голыми, ничем не украшенными стенами – здесь Аллен «перерабатывал людей». Вдоль одной из стен под белыми покрывалами выстроились несколько медицинских кушеток на резиновых колесах. На балконе в противоположном конце помещения громоздилось переплетение сложной аппаратуры – черные изогнутые манипуляторы, блестящие металлические компоненты, стеклянные трубки. Под балконом висели два бледных полупрозрачных шара с голубыми прожилками, как в сыре рок-фор. Марио присмотрелся: так выглядели оболочки из голазмы.

В лаборатории не было ни души – если не считать неподвижной фигуры, лежавшей на одной из кушеток. Можно было разглядеть часть лица этого человека. Марио внезапно насторожился и прошел к другому смотровому пункту, позволившему увидеть большую голову блондина с грубоватыми чертами лица. Следующая пара глазков, ближайшая к кушетке, подтвердила его подозрения: перед ним был Джаннивер, приготовленный к пересадке личности.

Марио глубоко, судорожно вздохнул – живот тела Эбери всколыхнулся. Дитмар добился своего. Он заманил в «Шато д'Иф» Заэра, Марио, Брео – а теперь и Джаннивера – подобно тому, как козел-вожак приводит овец на бойню. Марио обнажил зубы гримасой, ничем не напоминавшей улыбку. Его захлестнула волна темной ярости.

Он заставил себя успокоиться. Гримаса сползла со все еще достаточно мягкой и пухлой физиономии Эбери. В конце концов, кого нельзя было ни в чем обвинить? Тэйну Парэн? Нет.

Она верой и правдой служила Мервину Аллену – скорее всего, личности Аллена в теле ее брата. Его самого, Роланда Марио? Еще до завершения строительства Эмпирейской Башни он мог убить Мервина Аллена, мог остановить пересадки личностей в «Шато д'Иф», выступив с громкими обвинениями, чтобы привлечь внимание властей. Но он этого не сделал, опасаясь безвозвратно потерять свое прежнее тело. Пита Заэра? Он тоже мог бы играть по правилам и предупредить приятелей на Оксфордской террасе – но не решился это сделать.

А все остальные жертвы Аллена, таким же образом обуздавшие гнев и не выполнившие нравственный долг? Дитмар? Дитмар был человеком, таким же слабым и эгоистичным, как любой другой – хотя он играл активную роль в преступном сговоре, тогда как другие стали пассивными сообщниками.

Марио продолжал бродить по тайному проходу, заглядывая то в жилые апартаменты, то в лабораторию, то в вестибюль. Обнаженная светловолосая девушка, свежая и очаровательная, как цветок горного левкоя, плавала в длинном бассейне из зеленого стекла; спустя несколько минут она присела на боковом подводном выступе, окруженная облаком серебристых пузырьков. Проклиная похотливые позы тела Эбери, Марио прошел дальше. Нигде он не замечал Тэйну Парэн.

Марио вернулся к вестибюлю «Шато д'Иф». Прием заканчивался – Мервин Аллен провожал гостей к выходу: мужчин и женщин, разгоряченных закусками и выпивкой. Все они вели себя исключительно дружелюбно, обещая возобновить знакомство с владельцем башни в не столь официальной обстановке.

Марио ждал, пока не разошлись все приглашенные – все, кроме одного, удивительно высокого тощего старика, одетого в щегольской жемчужно-серый костюм с белой узорчатой вышивкой. Кисти рук старика напоминали кукурузные стебли, голова мало отличалась от голого черепа. Он навис над плечом Мервина Аллена – приторно-лживый дряхлый ловелас, надушенный, нарумяненный, напомаженный.

Аллен задал старику какой-то вежливый вопрос; тот кивнул, расплылся в улыбке. Аллен провел его в небольшое боковое помещение – в контору со стенами, выкрашенными темно-серой и зеленой краской.

Старик присел и выписал чек. Аллен опустил чек в прорезь под телеэкраном; оба подождали, перекидываясь ничего не короткими фразами. Судя по всему, старик пытался выудить какие-то сведения, в то время как Аллен ограничивался уклончивыми замечаниями. Телеэкран мигнул: поступило подтверждение из банка. Аллен поднялся на ноги. Старик тоже встал. Аллен глубоко вдохнул, и оба прошли в оранжерею. Старик прошел три шага, пошатнулся. Аллен ловко подхватил его, уложил на кушетку с резиновыми колесами, спрятанную за барьером буйной растительности, и повез в лабораторию, где лежал приготовленный к процедуре Джаннивер.

Теперь Марио наблюдал за происходящим с удвоенным вниманием, вставив в гнездо дисплейных очков разъем еще одного провода, соединенного с видеокамерой у него в поясной сумке. С этого момента все, что он видел, регистрировалось в памяти камеры.

Происходящее выглядело достаточно обыденно. Аллен подкатил кушетку с Джаннивером под одну из покрытых прожилками оболочек из голазмы, а кушетку со стариком – под другую. Настроив круговую шкалу, Аллен нажал на педаль, повернул переключатель и отступил на пару шагов. Опустился весь помост с аппаратурой. Голазма облекла две головы – шары пульсировали, их форма изменялась. На помосте началось какое-то движение: поворачивались шарниры, светились стеклянные трубки. По всей видимости, процедура выполнялась автоматически и не требовала никакого вмешательства.

Аллен присел, закурил сигарету, зевнул. Через пять минут помост поднялся, оболочки из голазмы, подвешенные на перекладине, поменялись местами, помост снова опустился. Прошло еще пять минут. Помост поднялся. Аллен подошел к панели управления и выключил меха-

низм, взял шприц, сделал инъекцию каждому из «клиентов», выкатил их на колесных кушетках в соседнее помещение и ушел, даже не обернувшись.

«Его ждет девушка в бассейне, – подумал Марио. – Пусть идет!»

В девять часов утра аэротакси доставило к Танагра-скверу тщедушного бледного старика, высокого и тощего, как палка – тот сразу отыскал скамью и опустился на нее.

Марио подождал, пока старик не начал проявлять признаки сознательной деятельности – тревожно оглядываться, рассматривать свои костлявые руки, осознавать, что у него украли пятьдесят лет жизни. Марио подошел к нему, отвел к такси и привез к себе в квартиру. Предстояло ужасное утро.

Джаннивер спал, истощенный ужасом, скорбью, ненавистью к своему похрустывающему суставами дряхлому телу. Марио позвонил в агентство Бреннана и попросил вызвать Мерриса Слэйда. На светящемся экране из матового стекла появился коренастый человек с продолговатой физиономией.

«Привет, Слэйд! – сказал Марио. – Я хотел бы, чтобы сегодня вечером вы кое-то для меня сделали».

Слэйд смотрел на него настороженно и неподвижно: «У меня из-за этого будут неприятности?»

«Нет».

«Что вы хотите мне поручить?»

«Человек, за которым я просил вас следить – Роланд Марио – где его можно найти?»

«В данный момент он завтракает на Персидской террасе в обществе девицы, с которой он провел ночь. Ее зовут Лора Лингдза, она – танцовщица из эпического театра „Веданта“».

«Ладно, это неважно. Возьмите лист бумаги, запишите сообщение».

«Продолжайте, я готов».

«Нам нужно встретиться в одиннадцать часов вечера у Камбоджийского Столпа, в вестибюле „Райского приюта“ на шестисотом уровне Эмпирейской Башни. Важно, чтобы вы пришли один и точно в указанное время. У меня будет только несколько свободных минут. Мервин Аллен, „Шато д'Иф“».

Марио подождал несколько секунд; Слэйд снова поднял глаза и смотрел на него с экрана.

«Напечатайте это и передайте записку Роланду Марио сегодня вечером, примерно в девять тридцать».

Х

Марио беспокойно расхаживал взад и вперед, заложив за спину пухлые руки. Сегодня вечером должна была наступить развязка, к которой он готовился целый год, ежедневно напрягая умственные способности и воображение. Если ему повезет, он избавится наконец от ненавистой внешности Ралстона Эбери. Марио вспомнил о Корреаносе. Бедняга Луис! Марио покачал головой. Что будет с «Воздушным странником»? Что будет с Арнольдом? Придется ли ему снова бродяжничать в Танагра-сквере и кипеть от безвыходной ярости каждый раз, когда мимо будет проходить надувшийся важностью Ралстон Эбери?

Марио вызвал по телефону управление в Эфирийском Комплексе и связался с Луисом Корреаносом: «Как идут дела, Луис?»

«Просто замечательно! Оборудование установлено, производство начнется на следующей неделе».

«Как поживает Арнольд?»

Корреанос поморщился: «Эбери, вы подумаете, что я спятил – так же, как Арнольд. Но он может летать быстрее света».

«Как вы сказали?»

«Вечером в четверг, на прошлой неделе, Арнольд вышел из управления. Он вел себя странно, попросил меня следовать за ним. Я согласился. Он провел меня в обсерваторию – это всего лишь помещение с обращенным к небу просветом, где он установил протонный магнискон. Он сфокусировал прибор и пригласил меня взглянуть в окуляр. Я нагнулся к окуляру и увидел диск – тусклый темный диск диаметром примерно с полную Луну. „Плутон! – объявил Арнольд. – Примерно через десять минут с левой стороны вы увидите маленькую белую вспышку“. „Откуда вы знаете?“ – спросил я. „Шесть часов тому назад я взорвал там осветительную бомбу. Расстояние до Плутона – примерно шесть световых часов“. Я покосился на него с недоверием, но приложил глаза к окуляру – и действительно, с левой стороны Плутона мелькнула белая вспышка. „А теперь смотрите! – говорит Арнольд. – Там будет красная вспышка“. И точно – я увидел красную вспышку». Корреанос покачал большой головой, покрытой редкими светлыми волосами: «Эбери, он меня убедил. Результаты эксперимента неопровержимы».

Сдерживая волнение, Марио сказал: «Я хотел бы с ним поговорить, Луис – если его можно найти».

Через пару минут на телеэкране появилось раздраженное лицо Арнольда. Марио напряженно спросил: «Это правда, Арнольд? Вы сумели запустить летательный аппарат быстрее света?»

«Конечно, правда! – обиженно отозвался Арнольд. – Почему бы это не было правдой?»

«Как вам это удалось?»

«Я установил пару ускорителей электронов на одном из ваших стратосферных аэромобилей. Больше ничего. Включил синхротроны. Драндулет вырвался в космос, как длинный язык пламени. Никакого разгона, никакой инерции, ничего такого. Только скорость – невероятная скорость! На такой штуковине можно долететь до звезд за несколько дней. Я же вам говорил! А вы думали, что я свихнулся, – лицо Арнольда исказилось невыразимой горечью. – Я никогда не долечу до звезд, Эбери, и в этом виноваты вы. Я умираю. Я видел Плутон, нацарапал свое имя на льду. И это все, что от меня останется».

Арнольд исчез с экрана – на нем снова появился Корреанос: «Да, он долго не протянет. Вчера вечером у него снова было кровоизлияние. Следующее будет последним».

Марио отстраненно произнес: «Позаботьтесь о нем, Луис. Потому что завтра, боюсь, все будет снова по-другому».

«По-другому? Что вы имеете в виду?»

«В компанию может вернуться прежний Ралстон Эбери».

«Боже упаси!»

Марио выключил экран и снова стал расхаживать из угла в угол, но на этот раз медленнее, глядя в пространство, как будто он ослеп...

Марио подозвал подростка-коридорного: «Видишь молодого человека в бежевом пиджаке, у Камбоджийского Столпа?»

«Вижу».

«Передай ему эту записку».

«Будет сделано».

Подчиняясь побуждениям Ралстона Эбери, тело Роланда Марио отяжелело. Под глазами темнели мешки, влажный рот слабовольно обмяк. Марио даже вспотел, охваченный жаркой волной гнева. Свинья, до чего Эбери довел здоровое крепкое тело, неприспособленное к изобретательному разврату, порожденному грязным воображением!

Эбери прочел записку и стал оглядываться по сторонам. К тому времени Марио уже вышел из вестибюля. Следуя полученным инструкциям, Эбери медленно, нерешительно прошел в коридор, ведущий к воздушным ваннам, приблизился к открытой настежь двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», постучался: «Аллен, вы здесь? Что происходит, что вам нужно?»

«Заходите», – сказал Марио.

Эбери осторожно просунул голову в подсобное помещение. Схватив его за шиворот, Марио втащил свое прежнее тело внутрь и прижал к шее Эбери инъекционную ампулу. Эбери вырывался и пинался, но скоро задрожал и расслабился. Марио закрыл дверь.

«Вставай!» – рявкнул Марио. Эбери послушно поднялся на ноги – его глаза остекленели. Марио провел его через проход в противоположной стене и поднялся вместе с ним на девяностый уровень, в «Шато д'Иф».

«Садись и не двигайся!» – приказал Марио. Эбери сел на пол и застыл, как морской желудь на дне аквариума. Марио произвел осторожную разведку. К этому времени Мервин Аллен должен был уже закончить дневные занятия.

Аллен как раз завершил очередную пересадку личностей. Марио наблюдал за тем, как он выкатил два неподвижных тела на кушетках из лаборатории в соседнее помещение, проследил за перемещением Аллена в жилые апартаменты, видел, как Аллен переоделся в короткий шелковый халат, приготавливаясь к отдыху или к забавам с очаровательной, как цветок, блондинкой.

Можно было приступить к делу. Марио вернулся туда, где сидел Эбери: «Вставай, следуй за мной!»

По тайным коридорам, устроенным вдоль вентиляционных воздухопроводов, они прошли к опустевшей лаборатории. Потянув за крючок, Марио сдвинул в сторону панель из древесностружечной плиты.

«Заходи, – приказал он своему бывшему телу, – и ложись на кушетку». Эбери подчинился.

Марио подкатил кушетку с лежащим на ней Эбери туда, где висели бледные шарообразные оболочки с голубыми прожилками, и приготовил другую кушетку для себя. Заставляя себя сосредоточиться только на одной задаче, он не думал ни о чем, кроме пересадки личности.

Марио отрегулировал круговую шкалу так, как это сделал Аллен, нажал на педаль. Теперь осталось только взобраться на кушетку и повернуть переключатель. Марио стоял, глядя на растянувшееся перед ним тело. Время настало. Время действовать. Это было так просто: залезть на кушетку, протянуть руку, повернуть переключатель. Но Марио продолжал стоять, чуть покачиваясь вперед и назад.

Едва слышный звук за спиной. Марио вихрем развернулся. Тэйна Парэн наблюдала за ним – с отстраненной усмешкой. Она не пыталась ни подойти, ни убежать, ни звать на помощь. Она только смотрела – с насмешливым, нечеловеческим выражением. Марио снова подивился: как могла настолько утонченная, идеальная, головокружительная красота быть настолько холодной и безучастной? Если бы она была ранена, истекала бы она кровью? Победит ли она поднимать тревогу? Если так, придется ее убить.

«Продолжайте, – сказала Тэйна. – Что вас задерживает? Я не намерена вмешиваться».

Каким-то образом Марио уже понял, что она ему не помешает. Он повернулся, взглянул на безвольное тело – и нахмурился.

«Вам не нравится, как выглядит это тело? – спросила Тэйна. – Вы помните себя не таким? Все вы одинаковы – напыщенные, хвастливые животные!»

«Нет, – задумчиво сказал Марио. – Я считал, что живу только для того, чтобы вернуться в свое тело. А теперь я не уверен. Мне не кажется, что я хочу в него вернуться. Я превратился в промышленника Эбери. А это – прожигатель жизни Марио».

«А! – Тэйна подняла изящные светлые брови. – Вам нравятся деньги и власть».

Марио рассмеялся – тихо, оскорбленно: «У вас в голове слишком долго бродили такие мысли. Вы не можете от них избавиться. Но есть и другие вещи. Есть свободный полет к звездам. Есть галактика – величественная россыпь мерцающих драгоценностей... Будучи Ралстоном Эбери, я могу улететь к звездам на следующей неделе. Будучи Роландом Марио, я вернусь на Оксфордскую террасу, играть в мяч».

Она сделала шаг вперед: «О чем вы...»

Марио прервал ее: «На прошлой неделе гениальный физик прорвался через препону, сдерживающую все существующее в материальном мире. Он долетел до Плутона за пятнадцать минут. Эбери оставался глух к этому изобретателю. Изобретатель дышит на ладан, по существу он – ходячий мертвец. Эбери отправит его в богадельню для умалишенных и закроет проект. Потому что свидетелями фактического успеха этого проекта были только два человека».

«И что же? – спросила Тэйна. – Что вы собираетесь делать?»

«Я хочу вернуться в свое тело, – медленно ответил Марио. – Ненавижу тушу этой свиньи больше, чем ненавижу смерть. Но еще больше я хочу полететь к звездам».

Она приблизилась еще на шаг. Ее глаза сияли, как Вега и Спика теплой летней ночью. Как он мог подозревать хотя бы на мгновение, что она холодна и бесчувственна? Порывистая живость, страсть, яркое воображение переливали в ней через край!

«Я хочу вас сопровождать», – сказала она.

«Куда это вы все собрались?» – спросил мягкий баритон – почти непринужденно, но с оттенком сдержанной ярости. Мервин Аллен приближался быстрыми шагами, размахивая мускулистыми руками атлета, сжимая и разжимая кулаки. «Куда ты собрался? – переспросил он, подходя вплотную к Марио. – В ад? Хорошо, я тебя отправлю в ад!» Он ударил Марио кулаком.

Марио отшатнулся, но тут же бросился на противника. Тело Эбери – дряблое, грушевидное – не умело драться. Несмотря на то, что Марио заставлял это тело вести аскетическую жизнь, оно продавилось под ударом и все еще колыхалось, как влажная губка. Но Марио дрался – с бешеной яростью, не уступавшей Аллену силой и проворством – примерно тридцать секунд. Затем его ноги одеревенели, руки отказались слушаться. Он видел, как Аллен размахнулся, чтобы нанести удар, способный сломать челюсть, свернуть ее на сторону, выбить зубы.

Что-то громко хлопнуло. Аллен вскрикнул дрожащим фальцетом, обмяк и упал – сначала на колени, потом на четвереньки и, наконец, набок.

Тэйна стояла над трупом Мервина Аллена с пистолетом в руке.

«Это ваш брат!» – прохрипел Марио; выражение лица Тэйны испугало его больше, чем перспектива драться с Алленом не на жизнь, а на смерть.

«Это тело моего брата. Мой брат умер сегодня утром. Рано утром, когда всходило солнце. Аллен обещал, что не даст ему умереть, что подарит ему новое тело... Но сегодня мой брат умер».

Она смотрела вниз, на труп: «В молодости он был неплохим человеком. Теперь его мозг мертв – и его тело тоже умерло».

Она положила пистолет на стол: «Я знала, что этим дело кончится. Меня от всего тошнит. С меня довольно. Мы полетим к звездам? Вы возьмете меня с собой? Какое мне дело до того, что у вас старое жирное тело? Вы – это ваш мозг, остальное не имеет значения».

«Аллен мертв, – Марио бормотал, как во сне. – Больше никто не помешает. „Шато д'Иф“ принадлежит нам».

Она с сомнением взглянула на него – ее губы слегка покривились: «И что же?»
«Где тут телеэкран?»

* * *

Лаборатория неожиданно заполнилась людьми. Марио не заметил, как это случилось – он был слишком занят.

Четыре старика, анестезированных инъекциями, уставились в пространство пустыми глазами – глазами, в которых скоро должен был появиться отчаянный испуг, вызванный потерей молодости и многих лет жизни, только что казавшихся приобретенными навсегда.

Напротив стояли бледные, нервные, молчаливые Заэр, Брео и Джаннивер. Там же стояло тело Ралстона Эбери – оно торопливо говорило, выражая бессвязные обрывки пробуждавшихся мыслей Арнольда.

А в полумертвом, бессознательном теле Арнольда обитала личность Ралстона Эбери.

Марио прохаживался в своем собственном теле, проверяя упругость ног, размахивая руками, ощупывая лицо. Тэйна Парэн напряженно наблюдала за ним так, словно впервые увидела свет, формы и цвета – как если бы Роланд Марио был единственной надеждой, оставшейся в ее жизни.

Больше в помещении никого не было. Меррис Слэйд, заманивший правдами и неправдами, посылками и угрозами тех, кто явился в лабораторию «Шато д'Иф», остался в вестибюле.

Марио обратился к Джанниверу, Заэру и Брео: «Значит, вы возьмете на себя такую ответственность?»

Они смотрели на него широко открытыми, изумленными глазами, все еще не оправившись от облегчения и радости возвращения в собственные тела: «Да...» «Да, придется». «Да».

«Некоторые пересадки необратимы. Кто-то уже умер, кто-то сошел с ума. Им уже не поможешь. Но те, кому вы можете вернуть прежние тела – этим вы обязаны помочь».

«Мы разобьем эту дьявольскую машину на кусочки! – заявил Брео. – И „Шато д'Иф“ останется смутным воспоминанием нескольких стариков, бормочущих во сне».

Марио усмехнулся: «Помните объявление? Все надоело? Соскучились? Испробуйте „Шато д'Иф“?»

«Я больше не скучаю и не нуждаюсь в острых ощущениях», – вздохнул Заэр.

«Мы получили сполна то, за что заплатили», – язвительно заметил Джаннивер.

Марио нахмурился: «А где Дитмар?»

Тэйна ответила: «Ему назначен прием завтра, в десять часов утра. Он явится, чтобы получить заслуженное новое тело».

«Мы устроим ему прием», – тихо и злорадно заметил Брео.

«Он удивится», – сказал Джаннивер.

«Почему нет? – отозвался Заэр. – В конце концов, здесь „Шато д'Иф“!»

ПОХОД НА МАКСУС

I

Пограничный форт завис в пятнадцати километрах над Максусом – массивное белое кольцо диаметром полтора километра, окаймленное иллюминаторами. В разреженном воздухе каждая деталь выглядела резкой, ясной, четкой.

Пока что кораблю Травека ничто не угрожало. Он ждал, пригнувшись над панелью управления и поглядывая на форт, на репродуктор, снова на форт. Прошла минута – две минуты...

Травек беззвучно выругался, повернул переключатель связи и опять проговорил в микрофон: «Посетитель, разрешение 11-А-506... Хотел бы приземлиться... Ожидая инструкций – подтвердите прием».

Отозвался дребезжащий голос: «Разрешение проверяют. Ждите дальнейших указаний».

Травек снова опустился на сиденье, но тут же встал и посмотрел вниз, на город Аламбар. Столица простиралась до горизонта и дальше – узорчатый ковер угрюмых тускло-зеленых и черных, темных рыжевато-коричневых и охряных тонов – бетон и кирпич под серой пеленой дыма.

Прямо под иллюминатором три свинцовые реки впадали в отливающее ртутным глянцем озеро, сплошь окруженное и частично затененное огромными административными зданиями, дворцами и городскими усадьбами владельцев. Эстакадные дороги расчертили город, как обнаженные вены; всюду мелькало непрерывное движение.

Травек поднял глаза к парящему в отдалении инспекционному форту. Хорошо было бы протаранить и обрушить его звездолетом, раздавить город, как прокисший ломоть хлеба! Поставить к стене лордов Максуса, исполосовать плетью их лица, выпустить им кишки...

«11-А-506! – прохрипел репродуктор. – Пристыкуйтесь к причалу №6 и приготовьтесь принять инспекторов».

Травек бросился к сиденью и направил корабль вперед. По внутреннему периметру кольцевой станции выступали площадки причалов. Травек опустил звездолет на грязный бетон причала, обозначенного цифрой «6». Появились три человека в защитных костюмах; они постучались, требуя открыть наружный люк. Травек впустил пограничников – черноволосых, худощавых, бледных, с суровыми лицами, в черных униформах и кожаных кепках с остроконечными козырьками.

Капрал поднялся в кабину – субъект с продолговатой физиономией, впалыми щеками и горбатым носом: «Позвольте взглянуть на ваше разрешение».

Травек передал ему бумагу. Капрал прочел, поджимая губы: «Планета происхождения: Эксар. Внесенный залог: десять тысяч силей. Ожидаемая продолжительность визита: одна неделя. Причина визита...» – капрал поднял брови. «Что ж, – снисходительно заключил он, – желаю удачи, желаю удачи».

Травек промолчал.

«Вы ищете последнюю партию Армана».

«Да».

«Вам следовало прилететь раньше, – заметил капрал, бросив разрешение на навигационный стол. – Все в порядке». Он обернулся к двум подчиненным, поднимавшимся из кормового отсека: «Никаких нарушений?»

«Никаких».

Капрал кивнул. Два пограничника покинули корабль.

Капрал наклонился, опираясь на стол: «У таких, как вы, водятся деньги. И вы, конечно, спешите. Хотел бы вам помочь, но комендант космопорта – упрямый осел – любит поспать и очень не любит, когда его будят. Если его не утешить чем-нибудь, он не откроет космопорт – а тогда, конечно, вы не сможете приземлиться».

Травек плотно сжал зубы: «Сколько?»

«О! Двухсот силой достаточно».

Повернувшись к капралу спиной, Травек извлек из кошелька несколько сертификатов: «Вот двести силой».

«Через пять минут вы сможете приземлиться, – пообещал капрал. – Выберите площадку сразу за парком. Кого вы ищете, жену?»

«Мать, двух сестер и брата».

Капрал присвистнул: «Надо полагать, вы – миллионер!» Он неуверенно опустил глаза к карману Травека.

«Я не богат! – отрезал Травек. – И тороплюсь».

«Боюсь, партию Армана вы не застанете. Теперь смотрите на этот шар. Когда он загорится, опуститесь через центральный просвет и продолжайте вертикальный спуск до высоты девять тысяч метров, после чего маневрируйте сами. Не поднимайтесь выше – иначе силовое поле вас испепелит».

* * *

Корабль со скрежетом приземлился. Распахнув люк, Травек спрыгнул на землю; в воздухе пахло дымом и плесневеющим камнем. Травек подбежал к воротам в черной кирпичной стене, ведущим на узкую улицу, прошел через них – но тут же замер и отпрыгнул назад, чтобы не попасть под колеса промчавшейся машины. Несколько секунд он стоял в проеме ворот, глядя направо и налево.

Прохожие – высокие горбоносые люди, темнокожие и мрачные – поглядывали на него с пристальным любопытством. Травек слышал, как мальчишка в каштановой куртке пропищал: «Смотри! Немеченый орт!»

Родительница зажала отпрыску рот: «Шш! Его еще никто не купил».

Травек подошел к старику, носившему черный комбинезон в обтяжку: «Скажите, пожалуйста, где тут Биржа Рабов? Как туда пройти?»

Старик оценил его долгим взглядом и невыразительно произнес: «Поезжайте на ленте, выберите красно-зеленую полосу. После второго туннеля справа будет коричневое бетонное здание».

«Спасибо!» Травек повернулся, пересек проезжую часть и вступил на ползущую ленту. Ее поверхность состояла из разноцветных светящихся полос. Травек перешел на красно-зеленую полосу и поспешил вперед, лавируя среди многочисленных пешеходов.

Красно-зеленая полоса отползала в сторону. Травек не сходил с нее. Движущаяся лента раздвоилась – красно-зеленая полоса нырнула в узкий туннель, где разило аммиаком и метаном. Наступила гулкая темнота, заполненная отражениями шумов, но вскоре он снова оказался под пасмурным небом.

Вдоль полосы громоздились высокие жилые дома с крутыми коньками крыш – сооружения сложной конструкции с портиками-колоннадами из полированного камня: сердолика, яшмы, оникса. Травек проехал два, три километра – полоса повернула, удаляясь от городских усадеб, обогнула холм крошащегося сланца и стала подниматься по склону между продуктовыми рынками. В воздухе появились резкие запахи рыбы, уксуса и фруктов.

Травек ускорил размашистые шаги, побежал трусцой. Ползущая полоса приблизилась к обрывистому валу, нырнула в следующий туннель. Время, казалось, тянулось бесконечно. Травек бежал уже не трусцой, а со всех ног. Натолкнувшись в темноте на высокую фигуру, он проигнорировал яростную ругань и побежал дальше.

Впереди показалось бледное пятно света. Над головой опять нависло туманное небо Максуса. Справа возвышался огромный коричневый бетонный блок – глухой, без окон. Пока Травек приближался к нему, с крыши блока на радужном диске гравинигилияции воспарило воздушное судно. Иллюминаторы судна были закрыты ставнями.

Травек наблюдал за взлетом этого аппарата с раздраженным отчаянием... Заметив перед собой дверь на уровне мостовой, он подбежал к ней, задыхаясь и отдуваясь. Ему преградил путь охранник в черной кожаной униформе.

«Пропуск!»

«У меня нет пропуска. Я только что приземлился на вашей планете».

«Тогда вам вход воспрещен. Никому не разрешается входить без пропуска, подписанного верховным комиссаром».

Травек наклонился вперед, чуть опустив голову. Охранник прислонился к стене и беззвучно рассмеялся, хлопнув ладонью по кобуре, висевшей на ремне черных кожаных брюк: «Ворота закрыты. Попробуйте открыть их голыми руками – ногти обломаете».

«Где я найду верховного комиссара?» – хрипло спросил Травек.

«Его главное управление – под Аркой Гухмана».

Охранник протянул руку, указывая на ползущую ленту: «Вернитесь тем же путем, каким пришли, у Босфорского Стролла перейдите на коричнево-оранжевую полосу. Если поторопитесь, может быть, вам успеют назначить время приема, – охранник ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы. – На вашем месте я отдал бы себя в руки такого человека, как я. Верховный комиссар – большой хитрец. Непременно найдет повод причинить вам неприятности. А я пристроил бы вас у первоклассного лорда кухонным рабом. Поверьте на слово!»

У Травека кровь стучала в висках. Он взглянул охраннику в лицо, отвернулся и направился обратно к ползущей ленте.

* * *

Верховный комиссар сидел, небрежно откинувшись на спинку кресла, обитого пунцовым мехом, и крутил в пальцах молочно-голубой бокал – тощий, как палка, черноволосый человек с заостренным кривым локоном, прилепленным ко лбу. Веки его были высокомерно полуопущены, нос выпячивался, как серп, кожа напоминала оттенком и текстурой яичную скорлупу. Он закутался в светло-зеленую шелковую мантию, под одним его ухом на золотой цепочке болтался огромный рубин.

Внимательно изучив внешность Травека, он указал на стул. Травек сел.

«По какому делу вы пришли?» – любезно спросил верховный комиссар.

«Мне нужен пропуск на Биржу Рабов. Я спешу. Должен сразу туда вернуться – иначе опоздаю».

Верховный комиссар кивнул: «Разумеется. Родственники? Жена?»

«Мать, две сестры и брат», – ответил Травек.

«Тяжелая потеря, нечего сказать! – посочувствовал комиссар, поднимая к губам бокал. – Понимаю, почему вы так спешите. Особенно в том случае, если они входят в партию – как его...»

«Армана».

«Армана, совершенно верно. Новичок, но уже весьма успешный торговец, – комиссар устроился в кресле поглубже. – Боюсь, вы опоздали».

«Я непременно опоздаю, если не вернусь тотчас же», – пробормотал Травек.

Верховный Комиссар бледно улыбнулся, нацарапал несколько слов на карточке и протянул ее Травеку: «Вот ваш пропуск. После посещения Биржи, будьте добры, загляните ко мне снова – я хотел бы с вами побеседовать еще раз».

* * *

Ночь просачивалась на улицы Аламбара, как темная мутная жидкость; уже зажглись расплывчатые белые и желтые огни. Пронизывающий холодный ветер обдувал лицо Травека, когда он снова приближался к Бирже Рабов.

Взглянув на пропуск, охранник поднял черные брови и принялся вертеть карточку в пальцах.

«Поспешите!» – взмолился Травек.

Охранник пожал плечами, повернулся к переговорному устройству за спиной и произнес пару слов.

Дверь открылась. Травек зашел в кабинку, откуда, на первый взгляд, не было никакого выхода. Он чувствовал, что его проверяют – излучение просвечивало его в поиске оружия, взрывчатки, наркотиков. Противоположная входу стена резко отодвинулась в сторону. Травек вступил в ярко освещенный коридор и спросил женщину, сидевшую за столом: «Где находится зал для покупателей?»

«В конце коридора. Смотровые камеры – справа».

Травек побежал по коридору. Проникнув через завесу ледяного воздуха, он оказался в просторном помещении и приблизился к еще одному столу. Его смерил взглядом с головы до ног старик в блестящем камзоле абрикосового оттенка: «Пропуск, будьте добры!»

Травек предъявил пропуск: «Партию, привезенную Арманом с Эксара, уже распродали?»

Старик пожал плечами и просипел: «Одних привозят, других увозят... Кажется, список Армана уже обработали сегодня утром».

Травек наклонился над столом, его жилистое лицо напряглось: «Я должен знать!» Он протянул было руку, чтобы встряхнуть старика за плечо, но вспомнил о том, что у него могли отобрать пропуск, и отступил на шаг: «Где я могу получить точные сведения?»

Старик в абрикосовом камзоле, уже начинавший возмущенно пыжиться, махнул рукой куда-то в сторону: «Там список с примечаниями. Непроданный материал содержат в смотровых камерах».

Травек прошел дальше. Слева выстроился ряд обитых мягкой кожей скамей. На них лениво расселись несколько лордов – просматривали списки, прихлебывали напитки из толстостенных бокалов, беседовали, обменивались шутками. Небольшая арена перед ними пустовала.

Травек нашел объявления, просмотрел сегодняшние списки. В нижней части одного списка он нашел строки, отмеченные жирными разноцветными галочками – то, что он искал:

«НОВАЯ ПАРТИЯ С ЭКСАРА

Высококачественный материал – здоровые, красивые рабы с известного благотворным климатом Принципианского полуострова!

№1 Имя: **Виталия Галвейн**

Пол: **Ж** Возраст: **4** Примечания: *Веселая, послушная!*

Минимальная заявка: **600 силей**

№2 Имя: **Донал Карриус**

Пол: **М** Возраст: **4** Примечания: *Умный!*

Минимальная заявка: **400 силей**

№3 Имя: **Рабальд Реттс**

Пол: **М** Возраст: **5** Примечания: *Быстро учится!*

Минимальная заявка: **200 силей**

№4 Имя: **Гли Керло**

Пол: **Ж** Возраст: **8** Примечания: *Вырастет красавицей!*

Минимальная заявка: **1000 силей**

№5 Имя: **Темми Хельва**

Пол: **М** Возраст: **9** Примечания: *Приятный паренек, привлекательный!*

Минимальная заявка: **2800 силей**

№6 Имя: **Джонализма Станисиус**

Пол: **Ж** Возраст: **9** Примечания: *Послушная, приветливая!*

Минимальная заявка: **1000 силей**

В начале большинства строк были проставлены синие галочки; Травек допустил, что этих рабов уже продали. Перемещая палец от строки к строке, он прочел:

№29 Имя: **Ленни Травек**

Пол: **Ж** Возраст: **14** Примечания: *Свежая, как цветок!*

Минимальная заявка: **5000 силей**

Перед именем Ленни значилась жирная синяя галочка. Травек хрипло, судорожно вздохнул. Поблуднев, он продолжал просматривать список немигающими глазами:

№64 Имя: **Талла Травек**

Пол: **Ж** Возраст: **18** Примечания: *Восхитительна!*

Минимальная заявка: **5000 силей**

Перед этой строчкой галочки не было. Палец Травека перемещался вниз:

№115 Имя: **Грэй Травек**

Пол: **М** Возраст: **21** Примечания: *Инженер-металлург!*

Минимальная заявка: **3000 силей**

Синяя галочка. Травек облизал высохшие губы. В самом конце списка значилась его мать:

№427 Имя: **Иардета Травек**

Пол: **Ж** Возраст: **58** Примечания: *Приятная, очаровательная!*

Минимальная заявка: **300 силей**

Это имя было небрежно зачеркнуто – Травек едва не пропустил его. В конце строки кто-то приписал от руки: «Умерла».

Травек смотрел на бумагу невидящими глазами, у него кружилась голова. За спиной слышались голоса, шум, шаркающие шаги, смешки...

«Шесть тысяч пятьсот! – объявил аукционер. – Кто предложит шесть шестьсот? Шесть шестьсот – шесть семьсот... Лорды, взгляните! Какое изящное, нежное тело! Повышайте ставки, господа! Шесть восемьсот – девятьсот – шесть девятьсот... А! Лорд Эрулит дает семь тысяч. Семь тысяч – семь тысяч – и это всё, господа? Вы, лорд Спангл? Нет? Продано лорду Эрулиту, за семь тысяч силей. Продано!»

Обернувшись, Травек увидел на площадке свою сестру, обнаженную. Купивший ее высокий коренастый человек, лет тридцати с лишним, плешивый, с мясистым носом и нездоровым лиловато-розовым румянцем, прохаживался вокруг девушки, очевидно довольный приобретением.

Травек закричал: «Талла!»

Лорд Эрулит поднял глаза; аукционер тревожно взглянул на Травека, подбежавшего к сестре.

«Дайл! Тебя тоже схватили?»

Травек протиснулся мимо разгневанного Эрулита и обнял сестру. Та судорожно дышала, дрожа всем телом.

Травек сказал: «Я прилетел как можно скорее, чтобы всех вас вызволить...»

«Мама умерла сегодня утром», – прошептала Талла и заплакала у него на плече.

Травек обернулся к лорду Эрулиту – нахмурившись, тот продолжал стоять рядом.

«Сударь, это моя сестра. Могу ли я заплатить семь тысяч и забрать ее домой?»

Лицо лорда побагровело. Наконец он сказал: «Теперь она – моя собственность. Я не хочу расставаться со своей собственностью. Я приобрел ее законно».

Травек настаивал: «Сударь, умоляю вас! Не разлучайте со мной бедную девушку. Я пролетел восемнадцать световых лет, чтобы ее найти – ее и других моих близких».

Голос за спиной Травека громко посоветовал: «Не поддавайтесь на уговоры орта, Эрулит! Вы ее купили, вы за нее заплатили».

Лорд Эрулит расправил плечи: «Отойди, чужеземец! Будь осмотрителен!»

Тот же голос – одного из собравшихся лордов – напомнил: «Орт, тебе временно разрешили здесь находиться. Но если ты нарушишь хотя бы правила дорожного движения, тебя схватят и продадут».

Талла произнесла – тихо, сдавленно, упавшим голосом: «Дайл, это бесполезно».

«Лорд Эрулит! – сказал Травек. – Я заплачу вам десять тысяч за мою сестру».

Эрулит отошел на пару шагов, чтобы лучше оценить покупку.

«Ни в коем случае! – самодовольно отозвался лорд. – Не отдам ее и за пятнадцать тысяч. Сомневаюсь, что уступлю даже за двадцать».

«Я отсчитаю вам четырнадцать тысяч наличными и предоставлю долговое обязательство еще на семь тысяч», – пообещал Травек.

Эрулит нахмурился и внезапно взорвался: «Мне надоели твои приставания! Пошел вон!»

Талла прижалась к Травеку – холодная, напряженная, трепещущая. Он почувствовал ее слезы на своем плече. «Я очень сожалею, Талла!» – беспомощно пробормотал он.

Талла встрепенулась, судорожно вздохнула, всхлипнула: «Сейчас ты мне не поможешь, Дайл. Будь осторожен!»

Травек безрадостно рассмеялся.

«Не надо, Дайл! – прошептала Талла. – У тебя впереди вся жизнь, и может быть... может быть, ты еще поможешь кому-нибудь, – она сглотнула, сдерживая рыдания. – Там еще одна девушка. Они приберегали ее напоследок. Она заботилась о маме. И отдала мне свою еду. Если бы ты мог ее выкупить, Дайл...»

«Попробую, Талла. Куда они дели тело матери?»

Талла плотно зажмурилась: «Унесли. В место, которое здесь называют „бойней“. Там складывают трупы – и убивают непокорных, наверное...»

Глаза Травека горели, как пламенные угли. Он не мог говорить.

II

Эрулит взял Таллу за плечо, оттащил ее в сторону: «Хватит, хватит! Вы устроили исключительно трогательную сцену. Но она не может продолжаться бесконечно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.